PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Андрей ВАНДЕНКО

Евгений ДОДОЛЕВ

Их Кремль

Виктор АЛКСНИС

Елена БОННЭР

Дмитрий ВАСИЛЬЕВ

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ

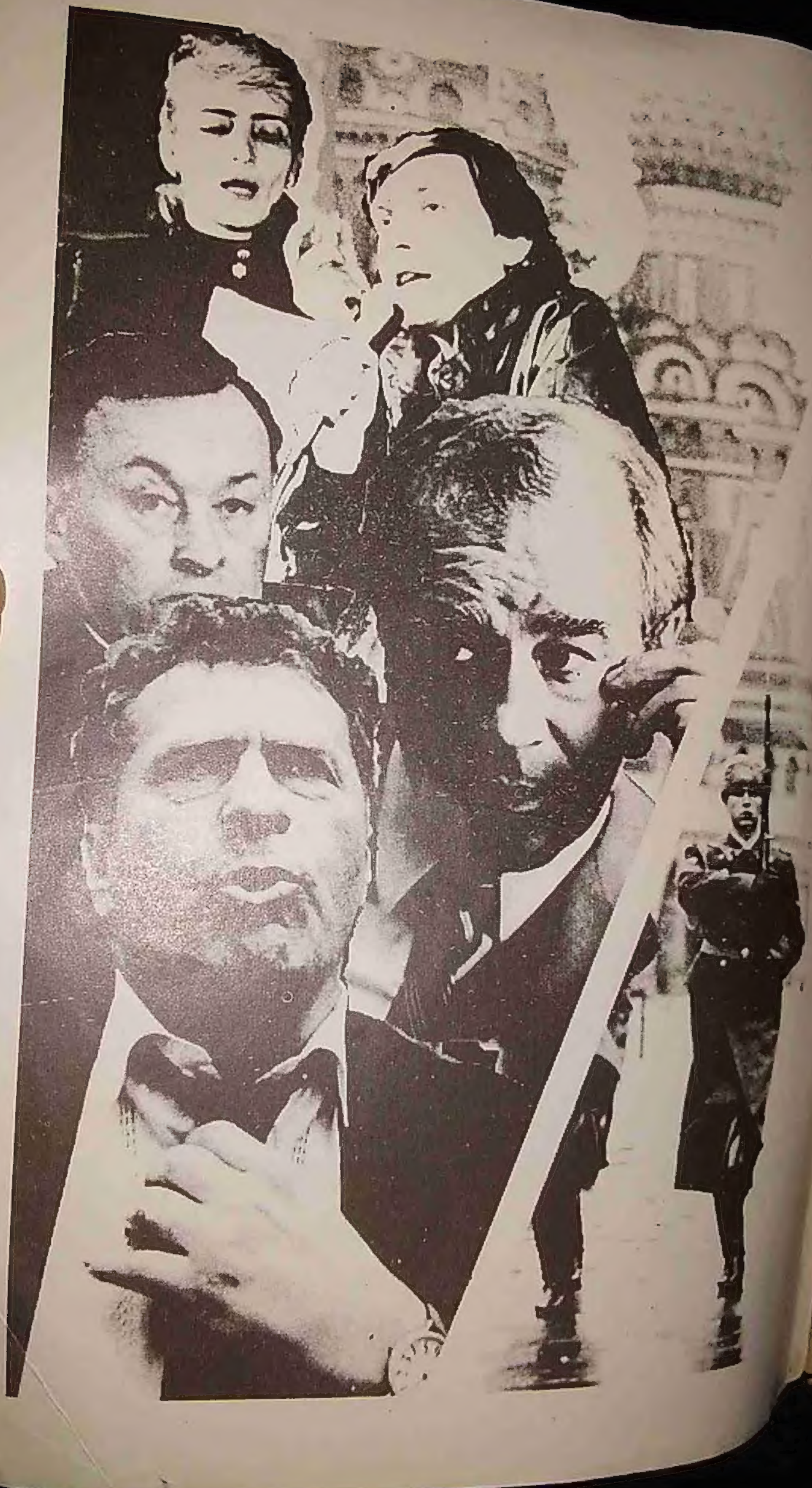
Олег КАЛУГИН

Виталий КОРОТИЧ

Альберт МАКАШОВ

Александр НЕВЗОРОВ

Сажи УМАЛАТОВА



Андрей ВАНДЕНКО
Евгений ДОДОЛЕВ

Их Кремль

Виктор АЛКСНИС
Елена БОННЭР
Дмитрий ВАСИЛЬЕВ
Владимир ЖИРИНОВСКИЙ
Олег КАЛУГИН
Виталий КОРОТИЧ
Альберт МАКАШОВ
Александр НЕВЗОРОВ
Сажи УМАЛАТОВА

Издательский Дом «Новый Взгляд»
Издательство «Московская правда»
1992

Сдано в набор 5.10.92. Подписано в печать 16.11.92.
Формат 60x90 1/16. Бумага газетная. Гарнитура "Кэзлон".
Печать офсетная. Объем 7,0 п.л. Тираж 50.000 экз. Заказ №5637.
Цена договорная.

Оригинал-макет изготовлен
ТОО «Издательский Дом «Новый Взгляд».
г.Москва, Нижнекисловский пер., 6.
Телефоны: 259-40-19, 202-16-41.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
"Московская правда".
Москва, Д-22, ул. 1905 года, 7.

© «Издательский Дом «Новый Взгляд»
© Издательство «Московская правда»

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

АЛКСНИС. ПОЛКОВНИК, О КОТОРОМ ПИШУТ

Виктор Имантович опаздывал. На пять минут, на десять... Я в одиночестве вынужденно маячил у 20-го, "депутатского", подъезда Белого дома. Ожидание – вообще занятие не из приятных, а тут еще ко мне раз за разом подходили какие-то зачуханные, поддатые личности и интересовались, где собирается союз "Живое кольцо", кому сдавать фотографии для оформления удостоверений защитника Белого дома. Так и не понял, за кого же меня принимали эти люди. А Алксниса все не было...

Наконец он появился, на ходу извинился за почти 20-минутное опоздание ("Задержали на другой встрече") и бросился в кабинку – по местному телефону звонить знакомым депутатам, чтобы заказать пропуск. С чувством не то чтобы превосходства, но какой-то внутренней удовлетворенности я по аккредитационной карточке парламентского корреспондента миновал милицейский кордон и изнутри наблюдал за Алкснисом. Тот, похоже, дозвонился, прокричал мне от дверей, что быстро сходит в бюро пропусков и вернется.

Но рано я упивался ощущением полученной сатисфакции. Виктор Имантович явно не поспешал. Он попросту исчез на полчаса. Я, наверное, плюнул бы и ушел, если бы не сознание, что встречаться все равно придется, а значит, снова договариваться, ехать, ждать...

Долгое отсутствие Алкснис объяснил тем, что с непривычки заблудился в коридорах Белого дома. Правда, чуть позже, вероятно, забыв о первоначальной версии, сказал, что заходил в депутатскую кассу за билетом в Ригу. Я уж не стал напоминать, хотя эта пустяковая ложь как-то неприятно резанула. Но стоит ли мелочиться?

В поисках места для разговора мы прошли вдоль депутатских кабинетов. Армейским шагом Алкснис миновал апартаменты Глеба Якунина, Олега Румянцева, других демократов, затормозив у двери с табличкой "В.Аксючиц". Единомышленник? Во всяком случае, здесь мы и расположились.

МАТРОС ЖЕЛЕЗНЯК ЖДАТЬ НЕ СТАНЕТ

— Виктор Имантович, вот уж не думал, что вы мне свидание в Белом доме назначите.

– Да, я бываю здесь. Прихожу для контактов с депутатами, входящими в блок "Российское единство". Других помещений, где можно было бы спокойно встретиться и поговорить, у меня, к сожалению, нет.

— И никаких негативных эмоций к сему архитектурному сооружению вы не питаете? Жена бывшего шефа союзного КГБ Екатерина Крючкова, например, это здание иначе, как Черным домом, не называет.

– Ну как... К этому дому я испытываю примерно такое же чувство, как к аналогичной постройке в Кремле, где заседал Верховный Совет СССР. Отношусь без тепла и любви. Тем более что вижу: обитатели Белого дома идут по нашему пути. Система союзного парламента была успешно развалена, теперь черед российской законодательной власти. Состояние агонии близится. Мы наблюдаем тот самый кризис парламентской демократии, который уже однажды был в нашей истории – перед 17-м годом. Можно вспомнить и разогнанное большевиками Учредительное собрание. Интересно только узнать, кто сегодня сыграет роль матроса Железняка.

— Вы видите реальных кандидатов?

– Можно предположить, но фамилия в конечном итоге не важна – Иванов, Петров, Сидоров. Я говорю о силах, заинтересованных как в развале экономики, так и в устранении с политической арены мощного оппонента президента и правительства. Крах неизбежен.

Если бы генерал де Голль в 40-м году после капитуляции Франции созвал заседание парламента где-нибудь в Лондоне или на севере Африки и стал бы обсуждать, что нужно сделать для выхода из кризиса, думаю, на этом его карьера была бы закончена.

— Извините, не уловил: какая тут параллель?

– Самая прямая. Мы сейчас находимся в аналогичном состоянии, как и капитулировавшая Франция.

— Мы — это кто? Россия, Советский Союз?

– Понимаете, то, что называется Российской Федерацией, еще отнюдь не Россия. Это понятие куда более широкое, в том числе, и в географическом смысле. Сегодня модно к месту и не к месту поминать Петра I. Если бы он увидел, что творят с плодами его трудов, наверное, в гробу перевернулся бы. Но, слава богу, не выродились еще настоящие патриоты!

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

КОТ, ГУЛЯЮЩИЙ САМ ПО СЕБЕ

— Виктор Имантович, что-то вас давненько не видать, не слыхать. Вряд ли вы смиритесь с безвестностью. Расскажите, чем занимаетесь.

– Что не видно, так это понятно. Раньше я был в Кремле, мелькал на сессиях, а сейчас я в другой роли.

— Вот я и спрашиваю: в какой?

– Скажем так: кота, который гуляет сам по себе. Я не хочу быть особенно связанным с какими-то структурами, партиями. Веду работу по созданию единого блока оппозиции. Два года мы призывали отказаться от идеологии, всяких "измов" и объединиться во имя спасения Отчизны. Сегодня, кажется, наши увещевания начинают приносить плоды. Я участвую в процессе консолидации.

— В качестве?

– Ну, одного из тех, кто конкретно этим занимается.

— Назовите фамилию "тех".

– Бабурин, Павлов, Астафьев, Константинов, Аксючиц – российские депутаты. Зюганов, Проханов, Макашов – духовная оппозиция. С этими людьми я постоянно контактирую.

— Вы живете в Москве?

– Нет, я болтаюсь между Ригой и Москвой. Семья у меня там, а здесь товарищи, дела.

— У вас есть тут жилплощадь?

– Я снимаю квартиру.

— За большие деньги?

– Ну, не совсем снимаю... Один приятель сдает мне, скажем так, квартиру. Бесплатно.

— Всем бы таких приятелей... А в Риге у вас что?

– Двухкомнатная "хрущоба". Там прописаны жена, двое детей и я.

— Вы ведь, кажется, намеревались переезжать из Латвии?

– Конечно, если б мог, сделал бы это. Но меня в Москве никто не ждет. Более того, еще в феврале 92-го московское правительство рассматривало вопрос о депортации из столицы нежелательных иностранцев, подразумевались я, Коган, другие представители ближнего зарубежья из числа народных депутатов Союза. Поэтому, конечно, московским властям и в страшном сне привидеться не может, что я появлюсь здесь на постоянное жительство.

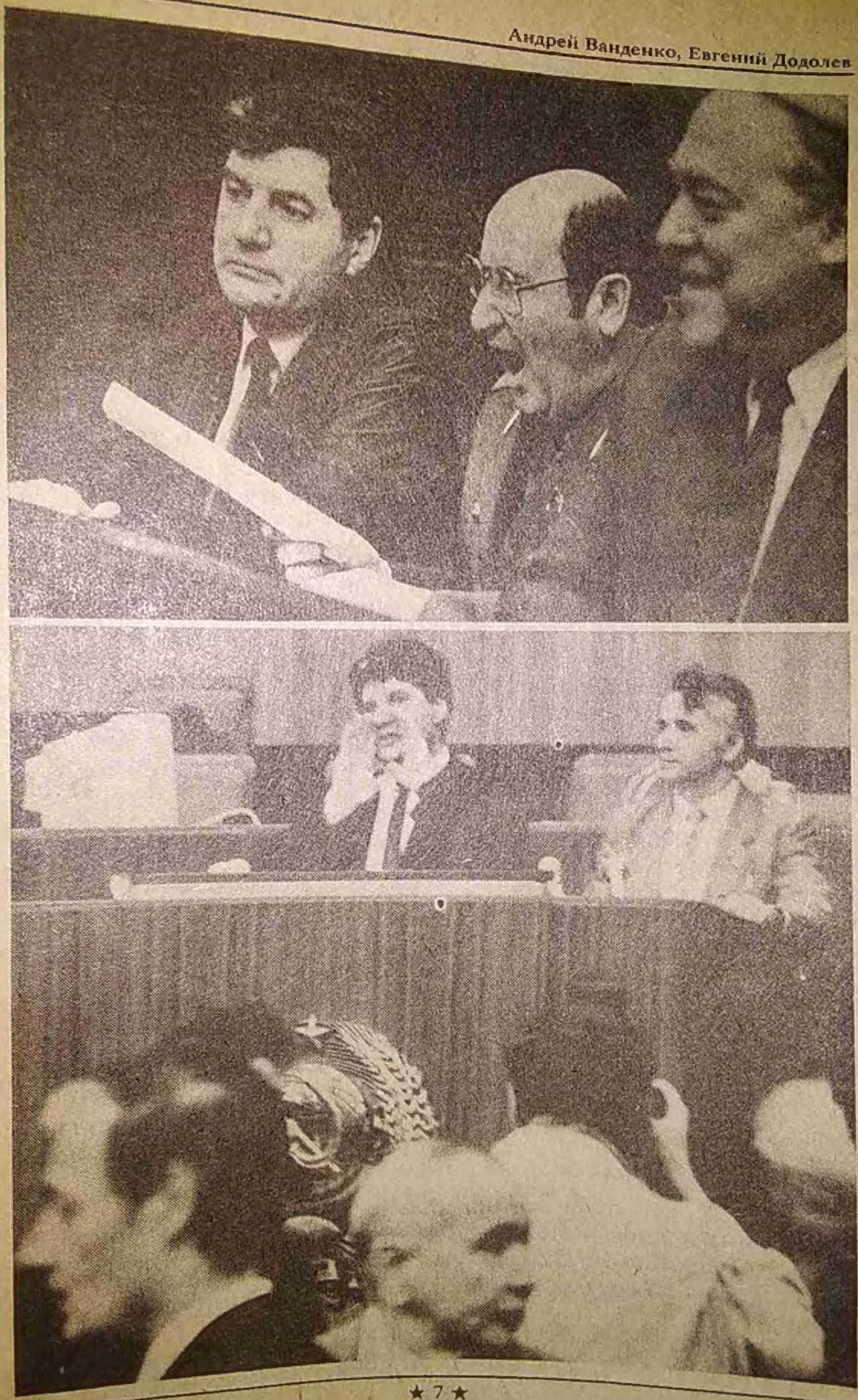
— Но есть же законный путь — обмен.

– Ой, не смешите! Ни один из демократов, которые так поддерживали народный фронт Латвии, что-то не испытывает желания ехать в царство свободы, образовавшееся на территории прибалтийских республик.

— Как к вам относятся в Риге?

– Сегодня я хожу по городу абсолютно спокойно. Если еще год назад могли быть всякие неприятные инциденты на улицах – с оскорблениями, размахиванием кулаками перед моим лицом, то теперь этого нет.

Андрей Ванденко, Евгений Додолев



— Чем вы это объясняете?

– Люди трезвеют, проходит эйфория, опьянение. Все больше и больше становится тех, кто понимает, что их обманули. Прозревают и в России, и в Латвии, и в других местах.

— Ваша фамилия в республике известная...

– Дед мой был личностью очень популярной, до 89-го года он считался гордостью нации. Яков Алкснис перед войной шесть лет служил главкомом Военно-Воздушных Сил СССР, участвовал в подготовке всех знаменитых чкаловских перелетов, в спасении челюскинцев... 23 ноября 1937 года деда арестовали, на следующий день взяли его жену, мою бабушку. Мой отец остался без родителей, его сначала отправили в Даниловский детприемник, здесь, в Москве, а потом переправили в детдом под Курском. Отцу было десять лет.

Деда моего расстреляли, бабушка провела по тюрьмам и лагерям 15 лет. Отец смог разыскать ее только в 57-м году, после реабилитации. Тогда же мы и переехали в Ригу из Кемеровской области, где познакомились и поженились мои родители, где родились мы с сестрой.

В Риге стоял памятник моему деду, военное инженерно-авиационное училище, которое я заканчивал, носило имя Якова Алксниса, улица была... Теперь все это пошло прахом – памятник снесли, училище расформировывается, улицу переименовали.

— В честь кого на этот раз назвали?

– Даже не знаю, не интересовался... Так что такая история с нашей семьей.

— А родня ваша рижская смирилась? Было время, она от вас чуть ли не отреклась.

– С сестрой у меня отношения не портились, а более дальние родственники... Недавно позвонил один из дядьев, который полтора года назад в прессе клеймил меня позором. И так между прочим, словно ничего и не было, говорит: "Виктор, ты куда пропал? Что-то зазнался, в гости не заходишь. Приезжай, бутылка стоит." Так что и здесь, как говорил некто Горбачев, процесс пошел. И пошел в позитивном направлении. Не скажу, чтобы с родней все стало благополучно, но ничего, еще не вечер.

— Жена работает?

– Она преподает историю в средней школе. Супругу потихонечку начинают выживать, создают неприятную обстановку, хотят вынудить уйти самостоятельно. Причем делают это не коллеги по школе, а районное, городское начальство перекрывает кислород.

— А дети?

– С ними пока все нормально, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Ирина и Яков учатся в одном из лучших учебных заведений города – Пушкинском лицее. Они туда не по блату устроены, просто мы живем по соседству. Дочь в 12-м классе занимается, а сын – в 10-м.

Вообще с детьми у меня полный порядок. В политических взглядах они полностью на моей стороне, им даже нравится, что

наверху вращаюсь. Похвастать перед приятелями можно, с кем отец знаком и дружен. Я спокойно на это реагирую, пусть по-детски пощеголяют.

— *После школы будут уезжать из Латвии?*

– Безусловно. В республике получить образование им не удастся.

БЕСПЛАТНЫЙ СЫР ИЗ МЫШЕЛОВКИ

— *Виктор Имантович, вы обмолвились о том, что вас могут выслать из Москвы как иностранца. У вас латвийский паспорт?*

– Я гражданин России. В соответствии с принятым в 1991 году законом, те, кто родился на территории Российской Федерации, автоматически становятся ее гражданами. Моя родина – город Таштагол Кемеровской области. И жена, и дети у меня россияне. Латвийское гражданство я даже не пытался взять, учитывая те требования, которые для этого предъявляются.

— *Латышский язык вы знаете?*

– Да, свободно говорю.

— *И дома тоже?*

– Нет, пользуемся русским. Кроме меня, латышским никто из домашних не владеет. Может, и моя вина в этом есть, но... Я ведь в армии служил, а там один язык в ходу. Поэтому упреки, что мы, мол, мигранты, поэтому не уважаем латышскую культуру, ее традиции, абсурдны. Проблемы намного серьезней. Скажем, Рига на 67 процентов заселена русскоязычным населением, естественно, что нужда общаться по-латышски возникает редко. А в сельской местности, понятно, другая картина, и там, кстати, все знают язык. Все от среды зависит, остальное – чушь.

— *Скажите, приезжая в Латвию, вы участвуете в действиях оппозиции, назовем это так?*

– Нет, политической деятельностью в Латвии я не занимаюсь, поскольку пока еще являюсь военнослужащим российской армии, а значит, не могу вмешиваться в общественную жизнь иностранного государства. Контакты, конечно, у меня сохранились, но никаких конкретных акций и шагов я не предпринимаю.

— *Это с той поры, когда вас хотели прищемить за поддержку ГКЧП?*

– Да, на меня пытались дело завести и в Риге, и в Москве. Кстати, я единственный из руководителей депутатской группы "Союз", кого не вызывали на допрос в прокуратуру России. Когда я как-то сказал об этом с гордостью одному из генералов КГБ, тот ухмыльнулся и ответил: "Под тебя глубже всех копали, хотели набрать компромата, чтобы вызвать и уже не отпускать." Ничего из этого не вышло.

— *А что вам инкриминировали?*

– Разное. Чуть ли не в идеологи ГКЧП записывали. Даже проводили расследование, не я ли передал видеокассеты с допросами Язова, Павлова в "Шпигель". Пришить многое тужились. В латвийскую прокуратуру меня в сентябре 91-го года вызвали, но я

сказал, что являюсь депутатом СССР, поэтому по повестке не приду. Все, больше не трогали. Пока.

Я ведь никогда не скрывал, что входил в комитет национального спасения Латвии, Этот комитет потом окрестили предвестником ГКЧП. А я не видел и не вижу ничего противозаконного в том, что мы делали.

— Но вы ведь своих симпатий к ГКЧП не таили?

– Нет, а зачем? Это мои взгляды, почему я должен их бояться обнародовать? За взгляды не судят, а состава преступления в моих действиях нет.

— Вы сказали, что являетесь офицером российской армии. Где вы сейчас служите?

– Сложный вопрос. Я нахожусь как бы между небом и землей. Второго марта 1992 года под впечатлением знаменитого всеармейского совещания, увидев, что единой армии больше нет, я подал рапорт об увольнении. Вначале Шапошников вроде давил, требовал ускорить решение моего ходатайства, но потом дело застопорилось. Тишина. Я числюсь в штабе ВВС северо-западной группы войск, но на службу не хожу, зарплату не получаю, хотя деньги мне исправно начисляют. Однако я считаю себя не вправе их брать, поскольку не заработал.

Я за то, чтобы ясность поскорее наступила. Развязавшись с армией, я смогу требовать те льготы, которые положены увольняемым в запас. Встану на квартирный учет, буду добиваться жилплощади где-нибудь в Подмосковье, ибо Москва закрыта для меня, я уже объяснял, из-за чего.

— А пока суд да дело, вы с головой ушли в общественную жизнь?

– Да, и на скуку не жалуюсь. Даю много интервью западной прессе, там меня не забывают. Езжу за границу. В мае 92-го, например, был во Франции, потом в Германии. В Париже участвовал в форуме "Куда идет Восток?", в ФРГ читал лекции для офицеров бундесвера.

— И вы не брезгуете брать доллары, дойчмарки? Люди ваших убеждений обычно любят подчеркивать, что они отказываются от всех этих гонораров, так как не продаются капиталистам.

– Одно дело, когда за лекцию платят пять тысяч долларов – и дураку понятно, что это покупка, и другое, если сумма исчисляется тремя сотнями марок за три дня, как было со мной. В такой ситуации я чувствую себя морально чистым для получения гонорара – заработал.

Хотя были попытки и меня подкупить. В 91-м году пригласило меня одно из ведущих японских издательств, оплатило полет в первом классе "Боинга", и в Токио хозяева принимали по высшему разряду. Все было шикарно. И так между прочим вручается мне подарочек, какой-то сверточек. Причем все это снимается, записывается японскими корреспондентами. В гостинице глянул на презент, а это видеокамера за две с половиной тысячи долларов. Что делать? Я ведь прекрасно понимаю, что бесплатный

сыр бывает только в мышеловке. Значит, надо сдавать, я же депутат. Но сдавать в Кремль тоже как-то... Лучше уж использовать на правое дело. Вернулся из Японии и полетел в Ленинград, где публично вручил Александру Невзорову подарок для НТК "600" от японских друзей...

Я за рубежом капитал не нажил. На те деньги, которые честно заработал, купил жене электрогриль, дочери какую-то тряпочку... Из Японии, правда, привез видеомагнитофон. Все.

— А себе?

– У меня есть слабость: люблю сухое вино. В Германии купил три бутылочки мозельского, привез.

— Наша страна, кажется, обогатила мир новой профессией — политический борец. Именно борец, а не деятель, к примеру. Борьба, возведенная в абсолют.

– Да. Я и себя отношу к этой категории людей. Я вечный борец. Даже если мы победим, я останусь в оппозиции, не стану драться за место у кормушки.

— Но это же чистый спорт, а не политика.

– Может быть. Но мне моя роль по душе. Без инакомыслия нельзя. Без оппозиции и альтернативы очень просто скатиться либо к застою, либо к диктатуре. Поэтому и победы нашей я жажду не ради постов.

— Виктор Имантович, о какой победе речь, о чем вы?

– Если взять тысячелетнюю историю нашего государства, то, что происходит сейчас, пустячок, мелочь, заслуживающая одного-двух абзацев в будущих учебниках, не более. Поэтому напрасно вы думаете, будто все свершилось и изменить ничего нельзя. Я тут прочитал в "Независимой газете" статью, автор которой утверждает, что Советский Союз вечен на генетическом уровне. Институт генетики имени Вавилова составил атлас генофонда нашей страны. Оказывается, тот самый советский народ существует. Есть хомо советикус, есть! Сто поколений понадобилось, чтобы образовалась эта общность. Десять тысяч лет! Разве такое разрушишь за семь-восемь годков? Дудки!

В 17-м году все это уже было: и независимая Украина, и свободные республики Закавказья. Рухнула монархия, и не стало объективных условий для объединения. Потом большевики собрали всех вместе под коммунистическими лозунгами. За 70 лет удалось создать единое экономическое пространство. И даже с крахом коммунистической идеологии держава не погибнет. Де-юре СССР нет, а де-факто он есть.

— Так все же уточните: по-вашему победа — это что?

– Будет одно государство, и узбек в Юрмале, а латыш в Самарканде смогут вновь чувствовать себя как дома.

— Полагаете, такое возвращение вспять обойдется без крови?

– Очевидно, кровь будет. Боюсь, самые страшные события еще впереди. Приднестровье, Северная и Южная Осетия, Карабах; Абхазия – это дальние раскаты грома. Как бы пол-Европы не

полыхнуло огнем. Я отнюдь не ратую за танки и пушки, хотя была возможность решить вопрос силой. ГКЧП имел шанс спасти страну без лишнего кровопролития. 19-го августа никто из лидеров тогдашних союзных республик открыто не осудил введение чрезвычайного положения. Исключение – Ельцин и, пожалуй, Акаев. В Прибалтике ГКЧПисты практически полностью контролировали ситуацию, без шума и криков были взяты телевидение, почта, вокзалы. И никаких баррикад на улицах, никаких бросков под танки... ГКЧПистов приняли всерьез, а они прошляпили момент. Теперь большой крови не избежать.

Грузия, например, повоюет еще немножко, развалится полностью, что уже бывало в ее прошлом. Россия спасла грузинский народ, когда брат пошел на брата, а сосед на соседа. И сейчас, уверен, приедут в Москву и скажут: извините, мы поторопились. Они уже убили тысячи собратьев, видно, пока мало.

КРЕМЛЕВСКИЕ ИНТРИГИ

— О Горбачеве вы говорили без симпатии. Что, совсем не нравится?

– А он не девка, чтобы нравиться. Вообще же я иногда думаю: и за что нас бог наказал, послав такого правителя? Это же голый король, который долго всем морочил голову. Мне в том числе.

— Вам приходилось неоднократно общаться с Михаилом Сергеевичем. Поделитесь впечатлениями.

– Слабак. Просто слабак. Не личность. Если на него давить, можно добиться всего, чего угодно. Сегодня сожалею лишь о том, что мы слабо давили. Этот человек не имел своей точки зрения. Тот, кто крепче на него наседал, и добивался цели.

— А Ельцин?

– Его сильное качество – человеческая и политическая воля. Если же сравнивать Ельцина по интеллекту с Горбачевым, то первый, конечно, проигрывает. Зато Ельцин опережает в напористости. Знаете, он как бульдозер. Беда в том, что у бульдозера заклинили рычаги управления, и он прет не разбирая дороги. Прет явно не в ту степь.

Фактически же страна стала заложницей в споре Горбачева и Ельцина. Ради личных амбиций и жажды власти эти двое поставили на грань катастрофы великую державу. Ельцин ведь не центр, не союзные структуры разрушал, он из-под Горбачева стул выдергивал, чтобы самому на нем усесться. До кресла добрался, страна же горит...

— И Кремль вам из-за Горбачева и Ельцина не мил?

– Я ведь человек в политике случайный, попал туда только в 89-м году. Как говорится, из грязи да в князи. Прежде я наивно полагал, что в Кремле работают какие-то особенные люди, они все знают, все умеют, все понимают. А когда столкнулся лично... Дикая ограниченность встречается, сидишь, бывало, и думаешь: кто же тебя пропихнул в Политбюро? Неужели такая серость нами управляла?

А те, кто сегодня пришел, думаете, лучше?

— Но ведь и вы, Виктор Имантович, не святой. Не станете же отрицать, что участвовали в политических интрижках?

– Да, не стану. Политика – грязное дело, поэтому я всегда следил, чтобы не очень уж запачкаться. Личной выгоды я никогда не преследовал и не извлекал. Ни квартиры, ни машины, как вы знаете, у меня нет. Мои интриги были направлены на одну цель – спасение государства.

— Чисто по-житейски жалеете, что ваше депутатство досрочно завершилось? Я не о высоких материях, а о прозаичном — льготы, привилегии.

– Жалею, что теперь лишен возможности ездить, как раньше. Прежде не было проблем с билетами (депутатам положены бесплатные) и с гостиницами (места всегда находили). Политик не может сидеть на одном месте, я и сейчас мотаюсь, но все стало намного сложнее.

— А с депутатским значком вы что сделали?

– Ничего, вот он. **(Алкснис вытащил из нагрудного кармана пиджака маленькое красное знамя с буквами "Народный депутат СССР" и протянул мне, показывая. – А.В.)** Когда я прихожу на встречу или еще куда-нибудь, обязательно его пристегиваю. Носить же постоянно уже как-то знаете... Трудно сказать, но... На улицах сверкать значком... Я и раньше этого не любил.

— Но в метро бесплатным проездом пользуетесь?

– Нет. Хотя некоторые наши депутаты до сих пор показывают мандаты, проходят и – ничего. Я этого не делаю. Года два назад пару раз попробовал, но нарывался на бдительных контролеров, они требовали дать им удостоверение в руки, долго рассматривали его, привлекая всеобщее внимание. Проще было заплатить. Тогда-то это стоило пять копеек...

— Но и сегодня для вас рубль должен быть суммой, если учесть, что вы давно не получаете свое полковничье жалование.

– Сложно, конечно, сложно. Приходится жить на накопления, созданные раньше.

— Виктор Имантович, извините, но неужели обычный полковник Советской Армии мог сколотить состояние, позволяющее существовать в наше безумное время? Я не то чтобы сомневаюсь в ваших словах, но все же...

– Я ведь живу скромненько, непритязательно, многого мне не надо. Тяжело разрываться между двумя городами, это – да. Вынужден брать часть зарплаты жены. Но я надеюсь, что перемены скоро должны наступить, вот сейчас с армией разберусь и найду источник существования. Варианты есть.

— Но в данный момент вас никто не подкармливает из тех структур, с которыми вы сотрудничаете?

– Нет. В принципе... Хотя все же нет. Я пока не иду ни в какие коммерческие организации и фирмы, поскольку хочу сохра-

нить свое имя чистым. Много проблем из-за того, что с увольнением тянут.

— С Шапошниковым вам приходилось контактировать?

– Да. И я прекрасно помню, как в мае-июне 1991 года я был у него в кабинете (Евгений Иванович тогда командовал ВВС), и он убеждал меня: "Ну что же вы, депутаты, говорильней занимаетесь? Дайте нам команду – мы всем этим демократам моментально башки посносим." А через два месяца выяснилось, что маршал Шапошников, оказывается, всегда был за демократию.

— А свидетели того разговора есть?

– Конечно, нет, поэтому у маршала все пока нормально.

— Кстати, я думал, вы компромат сыпать начнете, пачками сдавать демократов. А вы ведете себя довольно сдержанно.

– Да, у нас есть много на них всякого, но еще не время, не время. Эти факты должны прозвучать в определенной ситуации, которая пока не наступила. Но мы дождемся своего часа, дождемся...

Андрей ВАНДЕНКО.

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

БОННЭР. ДАМА, КУРЯЩАЯ "КОСМОС"

Мне довелось лишь однажды брать интервью у Андрея Дмитриевича Сахарова. По большому счету, это и интервью-то не назовешь. Так, беглый расспрос по какому-то частному и достаточно малозначительному факту, который я сейчас толком и не припомню. Кажется, что-то, связанное с работой МДГ – межрегиональной депутатской группы. Впрочем, я не уверен. Диктофонная запись не сохранилась.

Расшифровав разговор, я тут же опять пустил кассету в дело.

Кто же мог знать, что возможность для обстоятельной беседы больше не представится, что я вижу Сахарова живым чуть ли не в последний раз. Шел декабрь 89-го...

Мы все сильны задним умом. Это сегодня, на удалении трех с лишним лет, тот факт кажется мне малозначительным и частным, но тогда, очевидно, он воспринимался иначе, если я решился побеспокоить Андрея Дмитриевича, хотя видел, каким вымотанным, усталым покидал он каждый вечер Кремлевский Дворец съездов...

В отличие от большинства депутатов, предпочитавших разъезжаться по домам на служебных, цвета ночи, лимузинах, Сахаров обычно спешил к скромненькому личному авто, за рулем которого сидела пожилая женщина в очках. Елена Боннэр. Мне неоднократно приходилось видеть ее, дожидавшуюся мужа, занятого на различных заседаниях, пресс-конференциях.. Попыток приблизиться, поговорить с Еленой Георгиевной я не предпринимал. Признаться, в тени масштабной фигуры Андрея Дмитриевича тогда просто не разглядел Боннэр, воспринимая ее именно как жену Сахарова – не более, но и не менее. Впрочем, один ли я? Это западные коллеги-журналисты давно относились к Елене Георгиевне как к абсолютно самостоятельной политической единице, мы же... Уточняющее определение

"супруга", а позже – "вдова" долго еще преследовало Елену Георгиевну. Выступления на митингах и форумах демократов, статьи в "Московских новостях" и "Огоньке", наконец, перепечатка в "Неве" вышедшей в Париже в 1988 году, т.е. еще при жизни Андрея Дмитриевича, книги "Постскриптум" заставили многих, меня в том числе, иными глазами взглянуть на Боннэр и ее роль в жизни Сахарова...

Елена Георгиевна согласилась на интервью с видимой неохотой: "Все спрашивают об одном и том же, надоело бесконечно жевать собственные мысли. Поэтому условимся сразу: буду отвечать, если вопросы покажутся интересными." На ходу соображая, о чем бы таком поговорить, я предложил: "Давайте для начала о музыке, которую вы с Андреем Дмитриевичем любили слушать, а там – посмотрим."

"Я – СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ"

– Музыкальные вкусы? Это что-то новенькое... Муж любил русскую народную музыку, Скрябина, Прокофьева, Шостаковича. Хорошо относился к Вагнеру, не знаю, почему. Мне больше по душе романтики – Моцарт, Шопен, Шуман. Надо сказать, что в нашей совместной жизни и Андрей Дмитриевич полюбил этих же композиторов. А привязанности к Бетховену и Баху у него так и остались сильнее, чем у меня. Зато мы оба были страстными поклонниками настоящего американского джаза.

— И на концерты ходили?

– К сожалению, очень редко. Мы вообще всегда жили очень напряженно, и у нас мало было времени для того, что определяется понятием "личная жизнь". Сил просто никаких не оставалось на что-то отвлеченное. Мы ведь регулярно работали, в том числе и по ночам. Поэтому с музыкой мы обычно общались посредством грампластинок. У меня дома довольно неплохая фонотека. У Андрея Дмитриевича, пока он жил со своими детьми, я бывала крайне редко и не знаю, имелись ли у них там пластинки или записи. Когда же он пришел в наш дом, то я стала приучать его к тем ценностям, которыми дорожила сама. А самое дорогое у нас – книги да пластинки.

— В последние годы ваш муж с головой ушел в политику, занимался общественной деятельностью. Нобелевская премия мира за 1975 год — тому свидетельство. Но три Золотых Звезды Героя он получил все же за другое...

– Андрея Дмитриевича принято называть и считать отцом водородной бомбы. Можно подумать, будто он больше ничего в физике не сделал. Но из его теоретических разработок родилось очень многое – новые направления в космологии, в изучении частиц и теории поля. Одна из идей мужа, например, получила развитие в медицине, и летом 92-го, в Виннипеге, в госпитале Сан-Бонифацио открылся центр по обследованию и лечению с помощью магнитного резонанса. Этому центру дано имя Андрея Дмитриевича. Я участвовала в церемонии открытия в качестве свадебного генерала.

— Вы вполне отдаете себе отчет, что вас приглашали именно на эту роль?

– Я вообще свадебный генерал. Немножко. А в этом конкретном случае – на все сто. Меня ведь звали не лекции читать или интервью раздавать, а **присутствовать**. Я уже была в Виннипеге весной 89-го на закладке этого центра вместе с Андреем Дмитриевичем. Теперь одна...

— Елена Георгиевна, вы удивительно легко согласились с тем, что вас используют в "генеральском" качестве. Разве вас это не задевает?

– Задевает. И еще как! Но что я могу поделать?

— Например, отвергать предложения, подобные виннипегскому.

– Но ведь это память об Андрее Дмитриевиче... Я пытаюсь бороться. Например, все беседы, интервью, касающиеся личной жизни, отметать с ходу. И приглашения на различные встречи, съезды, форумы, где я буду фигурировать как "вдова выдающегося человека современности", тоже обычно даже не рассматриваю. Исключение – те случаи, когда мое присутствие может быть оправдано какими-то высшими целями.

— Вы сказали мне, что, кроме уже изданного "Постскриптума", вы не собирались и не собираетесь писать каких-либо воспоминаний о Сахарове. С чем это связано?

– Все, что хотел рассказать о себе, Андрей Дмитриевич уже рассказал в своих "Воспоминаниях". Кроме того, остались дневники мужа. Часть из них украдена, но некоторые удалось сохранить. Надеюсь, что когда-нибудь они будут напечатаны. Подготовка их к публикации – моя задача. Впрочем, я не тороплюсь.

— Почему?

– Мода на Сахарова по-прежнему существует, поминать к месту и не к месту его имя становится правилом. Суть же дела, идеи Андрея Дмитриевича мало кого интересуют. Скажем, "Знамя" из номера в номер публиковало "Воспоминания", труд, которым муж занимался долгое время. И что? Серьезных литературоведческих и историковедческих рецензий, статей с откликами на журнальный вариант жизнеописания Сахарова почти не последовало. Так же, как, впрочем, и серьезного обсуждения конституционных идей Андрея Дмитриевича. Да, имя Сахарова на слуху, но что толку? Прежде в джентльменский набор оратора входило ежеминутное поминание перестройки, ускорения и демократизации, а сегодня на словах воздается должное гению Сахарова. Но дела-то нет, его идеи не реализуются.

— Вы находите этому объяснение?

– Наверное, сегодня наступила эпоха политологической поверхностности. Я вам скажу: дома у меня собрана толстенная папка, куда я складываю вырезки с печатными упоминаниями "Воспоминаний" Андрея Дмитриевича. Япония, Австралия, большинство европейских государств, я уж не говорю о США... Очень много глубоко аналитических материалов, а из нашей отечественной прессы и выбрать нечего. Время, наверное, такое на дворе, не

до исследований. Из Сахарова сделали знамя и – все. Даже сейчас я говорю вам это, а сама думаю: поймут ли меня люди? Кто-то может сказать: радоваться надо, что не забыли Сахарова, а она ворчит. Но мне память не в виде мемориальных досок нужна. Не ради этого мы с Андреем Дмитриевичем боролись, столько всего перенесли...

Из интервью А.Д.Сахарова газете "Молодежь Эстонии", октябрь 1988 г.: *"Я сначала скажу о себе и о своей жене. Нам-таки досталось довольно сильно, несмотря на все регалии. Регалии скорее отсрочили то, чему суждено было выпасть на нашу долю, но не отменили. А кроме того, произошло следующее: главный удар, центр давления оказался перемещенным, направленным не столько против меня, сколько против моей жены, косвенно – против ее детей. Это была весьма хитроумная тактика, ставившая меня в очень трудное психологическое положение и необычайно тяжелое для Елены Георгиевны. От нее потребовались совершенно исключительные волевые качества. И, мне кажется, она их проявила, да к тому сохранила меня тем, чем я должен был быть."*

ВХОЖДЕНИЕ В КРЕМЛЬ

— Елена Георгиевна, то, что вы вдова Сахарова, очевидно, позволяет вам легко открывать многие двери?

– Знаете, я не проверяла: Стараюсь не пользоваться... Если мне и требуется каким-то образом повлиять на ситуацию, я не по кабинетам хожу, а обращаюсь в прессу. Не проходит в нашей, есть западная. "Свобода", "Голос Америки" или еще что-нибудь.

— И все же. Если, к примеру, понадобится вам встретиться с Ельциным. Это возможно для вас?

– Не знаю. Один раз возникла нужда, и я встретилась. Потом я предпочла форму открытого письма – по поводу событий в Нагорном Карабахе. В России письмо никто не решился печатать, хотя я отдала его в "Независимую газету". "Известия", правда, разразились в мой адрес ругательной статьей Ирины Овчинниковой. А на Западе письмо прочитала "Свобода", опубликовали в "Вашингтон пост". В результате я получила от Бориса Николаевича письменный ответ.

— Кстати, ваше отношение к Ельцину не изменилось за последнее время?

– Сложный вопрос. Чтобы ответить о переменах в настроении, надо сначала рассказать о том, каким оно было прежде. А было оно весьма сдержанным. Потом стала лучше относиться к Борису Николаевичу. Сегодня же у меня к нему масса претензий. Но это, считаю, нормально, он ведь действует, а значит, не может быть безгрешен и безошибочен. Я личностно и как избиратель вполне доверяю Ельцину, хотя не исключаю того, что количество допускаемых им ошибок будет увеличиваться. Поэтому я и оставляю за собой право говорить об этом вслух. Право одного из 150 миллионов граждан России.

— На каком-то определенном отрезке существовала альтернатива Горбачев — Ельцин...

– Для меня не существовала. К тому же Борис Николаевич, по-моему, никогда публично не говорил о претензиях на пост президента Советского Союза.

— Конечно. Он просто ликвидировал этот пост заодно с Союзом.

– Империя должна была рухнуть... Но мы говорили с вами о другом – о Ельцине. Раз уж судьба вознесла его в лидеры России, хотелось бы, чтобы он был достоин этой роли.

— Я наблюдал за вами на одном из последних съездов народных депутатов Российской Федерации. Вы частенько появлялись на гостевом балконе в Большом Кремлевском дворце.

– В это трудно поверить, но именно во время VI съезда я впервые побывала в Георгиевском зале Кремля. Раньше только мои дети туда на елку ходили, если билеты удавалось достать. И Грановитую палату, и Святые сени – все видела в первый раз. Конечно, это ужасное упущение для москвички, даже стыдно признаваться, но – факт.

Вообще Кремль – очень красивое место. Здесь так спокойно, легко дышится.

— Честно говоря, я рассчитывал услышать от вас иное, учитывая то, что именно из Кремля организовывались и санкционировались акции травли вашего мужа.

– Я не связываю одно с другим. Для меня Кремль – некое духовное чудо. Особенно люблю вид на Кремль, который открывается с Софийской набережной. Останавливаю обычно машину, посижу, покурю.

— А почему вы не ходили на съезды, в которых участвовал Андрей Дмитриевич?

– Тут причины психологического свойства. Я рассуждала так: зачем жене ходить на съезд?

— Но Сахарову там несладко приходилось. Возможно, ему было бы легче от сознания, что где-то рядом находится дорогой человек.

– Я приезжала каждый день к двум часам дня, мы ехали домой обедать, и к четырем привозила его обратно. А если б я сидела в зале, он бы все время бегал на балкон... Конечно, от моего присутствия ему было бы легче, я знаю, но не сделав этого до черной пятницы (быть может, помните, был день, когда на Андрюшу устроили на съезде фактическую облаву)...

— Это когда Андрей Дмитриевич сказал, что в Афганистане наши расстреливали своих же, попавших в окружение?

– Да-да, когда вышел Червонописский, а за ним другие... Меня не было в Кремле в тот день, и после я считала себя уже не вправе ехать. Думала: пусть уж теперь сам. Может быть, я и ошиблась...

— Елена Георгиевна, вы сразу предупредили меня о том, что не любите слишком личных вопросов, но я все же спрошу. Расскажите об обстоятельствах вашего знакомства с Андреем Дмитриевичем.

– Ну, все произошло в достаточной мере буднично. Кажется, в тот раз мы даже не говорили ни о чем. И уж во всяком случае не было ничего похожего на ослепление или потрясение. Вообще это свойственно людям: задним числом домысливать прожитые ситуации, придавать особое значение деталям, искать скрытый смысл.

Из "Воспоминаний" А.Д.Сахарова: *"Во время одного из визитов к Валерию* (Валерий Чалидзе – правозащитник, редактор самиздатовского журнала "Общественные проблемы". – А.В.) *у него сидела красивая и очень деловая на вид женщина, серьезная и энергичная. Валерий беседовал с ней, полулежа на диване, по своему обыкновению. Со мной он ее не познакомил, и она не обратила на меня внимания. Но когда посетительница ушла, он с некоторой гордостью сказал:*

– Это Елена Георгиевна Боннэр. Она почти всю жизнь имеет дело с зэками, помогает многим!"

– Елена Георгиевна, Вам приходилось жалеть о несделанном?

– Да. Особенно применительно к Андрею. Наверное, от сознания, что ничего уже не поправишь. Оттого и думаешь: вот подсказала бы, посоветовала бы, но... Обидно, что сахаровская конституция, распространенная среди депутатов на II съезде, так практически и не использована. Правда, в преамбуле проекта Конституции России, подготовленном Анатолием Собчаком, есть целые абзацы, взятые у Сахарова. Но без кавычек. И в разделе о защите прав человека у Собчака много концептуально близкого взглядам Андрея Дмитриевича. И тоже не указано, откуда почерпнуты идеи...

– Вы вскользь уже сказали о своем отношении к мемориальным доскам, но я хотел бы уточнить: вы за или против того, чтобы именем вашего мужа называли улицы, площади?

– Меня это просто мало интересует. Мрамор, гранит... Ко мне с этим обращаться не надо. Когда мне говорят, что я должна хлопотать или настаивать на каком-то переименовании, хочется просто ругаться грубыми словами. Ничего я этого не должна. Эта сторона вопроса меня не беспокоит.

– И когда в Америке ваши с Андреем Дмитриевичем имена давали улицам, где расположены советские посольства и консульства, вас это тоже не трогало?

– Когда американцы присваивали наши имена улицам и площадям, мы вообще сидели в полной изоляции, и белый свет не знал, живы мы или уже нет. Во-первых, это была принципиально другая ситуация, а во-вторых, американцы тогда нашего согласия на переименование не спрашивали. Кстати, подобное было не только в Америке. И в Нидерландах, и во Франции – во многих местах. Но это не мои дела.

"ШАНЕЛЬ №5", ГОНОРАРЫ И ПРОИСКИ ЦРУ

– Я уже говорил о том, что видел вас несколько раз на балконе Большого Кремлевского дворца. Обратил внимание

на то, как вы доставали из сумочки флакон французских ду-хов и подносили его к вискам. Позвольте полюбопытство-вать: любите "Шанель"? Кажется, были эти духи?

– Парфюмерией я практически не пользуюсь, но когда боли голова, это немножко помогает.

— И как давно вы сделали это открытие?

– Ну, впервые я французские духи купила в 1959 году, когда работала в Ираке. Но как раз "Шанель" я не люблю. Использую в медицинских целях. Кроме снятия головной боли, применяю еще против аллергического чиха. Надо чуть помазать под носом, и резкий запах духов перебьет остальные. Впрочем, я не решаюсь рекомендовать этот рецепт всем: во-первых, у каждого свой ме-тод, а во-вторых, парфюмерия нынче больно дорогая.

— Но вы и сигареты дорогие курите — американские.

– Да, дорогие. У меня вчера друзья приехали из Америки. В данном случае это презент. Но когда я сама летаю за океан, тоже покупаю там дорогие сигареты. Если уж травиться, так чем-то хо-рошим.

— Но теперь такую роскошь можно позволить себе и в Москве. Были бы деньги.

– Да вы с ума сошли! По две пачки в день? Сколько же это будет стоить, хотела бы я посчитать? Если хотите знать, курево сейчас мой главный расход. А вообще я курю "Космос". Спасибо еще, что не пью.

— Всю пенсию на дым пускаете?

– Ага! Самую малость на еду оставляю. У меня ведь большая пенсия.

— Большая — это сколько?

– Я инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Как вы знаете, наш российский парламент еще в 1991 году при-нял решение выплачивать инвалидам войны вторую пенсию – по-мимо трудовой. Я вам сейчас мою пенсионочку покажу. Вот она, видите?

Из интервью А.Д.Сахарова болгарской журналистке Жан-не Ависай, конец 1988 г.: *"Мне должны были вручать Нобелевскую премию, но меня не пустили туда. К этому времени жена находилась на лечении в Италии – ей глаза лечили там, делали операцию, и она прямо из Италии поехала в Норвегию и там принимала Нобелевскую премию...*

– А у нее какая болезнь глаз?

– Она была на фронте, и в октябре 41-го года у нее была тяже-лая контузия. Она находилась в вагоне санпоезда, в вагон попала бом-ба, она была засыпана землей, контужена. И вот как результат кон-тузии у нее развилась болезнь глазного дна, с множественным кровоиз-лиянием, ей угрожала слепота, она даже начала изучать азбуку Брайля, ей было запрещено иметь детей, запрещено учиться, но она всем этим пренебрегла...

– Она очень сильный человек?

– Да, она сильный человек, конечно. Она решила, что бессмыслен-на жизнь без детей, без учебы. Кончила институт, стала работать

врачом, но с глазами у нее становилось все хуже и хуже, и развилась глаукома... Но в Москве ей лечиться не удавалось. И вот мы подали заявление на поездку в Италию."

— Елена Георгиевна, чтобы закончить денежную тему, ответьте, пожалуйста: гонорары за книги мужа вы получаете?

– Это суммы совсем небольшие. В основном я живу на пенсию и собственные гонорары. Правда, сейчас почему-то выплачивать стали с большим опозданием – до полугода доходит. И потом, понимаете... Вот вы говорите: гонорары за книги мужа. Но ведь, кроме "Воспоминаний", в последнее время ничего не публиковалось. А все те сборники, мемуары людей, полагающих, что они имеют право говорить об Андрее, – так мне же за это не платят. У нас вышло всего две книги Сахарова. "Тревога и надежда" издана в 90-м году, замысел мы успели обсудить еще с мужем, я была составителем уже после смерти Андрея.

— Вы показывали мне свои водительские права. У вас большой стаж?

– Нет, лет 14-15. Андрей тоже водил машину, но когда мы ехали вместе, за рулем обычно сидела я.

— У вас лучше получалось?

– Просто муж очень уставал, и я давала ему возможность передохнуть. Но если я отсутствовала, была в командировке, за баранку садился Андрей. А куда деваться без машины-то? Вызывал также служебный транспорт из Академии наук, но все же предпочитал видеть меня за рулем. Но вот техобслуживание было за Андреем.

— Как же вы сейчас выходите из ситуации?

– До недавнего времени с этими ТО было плохо. Правда, в данный момент у меня есть один мальчик, которого моя дочь, как я говорю, подцепила в августе 91-го года у Белого дома. Так получилось. Дочь позвонила мне вечером 19-го и попросила машину. Я немножко так, знаете, скривилась, думала, из нее баррикады делать будут. Оказалось, дочери поручили вместе с каким-то пареньком противогазы возить. Он еще тогда сразу стал говорить, что в моторе стучит, что в карбюраторе барахлит. Выяснилось, что он автомеханик. С той поры и пошло. Так что блат благодаря путчу заимела.

— Скажите, Елена Георгиевна, чувство мстительности вам знакомо? Нет желания сегодня посчитаться с теми, кто плевал вам в лицо, кто боялся подать руку, кто поливал вас?

– Что вы, это не в моих правилах. Отвечать таким людям значит становиться с ними в один ряд. К тому же я исповедую правило, что ничего на этом свете не проходит бесследно. Зло бумерангом вернется к сотворившим его. На нас с Андреем Дмитриевичем столько собак спустили, так изощренно издевались, что казалось, не выжить. Но мы оказались сильнее. Зачем же теперь мстить? Победители должны быть великодушны. Хотя многие из

тех, кто нас со свету сживал, в добром здравии, при встречах улы-
баются, ручку тянут. Перестроились.

Из книги Н.Н.Яковлева "ЦРУ против СССР", вышедшей в 1983 году третьим, доработанным и дополненным изданием в "Молодой гвардии": *"Боннэр в качестве метода убеждения супруга поступить так-то взяла в обычай бить его чем попало. Затрещинами приучала интеллигентного ученого прибегать к привычному для нее жаргону – проще говоря, вставлять в "обличительные" речи непечатные словечки. Под градом ударов бедняга научился кое-как выговаривать их, хотя так и не поднялся до высот сквернословия Боннэр".*

— Елена Георгиевна, вас часто за границу приглашают?

– Да, очень. Но соглашаюсь я крайне редко. В одном случае из десяти, не более. Первую причину я вам уже называла – мне не нравится роль свадебного генерала. А кроме того, я вообще не люблю быть за рубежом. Знаю, что это нетипично, что многим, рвущимся на Запад, поверить в это сложно, но – факт.

— Наверное, надо иметь возможность ездить, чтобы отказываться.

– Конечно. В первый раз я попала за границу по чистой случайности. Это был Ирак, страна, которая по сей день меня очень беспокоит. Точнее, даже не в Ирак я поехала, а в Курдистан. Там, а не в Карабахе я впервые столкнулась с межнациональной проблемой.

— А что значит "попала случайно"?

– Если изволите, я поехала в загранкомандировку по блату. Хотя, конечно, это и не ахти какое зарубежье было.

— По блату — это как?

– Формировалась группа врачей для работы по оспопрививальной кампании. Очень тяжелая работа, между прочим. Знакомый врач рассказал мне о планируемой поездке. В группе как раз нужен был педиатр. Так я впервые оказалась за границей. Было это давно, так что за это время успела насмотреться всякого и жить предпочитаю в России.

— Слышал, что из вашей двухкомнатной квартиры по Чкалова собираются сделать мемориальный музей Сахарова.

– Хорошенькое дело! Как это можно сделать музей, если я там живу? Кроме того, там пятерым тесно. Максимум возможного – хранилище для рукописей Андрея Дмитриевича.

— Вы сказали, что живете в этой небольшой квартирке. Но вы действительно могли бы, наверное, отдать ее под музей или архив, а вам бы московские власти нашли взамен что-нибудь, по крайней мере, не хуже.

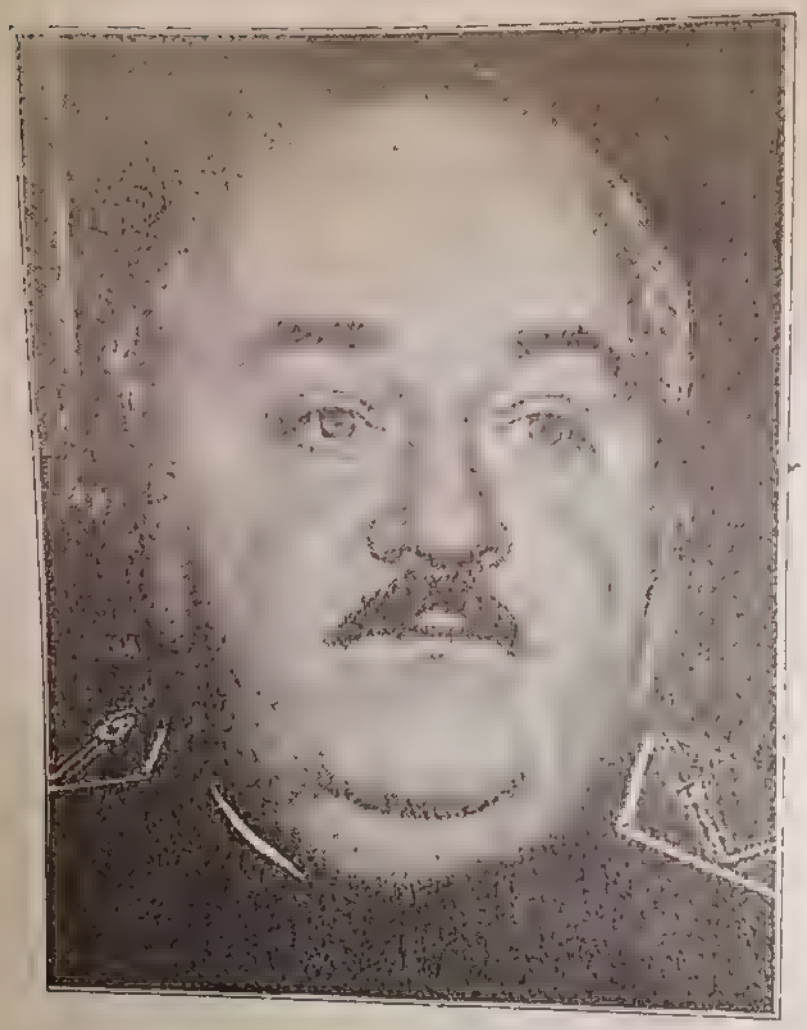
– Да пошли они! У них просить, чтобы искали... За кого вы меня принимаете? Мне иногда звонят по телефону и спрашивают: сколько мне заплатило правительство, чтобы я его поддерживала?

Из книги Е.Г.Боннэр "Постскриптум": *"А знаете, у меня... никогда не было дома, что дома – просто своего угла. Вначале, как у всех: детство, потом странное сиротство – папа и мама арестованы, и никто не знает, живы или нет, мы живем в одной комнате – ба-*

бушка, брат, сестра, я... Потом армия. Пожалуй, было время, когда был немножко "мой дом" — мое купе в вагоне санпоезда, в котором я была старшей медсестрой. Война кончилась, и в моей комнате вместе со мной жили многие — мои подруги, вернувшиеся в Ленинград из эвакуации. Потом в коммунальной квартире, в одной комнате, жили мы — я, муж, двое детей, мама; часто у нас ночевали еще друзья. А всего в квартире жили 48 человек, уборная была одна, часто в нее стояла очередь. И дети должны были ходить со своим горшком — я боялась заразы, — а они из-за этого ссорились со мной: я явно нарушала их "прайвеси". Потом в Москве, в двух комнатах маминой квартиры жили мама, я и дети, потом к нам пришел мой зять, потом пришел Сахаров. Пожалуй, впервые я хозяйка — где бы вы думали? — в ссылке в Горьком. Я не хочу этого. Я хочу дом."

Андрей ВАНДЕНКО.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ: ЧТО-ТО С "ПАМЯТЬЮ" МОЕЙ СТАЛО



...Единственная жилплощадь в подъезде старого, дореволюционной постройки трехэтажного дома, где внизу булочная, а на втором этаже – ирония судьбы – пункт охраны общественного порядка. "Память" охранять или от "Памяти"? Ну, а третий этаж... Нет, логова с вооруженной до зубов охраной я не увидел. Это напоминало нечто среднее между классической коммуналкой и полулегальным штабом конспираторов. В комнатах толпился народ – преимущественно молодой, где-то в глубине квартиры плакал ребенок, лаяла собака, что-то аппетитное жарили на кухне. На обшарпанных, давно не видевших ремонта стенах висели лозунги "Памяти", политическая карта мира почему-то была утыкана черными флажками. В коридоре на огромных размеров сундуке пылились два мегафона, в углу стояли бело-желто-черные знамена, надетые на металлические прутья с палец толщиной. Почему-то сразу подумалось, что эти прутья, заменяющие древко, при желании можно использовать совсем в иных целях...

Хозяин приглашает в гостиную, где много икон, старинных фотографий и портреты Николая II и самого Дмитрия Дмитриевича. Кроме нас, к столу присаживается молодой человек, назвавшийся адъютантом Его Превосходительства (честное слово, так и сказал, видно, фильмов о Кольцове насмотрелся). За моей спиной располагаются еще четверо парней, которые на протяжении всего разговора будут создавать соответствующий фон, дружно посмеиваясь над резкими репликами Васильева и недовольно гудя после моих, по их мнению, бестактных вопросов.

Андрей Ваденко, Евгений Додолев

ЕВРЕИ, ЕВРЕИ, КРУГОМ ОДНИ ЕВРЕИ

— Дмитрий Дмитриевич, пока я договаривался об этой встрече, ваши помощники столь подробно расспрашивали меня о "Новом Взгляде", о тираже газеты, ее учредителях и т.э дэ, что невольно возникло ощущение: прежде, чем быть допущенным к "телу", надо доказать свою лояльность по отношению к вам. Вы действительно фильтруете журналистов и газеты?

– Нет, нас не ваши политические взгляды волнуют, а то, насколько издание авторитетно и популярно. Размениваться на беседы для никому не известных листков я не могу, времени нет.

Обычно я журналистам не отказываю. Кажется, только от эскимосов из Гренландии не приезжали, а так отовсюду были, в том числе и из Израиля.

— Ну и как?

– А никак! Я не каннибал, человечиной не питаюсь. Это некоторые ваши коллеги тряслись так, что подбородки веревочкой приходилось привязывать. Шли сюда, словно на заклание. Иные напарников с радиотелефоном под домом оставляли. Я им говорил: "Микрофончик-то выключи, фонит".

У меня единственный принцип: журналист – совесть нации, поэтому должен писать чистую правду.

— Вы действительно такого высокого мнения о предназначении нашего брата?

– Я описываю идеальную ситуацию, говорю о сути. Не моя вина, что этот идеал извращается. Если бы журналисты честно выполняли свой долг и служили Отечеству, а не тем, кто им платит, то, наверное, в мире было бы меньше бед. Люди вашей профессии иногда могут сделать больше вреда, чем танки.

Приезжала, например, из Израиля одна такая Дора и давай орать, что всех евреев надо отправить в кибуцы. На это я сказал: вы антисемитка. У нас даже фонограмма того разговора осталась.

— Вы все разговоры записываете?

– Нет, но это неважно.

— Ладно, давайте тогда другое проясним: если бы я назвался евреем и попросил аудиенцию...

– Почему сразу евреем? Дались они вам! Я же о евреях ничего плохого пока вам не говорил.

— Но вы первым завели речь об Израиле и антисемитизм упомянули.

– К слову, уточню: я антисемитом себя не считаю. Я люблю арабов, у меня масса друзей среди них, вон видите, они прислали мне свой платок. Арабы – основная семитская группа, как же я могу быть антисемитом?

— Значит, антисионист?

– Да, антисионист я крутой. Причем с детства, с младых ногтей. Сионизм – это идеология, а не национальный признак. Носителями этой идеологии являются не одни евреи. Но все вместе они выполняют миссию сионистских центров по разрушению цивилизации. Когда говорят, что сионизм – это патриотизм еврей-

ского народа, не верьте. Чушь для безграмотных и серых. Я достаточно серьезно изучал сионизм и могу сказать, что это самая человеконенавистническая идеология в мире. Следствием сионизма явился – да, да, может, это и абсурдно звучит – третий рейх. Поскольку в христианском народе теории богоизбраннической концепции расового превосходства родиться не могло.

— Вы обмолвились, что ненависть к сионизму у вас с рождения. С чего бы это вдруг?

– С чего? Когда, например, слышишь историю своего государства и видишь его трагедию, как не проникнуться ненавистью к тому, что служит причиной всех бед? Я-то знаю, откуда у нас появился этот коммунистический монстр.

— Погодите-погодите, вы меня окончательно запутали: мы о сионизме или о коммунизме?

– Коммунизм – это сектантство иудаизма.

— Дмитрий Дмитриевич, вы шпарите готовыми формулами, а я прошу поконкретней: чем маленькому Диме Васильеву не угодили евреи?

– Я хочу почитать сказку, а мне не дают.

— Почему?

– Потому что ее нет. Зато меня заставляют петь "Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой" или "Мы за партией идем, славя Родину делами".

Не забывайте, носителями коммунистической идеологии были евреи. Это не я придумал. Только не надо делать из меня самого большого еврейского врага. Карл Маркс, кажется, в первом томе собрания сочинений написал: евреи – это лобковые вши, которые распространяются на теле больного общества. А Ленин, будучи полукровкой, в своих трудах вообще не считал евреев ни народом, ни нацией. Почему классиков не судили? Нет, созданную ими идеологию внедряли в сознание масс. Так было выгодно.

Сегодня все воют, ноют, сопли распускают о репрессированных при Сталине. А кто руководил архипелагом ГУЛАГ, строительством Беломорканала? Кто был идеологом разрушения наших национальных святынь? Емельян Ярославский, он же Губельман. Или, скажем, сын раввина Руфимов, он же Дзержинский, который убивал моих предков. Или Лейба Бронштейн – Троцкий, посеявший теорию военного коммунизма и изобретший концлагеря, где погибла моя родня. Понимаете, их на штыки комиссары подняли!

— Кого — их?

– Например, моего деда, казацкого атамана, большевики только за то, что он был предан царю, штыками, штыками! А потом чему дед должен был служить дьяволу или поганой концепции зарезжих политгастролеров, желающих подмять под себя весь мир?

Обломится! Какой-то период можно продержаться на крови и насилии, но потом дубина начнет отмерять путь обратно. Русский мужик так устроен: он долго терпит, а потом берет дубину и начинает мерить глубину. Это будет. И очень скоро.

— Дмитрий Дмитриевич, давайте все же попробуем говорить не о человечестве, а о вашей семье. Кроме деда, еще были пострадавшие от Советской власти?

– Вся родня по отцовской линии. Фамилию называть не буду.

— Почему?

– Не хочу. Пока.

ТАЙНА, ПОКРЫТАЯ МРАКОМ

— Но это славянская фамилия?

– Из того, что я скрываю фамилию отца, вовсе не следует, что я еврей. Конечно, славянская фамилия. Я не еврей.

— Тогда что вас останавливает?

– У меня достаточно серьезное отношение к истории рода, к основам государства. Я не хочу давать дополнительную пищу своим врагам. Меня мать не для того берегла, чтобы я погиб.

— Неужели вы полагаете, что фамилию вашего отца установить так сложно?

– Попробуйте, проведите журналистское расследование.

— Спасибо, я оставлю это вашим биографам.

– Фамилия – не самое главное, важнее дух, которым я живу. Это дух моих предков. По материнской линии у меня казаки из станицы Романовской.

— Васильев — псевдоним?

– Фамилия отчима, офицера, в первые годы войны погибшего на фронте.

— ...Вы состояли когда-нибудь в советских общественных организациях?

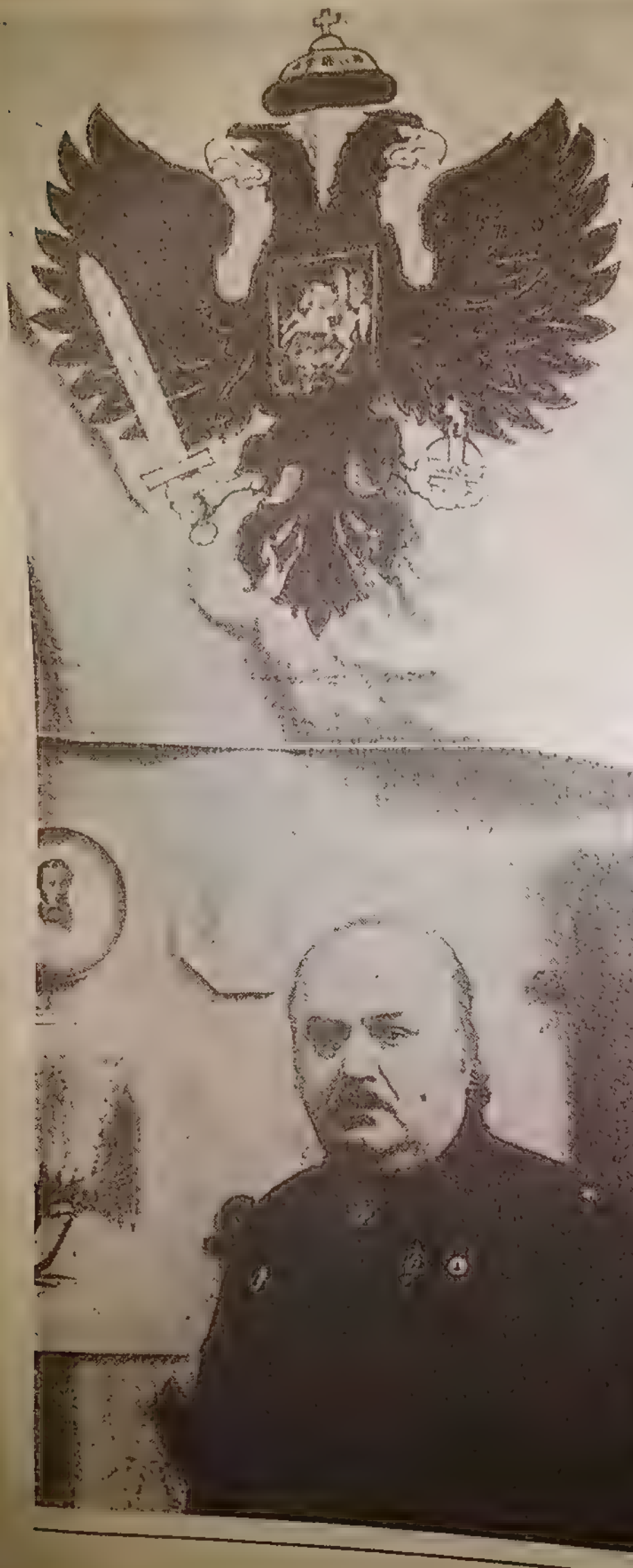
– Пионерия, комсомол? Да, повязали мне у памятника вождю хомут на шею, но почти всегда эту удавку я носил в кармане, за что получал двойки и нелюбовь учителей. В комсомол меня записали в армии. Я служил в Венгрии, на передовых рубежах Отечества, как же можно не быть комсомольцем? Моего согласия не спрашивали. Забирали, негодяи, по две копейки из солдатской зарплаты.

— Хорошо, а в "Память" вы как пришли?

– Я всегда был в памяти, дело в том, что никогда не являлся кандидатом в дурдом, поэтому память всегда была со мной.

— Вы же понимаете, о чем я — о вашем национально-патриотическом фронте.

– Мне в жизни повезло. Меня воспитывали Курбатовы, очень известный дворянский род. Они, очевидно, знали историю моего происхождения, дали мне прекрасное образование, поэтому я получил больше, чем человек, окончивший, скажем, три советских вуза. Меня учили чести, вере, любви к Родине, а не преданности компартии. Конечно, какое-то время, как любой советский человек, я был шалопаем, а потом увидел, что творится вокруг. Мой приход в "Память" был закономерен. Это случилось в конце 70-х. К несчастью для себя, обнаружил, что во фронт внедрено много стукачей, провокаторов. Более того, увидел, что этот организм специально создан для дискредитации патриотического движе-



Андрей Ванденко, Евгений Додолев

ния. Пришлось потратить очень много сил для возрождения и очищения "Памяти".

— Когда вы встали во главе фронта?

– В конце 86-го.

— С правоохранительными органами у вас были проблемы?

– Нет, если не считать того, что они превратили мою жизнь в ад. Конечно, меня некоторые величают полковником КГБ. Я всегда обижаюсь: почему не генералом?

У меня убили мать, жену. Это шашни с органами?

Маму медицинским путем убрали. У меня есть доказательства. Спровоцировали инсульт. Появился врач, который никогда не работал в нашей поликлинике, и сам, без вызова, предложил провести обследование. А я был в командировке. Маме выписали то количество лекарств, которое вызвало излом сосудов.

Жену же просто по голове ударили, она восемь дней в квартире пролежала. И ничего, заметьте, не украли, хотя было что. Могут подсунуть всякие версии, сказки, но я знаю, что произошло. Я просто не могу пока многого сказать.

— Что вас останавливает?

– Коммунисты.

— Какие, где?

– Те, которые сидят в высоких кабинетах.

— Вы их боитесь?

– Нет, но я осторожный человек. С коммунизмом я борюсь. Открыто. Однако что проку рассказывать о моих бедах, давайте лучше поговорим о трагедии народа. Я никого и ничего не боюсь, верующего человека не испугать. Да, я все теряю, ничего не приобретаю. Служить Родине – это терять, сгорать, отдавать. Никто не хочет этого понять, все стремятся хапать.

— Служить можно по-разному. И Жириновский служит, и Новодворская.

– Они имеют определенный национальный уклон, в соответствии с которым и строят идеологию. Но это далеко от проблем русских людей. А я русский человек и, естественно, борюсь за свой народ. Было бы странно, если бы я воевал за евреев или там узбеков, таджиков. Я бьюсь за россиян, за это и страдаю.

— Лично против вас были провокации?

– Можно к таковым отнести поджог квартиры? Кто-то скажет: проводка загорелась, а я знаю, что подложили термическое вещество. Меня подкарауливали у подъезда с ножом, пытались воткнуть в горло. Уголовщина?

Все сложности у меня начались после вызова в КГБ и предупреждения о моем якобы антиобщественном образе жизни. Сделано это было по указанию Александра Яковлева. Он вел непримиримую борьбу со мной. А я с ним. Я сказал, что Яковлев не будет членом Политбюро, и сделал так.

— Да он сам ушел.

– Не-е-ет! Общественное мнение поднялось, канадские связи его стали нащупывать. Не надо играть в тайные игры и одновре-

менно якобы служить интересам народа. Это русофоб; чудовищный русофоб, каких мало на свете.

— Но Яковлев ведь русский.

– Боюсь, что нет. В наше время все покупается, в том числе и биография.

— Вы по профессии актер?

– Да, а что? После окончания театральной студии я ушел в армию. Тогда служили по три года, из них полтора был актером. Вернувшись на гражданку, понял, что не смогу играть ни сталеваров, ни секретарей обкомов, тошно. На меня возлагал большие надежды Борис Ливанов, но он вскоре умер. Во МХАТ пришел Ефремов. Начался вульгарный бытовизм, и мне не захотелось. Я никогда не любил начальников над собой, всегда выбирал, где их поменьше. Поэтому стал фотохудожником. Имею персональные выставки, лауреатские дипломы. У меня более семидесяти публикаций.

— В этой квартире вы живете и работаете?

– Да, когда-то все эти семь комнат принадлежали Курбатовым. А затем Советская власть устроила здесь коммуналку на 30 человек. Спина к спине. Жуть что творилось. Потом постепенно жильцы стали выезжать в новые квартиры, а я не захотел. Ностальгия у меня по этому дому. Тут прошла вся моя жизнь. Когда-то мы ввосьмером ютились в угловой комнатке на 17-ти метрах. Спали на полу, на столе.

Сам я и сейчас живу в 14-метровой комнате, остальное – общественное помещение фронта. Здесь и штаб, и редакция нашей газеты, и радиостанция.

— Спонсоры помогают?

– Да. Вот три автомашины подарили. Старенькие, правда, но и за это спасибо.

Газету стараемся делать сами, корячимся, тужимся. Выпустили два номера по 100 тысяч экземпляров. Радиостанция обходится в 70 тысяч ежемесячно. Дорого. Приходится крутиться, создавать свои коммерческие структуры, чтобы ни от кого не зависеть – ни от коммунистов, ни от демократов, ни от МВД, ни от КГБ.

"Я – ФАШИСТ"

— Репутация черных патриотов вас не пугает?

– Если вы имеете в виду международную организацию "Черный Интернационал", то пугает. Это масоны. Раньше я по неведению был очарован "Черным Интернационалом", но мне помогли разобраться. По сути, это национал-коммунисты.

Однако я люблю черное движение, поскольку это движение народа. Только безграмотный человек боится слова "черносотенцы", думая, что это какие-то погромщики. Нет, черная сотня – народное ополчение, возглавляемое воинами, монахами-чернецами. Когда княжья дружина не справлялась с врагом, то в бой вступала черная сотня и побеждала. Поэтому для меня это самое почетное название. Как и слово "фашист". Я люблю это слово – связка, единство, пучок. Я – фашист, русский фашист, ничего страшного

в этом нет. Если хотите, я монархофашист, соединение нации во имя монархии – это прекрасно. Но не нацист, не национал-социалист, это уже сфера коммунистической идеологии.

— Однако согласитесь, слово "фашист" воспринимается нашими людьми однозначно.

– Это журналисты специально дискредитировали слово, чтобы нация никогда не соединилась. Чуть что, сразу националист, шовинист, а почему евреи живут кагалом в мире? Почему они не впускают в свой мир никого, сделав его привилегированным, избранным? Почему им все можно?

— Прямо какой-то больной вопрос. Опять мы о евреях. Может, вы все-таки скажете, что лично вам они сделали плохого?

– Сионисты уничтожают мою Родину, считаю, этого достаточно. Это делалось прежде, продолжается и сегодня.

— То есть, вы утверждаете, что во главе России стоят сионисты?

– Конечно. Подчиняя нас Международному валютному фонду и транснациональному капиталу, который на 80 процентов в руках евреев, они хотят поставить великую Россию на колени. Успех у них временный, а падение будет страшнее исхода из Египта.

— Давайте по персоналиям. По-вашему, Ельцин сионист?

– Федор Михайлович Достоевский дал точное определение: самый страшный жид – это жидовствующий русский. Точнее не скажешь.

Кстати, упреждая вопрос, слово "жид" никогда не было ругательным. Это принадлежность к нации.

Я не выступаю против еврейской культуры, всего народа. Я против тех, кто губит Россию. Сюда я причисляю и сволочей русских, которые предали и продали Родину. Они должны в первую очередь получить по морде. Недаром говорят: бей своих, чтобы чужие боялись.

— По морде – это вы в фигуральном смысле?

– Смотря под какую руку попадет.

— Если под вашу?

– Можно и мечом от головы до задницы, чтобы сразу разделить на белых и красных.

— Приходилось лично руки прикладывать?

– Пусть это и прозвучит нескромно, я считаю себя сильным и умным. Поэтому стараюсь убивать словом и разумом. Вот если попрут с оружием...

— Однако вдруг кто-то из ваших последователей окажется нечувствительным к словам и сразу потянется к мечу?

– Такие люди вылетают от нас пулей, мы их вышибаем ногами. Нам дураки не нужны. Пусть они чешут кулаки где угодно.

— Для вас не секрет, что для многих "Память" – это нечто вроде пугала?

– Это продажная пресса пытается изобразить фронт Бог весть в каком виде. Но почему мы должны страдать от их тупоумия?

Браки, будто нас сторонятся. Когда мы работали на восстановлении Туровского монастыря, простые люди в ноги кланялись. Одна вельможная дура нас фашистами назвала, так местные жители на нее чуть с кулаками не пошли.

— Ладно, простой люд вас уважает, но почему интеллигенция сторонится? Или ей чужда идея спасения России?

– Русская интеллигенция всегда продавала и предавала. Ей нужны гонорары, имидж, вся эта пестрая мишура.

Я мог бы назвать имена и фамилии настоящих патриотов, но не стану этого делать. Достаточно одному было публично признаться в принадлежности "Памяти", как его убили. Это Игорь Тальков.

— Полагаете, убили его из-за этого?

– Я не полагаю, а знаю. Убил-то Шляфман. И убил ритуально.

— То есть?

– Евреи никогда не убивают своими руками, а этот сделал. За веру Игоря, за правду. Тальков не вписывался в музыкальную банду, у него была гражданская позиция, он пел не о первичных половых признаках и не о сношении на скамейке в саду, а о России – измученной, растерзанной, расстрелянной.

— Но ведь Тальков в последнем телеинтервью привселюдно отрекся от "Памяти".

– Ровно за две недели до этого интервью Игорь был здесь, в этой комнате, и мы имели с ним долгую беседу. Сионистская мафия из мира шоу-бизнеса перекрыла Игорю все клапаны. Поэтому я ему сказал: бортани нас публично, если сочтешь это нужным. Я-то ничего не потеряю, был, есть и буду твоим другом. То, что Игорь в интервью сказал, ровным счетом ничего не значит. Значит мое отношение к нему и его ко мне. В борьбе приходится иногда чем-то жертвовать. Мы не об именах своих печемся, а о конечной победе.

— Будем считать, версию о Талькове услышали. Но ведь и Конгресс патриотических сил вас не больно-то привечал, к микрофону не пускал.

– Это мы к ним неблагосклонно отнеслись. Надо еще разобраться, что это за конгресс и кто им дал право называться патриотическими силами. Мы хотели сорвать конгресс и добились этого. Мы разоблачили Аксючица, который в свое время был секретарем парторганизации и исключал людей из КПСС, мы вывели на чистую воду этого двурушника, состоящего на службе у западного, возможно, капитала. Оговариваюсь: возможно, ибо его СП имеют корни в Панаме, а оттуда ниточки тянутся к Муну. О, мы многое можем наковырять о каждом! У нас достаточно правых сил во всех странах мира, чтобы узнать, как ведут себя так называемые народные избранники за рубежом.

— Черные флаги на карте в коридоре об этом свидетельствуют?

– Какая разница, стоят себе и стоят.

— Скажите, по-вашему, кроме "Памяти", есть истинные патриоты в России?

– Откуда я знаю? У них спрашивайте.

— Просто создается впечатление, что все идут не в ногу, а вы в ногу.

– Наверное, так. Попробуйте мне доказать обратное.

— В мои функции не входит доказывать что-либо. Я вас слушаю.

"НА МЕСТЕ ГОЛОВ У НИХ БУДУТ ЗАДНИЦЫ"

— Со Станиславом Говорухиным вы знакомы?

– Ни разу не виделись. Но после того, как журнал "Столица" опубликовал голову Говорухина в моем теле, мне захотелось встретиться со Станиславом Сергеевичем. Нас журналисты искусственно соединили, но они не подумали, что от этого союза получат такой удар в ухо, что до конца жизни будут клеить вместо головы задницу, но уже свою. Мы им поможем.

— Грозите?

– Это как получится. Найдутся силы, которые объяснят, какой предмет куда надо ставить.

— У "Памяти" есть боевики?

– На фронте нужны по-боевому настроенные люди. Мы все – боевики. Многое зависит от степени наглости тех, кто попрет на нас. Мы готовы защищаться.

— С оружием?

– В армии всегда существовал принцип: отнимать оружие у противника.

— Ответьте, а что вы с "Апрелем" не поделили?

– Каким апрелем? Может, с маем или июнем? Ах, литературным? Нас там не было. Осташвили никогда не имел отношения к "Памяти". Он самозванец. Позже я понял, откуда он появился – из МГК КПСС. Типичный провокатор, один из примазавшихся.

— Сколько же истинных "памятников"?

– Этот вопрос мне всегда задавали в органах – адреса, явки, пароли.

— Последнее не обязательно, достаточно цифры.

– Если скажу: сто миллионов, вы не поверите.

— Я и в 10 миллионов не поверю.

– Давайте придумаем число, которое и вас устроило бы, чтобы не пугать могуществом "Памяти", и нас, чтобы не стыдиться. Истинную цифру все равно не скажу.

— Что ж так? К чему весь этот туман и загадочность?

– Мы живем за колючей проволокой в оккупированной зоне, и я не собираюсь раздеваться перед захватчиками, которые нарисуют на моей спине магендоид и будут в него стрелять...

— Что-что нарисуют?

– Магендоид! Звезду Давида израильскую! Не хочу я поэтому раздеваться, раскрываться. Не испытываю я эйфории от всей этой демократии и псевдосвобод. Ложь все! Бантики на колючей проволоке! Лагерная администрация осталась та же, и задача прежн-

ния – уничтожить русский народ. Я готов доказать это в суде в присутствии экспертов, докторов наук, профессоров. Тогда мы объявим Нюрнбергский процесс, а не тот фарс, который разыгрывался в Конституционном суде. Мы прищемим хвост мерзости, что пришла нас поработить. Нами уже подготовлена такая волна, что даже если первые цепи падут, десять встанут. Десять падут – сто встанут! Будет стерт всякий, кто окажется на нашем пути. Мы бьемся за свою Родину и победим.

Я ведь не еду в Израиль учить евреев жить, так и нас не учите. Я не позволю никому здесь командовать. Я дворянин и никого над собой не потерплю! Если суждено умереть во имя победы, я умру.

— Но вы все-таки надеетесь дожить до светлого часа?

– Доживу, милый мой, доживу. А если нет – дело продолжат дети и внуки. Они отомстят за меня. Не приведи Господь разбудить гнев моих внуков. Если мои ученики поднимутся, тогда берегитесь. Я воспитал стольких, что вам и не приснится. Поэтому дело сегодня уже не во мне. Зерна посеяны.

— Давайте чуть умерим пафос.

– Даже медуза, аморфная и слизистая, попадая на берег, проявляет пафос, она дергает своими мышцами. А я не медуза.

— Именно. Я о пафосе заговорил потому, что вопрос серьезный. На какие средства лично вы живете?

– Я председатель сельхозкооператива, есть другие возможности зарабатывать деньги. Занимаюсь коммерцией. Добровольные пожертвования на себя не трачу, если вы это имеете в виду..

— А три авто не многовато будет?

– Вы сперва посмотрите, в каком они состоянии, а потом спрашивайте.

— Сын помогает в делах фронта?

– И сын, и дочь. Сергей – художественный редактор нашей газеты. Он неплохой художник, жаль, мало времени на живопись остается.

— Вы много ездите?

– Да. Стремлюсь словом пробудить Россию.

— И тогда — на площади, на штурм?

– Я к этому никогда не призывал. Пушкин сказал: ничего нет страшнее черного бунта. Толпа ничего не решит. Сила – в знании, в противном случае – анпиловщина и то, что происходило у "Останкина". Это бред, это не метод борьбы. И потом, почему русский человек должен клянчить час эфира? Почему не 24 часа? Мы ведь в собственном доме, в своей стране.

Это было унизительное стояние. Да и хамство с обеих сторон не во благо. Нет, у нас иные средства. Как говорил Достоевский: "Идея борьбы добра и зла, где поле битвы – сердце человека".

Мы без площадей и митингов сделаем так, что перед нами откроются кремлевские ворота.

— И что вы предпримете, войдя туда?

– Это осквернённое место. Кремль нужно освящать. Неделями производить молебны, чтобы всю скверну вычистить. И, ко-

нечно, надо сбросить с башен эти пентаграммы, эти звезды анти христа, как гласят все учебники кабалистики. А Мавзолей? Капище сатаны с мерзкими отходами. Кладбище от стены надо убирать, там лежат убийцы.

— А госучреждения в Кремле, резиденция президента?

– Какого президента? Там будет ставка Государя. Как было.

— Ваш лозунг "Патриоты всего мира, объединяйтесь!" ничего вам не напоминает?

– Я смотрю не на форму, а на содержание. Если имеете в виду пролетариев, то давайте взглянем: "про" переводится как "для", "летарий" – от слова "летальный". Человек, созданный для смерти, рабства. Смертники, объединяйтесь! А патриот от слова "родина". Что плохого в призыве к любящим Отечество собраться вместе? Хороший лозунг. Его не понимают только темные люди. Их и цвет нашей одежды шокирует. "Ах, у вас эсэсовская форма!" Но мы не виноваты, что эсэсовцы взяли форму русской армии.

— Однако признайтесь, вам нравится эпатировать публику.

– Не признаюсь. Если бы так, я провел бы пару акций, и вся публика стала бы заикаться до конца жизни или разом обделалась бы от страха. Но я ведь до этого не довожу.

— А что вы испытывали 19 августа 1991 года?

– Да ничего. Я сидел за штурвалом комбайна, хлеб убирал. А когда все узнал, подумал: скорпионы в банке грызутся. Для меня был очевиден фарс происходящего. Одну фракцию, более жидкую, сменила более твердая. Слово "фракция" я воспринимаю как медицинский термин, синоним слова "анализ". Зажимайте нос и представляйте эти фракции.

Или выражение "команда президента". Когда это на Руси так говорили о правительстве? Если министры – команда, то народ – футбольный мяч, что ли? Серое невежество и безграмотность!

Пусть дерутся между собой, мы дождемся своего часа.

...Я щелкнул кнопкой диктофона.

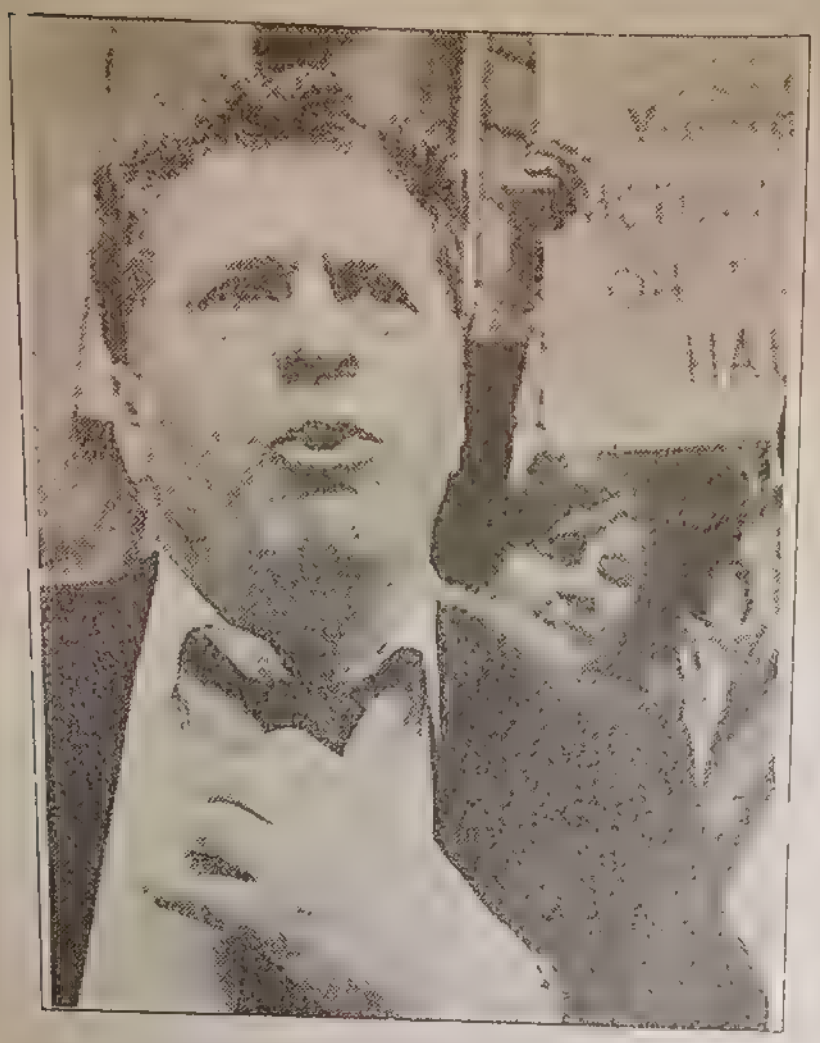
– Вы слишком интеллигентно себя вели, – сказал Дмитрий Дмитриевич, словно о чем-то сожалея, и добавил: – Мне не удалось как следует на вас разозлиться, а то бы я себя показал! Слово "интеллигентно" прозвучало в устах Васильева почти ругательно. Жгуче захотелось извиниться и пообещать исправиться.

Потом Дмитрий Дмитриевич долго искал фото для публикации. Разговор почему-то зашел о работе над телефильмом об Илье Глазунове, с которым Васильев одно время был тесно связан. Я сидел и слушал о съемках в Питере, об уникальных кадрах, имеющихся в картине, о разносе, устроенном после просмотра в кабинете тогдашнего руководителя ЦТ Лапина. Телебосс называл Васильева главарем молодежных террористических групп, махровым националистом, а Илья Сергеевич – "этот непотопляемый авианосец!" – молчал. Дмитрий Дмитриевич не выдержал и через весь стол Лапина послал Глазунову записку:

"Иуда!" Естественно, после этого ни о какой душевности в отношениях двух патриотов России и речи быть не могло. ... Напоследок мне подарили настенный календарь "Памяти", где почти на всех снимках государь император. Мы тепло распрощались. Листая в метро календарь, вспомнил, о чем забыл спросить Васильева: интересно, изъяви я желание, записали бы меня в национально-патриотический фронт или хотя бы в его союзники? Моя украинская фамилия не смущает, Дмитрий Дмитриевич?

Андрей ВАНДЕНКО.

СОКОЛ ЖИРИНОВСКИЙ



Владимир Вольфович не из тех, кто позволяет позабыть о себе. С завидной регулярностью он отчебучивает такое, что заставляет журналистов всех мастей наперегонки строчить заметки в газеты.

Опубликовав однажды в "Новом Взгляде" пространную беседу с вождем либерально-демократической партии, мы дали повод иным коллегам по перу заподозрить, что за столь пристальным вниманием к Владимиру Вольфовичу кроется нечто большее, чем простой журналистский интерес.

Прослышав же о желании сделать новое развернутое интервью с Жириновским, товарищ из демократического издания №1 прямо заявил:

– Рекламируете будущего диктатора?

Я предпочел за благо промолчать.

Не вступать же в спор о том, что это еще вопрос, кто первым подарит нам диктатуру. Кроме того, как-то глупо объяснять и доказывать, что в отличие от многих сегодняшних политических фигур, замерших в статических позах, Жириновский подвижен и уже поэтому интересен. В.В. постоянно подкидывает темы для разговора (и не только о ваучерах и повышении цен на энергоносители). И в данной ситуации для газетчика это главное.

ПАРТБИЛЕТ В ТРУСАХ

– Владимир Вольфович, говорят, после запрета партии Минюстом вы на время ушли в подполье?

– Глупости говорят! Чепуха все это! Просто группа антирусски настроенных депутатов в лице Глеба Якунина, Льва Пономарева и некоторых других упорно пытается всяческими методами давить на партию. Сначала меня хотели скомпрометировать. Не получается. С какой стороны ко мне ни подходили, ничего не нашли – чист. Не то чтобы кристально чист, я не большевик какой-нибудь или марксист-ленинец, но придраться не за что. Не пьяница, не воришка, не многоженец.

Решили за партию зацепиться, думают, нашли больное место. Ага, отыскали, за что ухватиться: почему, говорят, регистрировались в Минюсте Советского Союза? Раз СССР больше нет, то и вам надо подавать документы по новой, а пока мы приостановим деятельность ЛДП. Ладно, отвечаем, нам нетрудно, мы еще раз бумажки соберем, и попробуйте только их у нас не принять. Рано наши недруги ручки от радости потирали, либеральных демократов так просто не свалить.

— Но ведь претензии вам предъявили посерьезнее, чем регистрация не в том министерстве. Речь, кажется, шла о несоответствии отдельных статей Устава ЛДП Конституции России, о фальшивых списках членов партии?

– С Уставом мы все сразу отмели. Со списками... Вы знаете, что проверили партию Гдляна, в ней вместо пяти тысяч оказалось 800 человек?

— О партии Тельмана Хореновича мы в следующий раз поговорим, а пока давайте с ЛДП разберемся: есть мертвые души или нет?

– Люди входят и выходят из нашей организации. Не вижу в этом трагедии. Приключился в 1991 году путч. После него часть членов ЛДП вышла из наших рядов, а другие, напротив, вступили. Кого тут считать мертвым, а кого живым?

Или, например, Таджикистан оказался в 1992 году в огне гражданской войны. У нас были там первичные организации среди местных русских. Теперь эти несчастные вынуждены были покинуть родные места, естественно, им не до правил снятия и постановки на учет. Так кто ликвидировал нашу первичку – партия или страна, бросившая на растерзание своих граждан?

— Но, Владимир Вольфович, если среди либералов со стажем числятся бабульки — божьи одуванчики, ни сном, ни духом не ведающие об ЛДП и господине Жириновском...

– При чем тут старушки? Комиссия зашла к кому-то, стала задавать неожиданные вопросы, люди и растерялись. Ко мне надо было обратиться. Если бы я поехал к этой старушке, она сразу бы меня вспомнила. И вообще пенсионеров у нас очень мало, мы молодежная организация. В основном... Средний возраст 20-30 лет. Так что нечего сочинять. Старушка... Покажите мне ее!

— А вы времени и в отпуске даром не теряете. Расскажите, как перекрасили демократа в либерала, спася его сына.

– Прошлым летом я отдыхал под Судаком в Крыму. Однажды, когда начался сильный шторм, я пошел на пляж посмотреть на волну. Вдруг увидел, что тонет маленький мальчик. Я как раз рядом оказался. Ну и бросился, само собой. Мне там по шейку, а ребенку – с ручками. Вытащил. Героизма тут особого нет, я вообще человек такой, готовый прийти на помощь. Я, конечно, мог наплевать на этого пацана, но не стал, выручил. После этого отец мальчика подошел ко мне и заявил, что порывает с демократами и вступает в ЛДП. Ко мне многие на пляже с такой же просьбой обращались.

— И вы прямо на пляже вручали партбилеты?

– Зачем? Мы оставляли координаты нашей штаб-квартиры, объясняли, как заполнять заявления о приеме. Вообще мне и на отдыхе сограждане покоя не давали. Например, жители Судака потребовали встречи со мной. Конечно, я предпочел бы лишний часок позагорать, но долг есть долг. Вышел к людям, объяснил свою позицию. Не отворачиваться же мне от острых вопросов. Крымчан очень волнует судьба их полуострова, я заверил, что эта земля была и будет российской.

Из документов III съезда Либерально-демократической партии. Политический доклад председателя: *"Малые народы могут возразить мне, скажут, что и они тоже хотят иметь свои государства. Я им отвечу: об этом нужно было думать несколько веков назад. Возьмем великий татарский народ. Тогда, когда у вас было великое государство, Чингисхан, Батый, Мамай, – тогда нужно было думать о сохранении татаро-монгольского государства. Не получилось. Осталась Монголия. Вот это и есть историческая родина. То же самое немцы. Не нравится в России – пожалуйста, есть Германия; евреи – не нравится в России – есть Израиль. Литовцы? Их в Австралии, в Америке больше, чем в Литве. И хорошо живут там и не собираются оттуда возвращаться ни в Литву, которая была в составе СССР, ни в Литву Ландсбергиса".*

– Владимир Вольфович, я видел фотографии вас на отдыхе, вы с телохранителями и на пляже не расстаетесь. Зачем они среди обнаженных тел, на пляже-то кого опасаться?

– Какая разница – среди обнаженных или нет? На то они и телохранители, чтобы постоянно быть рядом, в любое время дня и ночи. Мало ли что. Покушения совершаются в любой ситуации, самой невероятной с точки зрения нормального человека.

– Что, неужели кто-то посягал на вашу жизнь?

– Этого еще не хватало! Для того и держу охрану, чтобы не было никаких ЧП. Учтите, что те, кто покушается, обычно вторую попытку не просят, с первой делают свое черное дело. Но со мной у них вряд ли получится.

В ВОСКЕ И БРОНЗЕ

– Появление у вас двойников – это тоже одна из форм самозащиты, введение неприятеля в заблуждение?

– Вообще-то все произошло случайно. В Питере одного инженера несколько раз принимали за меня. Когда мы повстречались, я присмотрелся: действительно, похож. Мы решили это использовать. Пусть будут двойники.

– Кто эти люди?

– Из активистов, из сторонников. Просто так по улицам мы не ходим, никого специально не ищем. Мало ли кто на меня может быть похож? Даже в целях личной безопасности я стараюсь использовать людей, которые разделяют мои идеи, лично мне преданны. Вы же понимаете, случись что, им придется рисковать за меня жизнью. Неэтично было бы под пули и бомбы подставлять случайного человека.

— А с целью пропаганды собственных идей двойников использовать не предполагаете?

– Чтобы они вместо меня на митингах выступали, с народом общались? Да, мы думали об этом. Но особенно налегать на это трудно, мало ли. Люди могут распознать и в какой-то степени обидеться. Поэтому мы пока не злоупотребляем. Но в резерве двойников держим.

— И сколько же на сегодня существует дубликатов Жириновского?

– По одному в Ленинграде и в Москве. Еще раз повторю: никого специально мы не ищем. Пришел гражданин, предложил свои услуги, мы вежливо выслушали. Понадобится помощь – позовем. И охрану я не набирал, все сами пришли. Музей восковых фигур тоже сам инициативу проявил, захотел, чтобы я был среди экспонатов выставлен. Я никого не прошу. Я их и знать не знаю. Я сижу здесь, в штаб-квартире, ко мне все с просьбами и предложениями бегут.

— Не в порядке лести: ваша восковая копия послабее оригинала будет.

– Ничего удивительного. Подделки всегда уступают подлиннику. Разве возможно передать в воске человеческую энергию, темперамент?

— Я подумал, что причина в другом: скульптор, наверное, делал фигуру по фотографии.

– Нет, я позировал. Пришлось. Ездил в студию раз 5-6. Дали мы ему пленки, фотоснимки. За два месяца сделали работу. Скажу честно, неприятно видеть себя воскового. Цвет какой-то мертвый. Словно и меня уже в живых нет. Ведь в этом музее все экспонаты, кроме меня, уже мертвецы. Не считая Ельцина и Горбачева. Остальные – это исторические деятели прошлого. Они уже отошли в мир иной, для них проблемы нет, в воске себя не видят. А я смотрю на себя желтого... Правда, я в музей всего-то один раз и заезжал, на открытие фигуры.

— А костюмчик на восковом Владимире Вольфовиче ваш?

– Все мое. И рубашка, и галстук, и носки, и ботинки.

— Партия компенсировала убытки, нанесенные вашему гардеробу?

– Потери невелики, я отдал старый костюм.

— Как же так? Будете стоять на глазах у всего честного народа в пиджаке с засаленными локтями?

– Нет, костюм новый, но он старый. В смысле, он мне уже не нужен, мал стал.

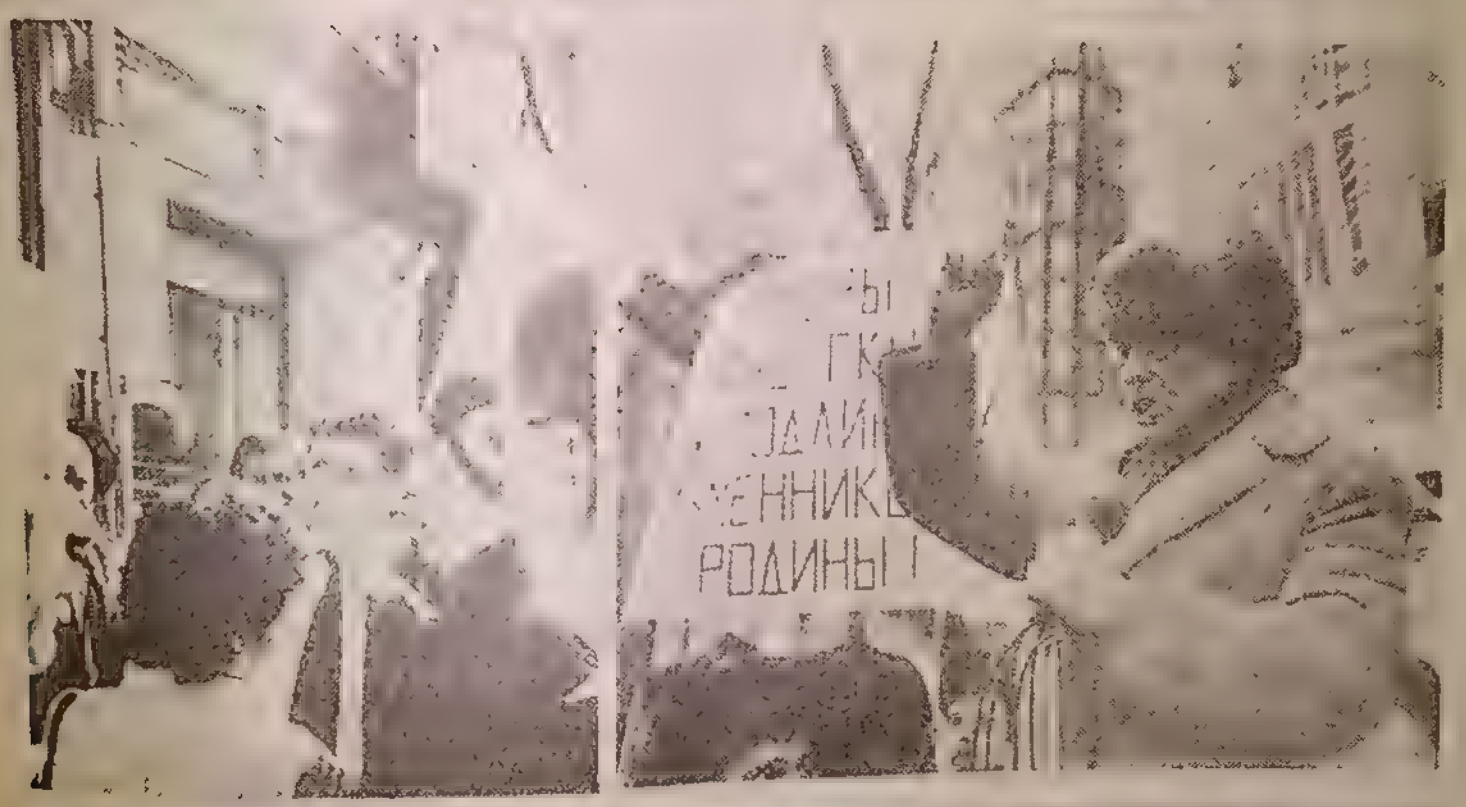
— Значит, фигура — все-таки уменьшенная копия?

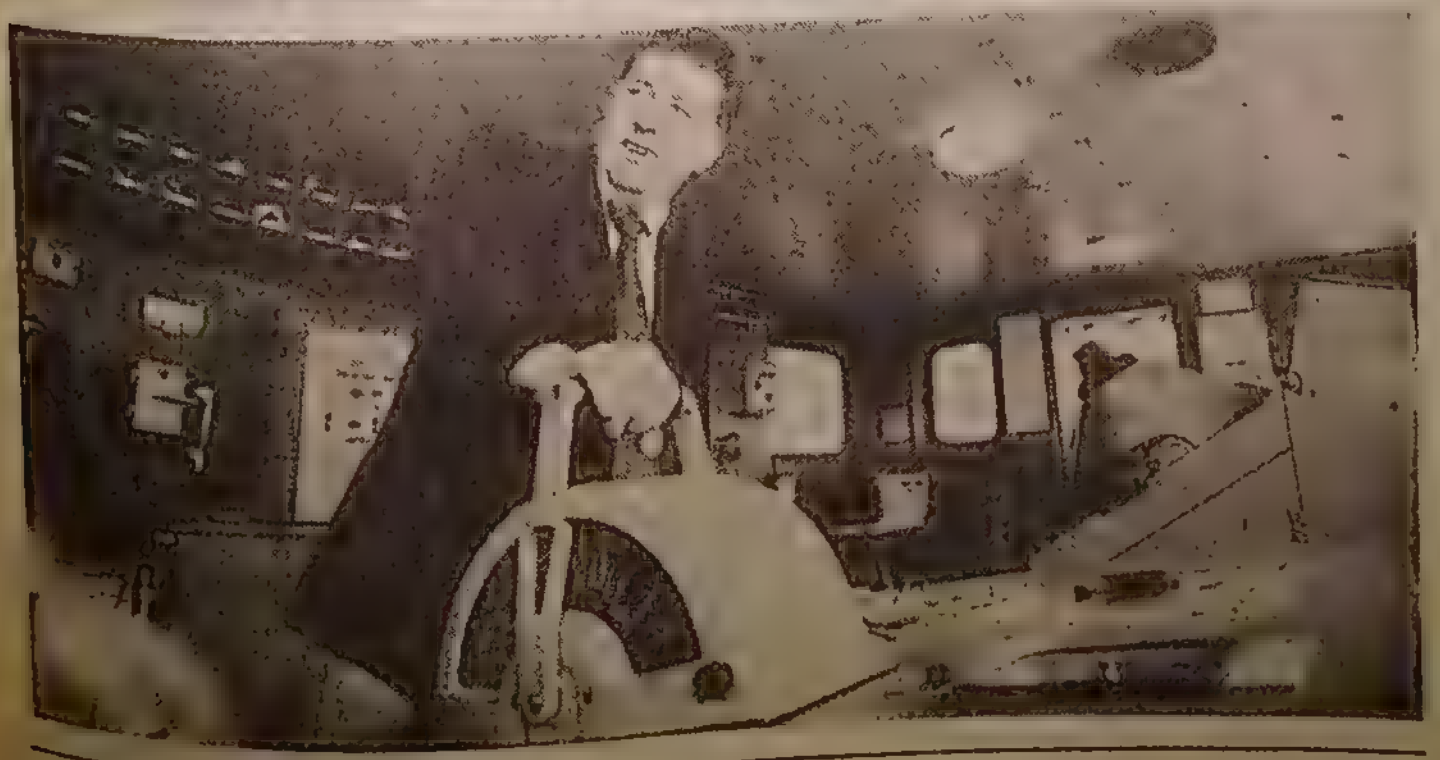
– Ну, чуть-чуть. Чтобы только костюм налез.

— Владимир Вольфович, а в бронзе хотели бы увековечиться?

– Уже делают. Мой бюст изготавливает тот же скульптор, который изготавливал и бронзовые фигуры Ельцина, Горбачева.

— Для кого это честь — для вас или для скульптора?


ЗДАЛИ
ЧЕННИКИ
РОДИНЫ!



– Ни для кого! Я к нему не просился, опять все случайно совпало. Вы спросили про бронзу, я информирую. Мои бронзовые бюстики скоро поступят в продажу.

— Владимира Ильича на прилавках заменить намереваетесь?

– Зачем мне кого-то заменять? Я сам по себе. Меня люди хорошо знают. Наверняка найдется много таких, кто захочет постоянно видеть меня у себя дома, на даче, на работе. Мы должны помочь людям удовлетворить их естественное желание. Наладим выпуск моих изваяний.

— А вы не боитесь, что бронзовых Вольфовичей начнут скупать партиями и в промышленных дозах вывозить в страны ближнего зарубежья на переплавку?

– Не нужно опошлять хорошую идею. Неужели вы думаете, что мой бюст ни на что иное, кроме сырья, не сгодится? Ошибаетесь. Мы собираемся производить значки с моим изображением, знамена с партийной символикой. Это все найдет своего покупателя.

Из политического доклада председателя: *"Для нас очень выгодная ситуация сейчас, когда запрещена КПСС. Это была самая богатая, самая сильная, самая старая партия. А нынешние – все аморфные, они не имеют никакого влияния. Лидеры не звучат! Поэтому мы находимся в выгодных условиях. Нас устраивает ситуация. Нам ГКЧП был выгоден в том плане, что они как-то попытались навести порядок. И – неудача! Если бы была удача, то, естественно, они бы господствовали. Поэтому нам было выгодно и поражение ГКЧП. Ибо нынешние демократические силы в конечном итоге запретили КПСС, разрушили старые, устоявшиеся структуры. А новые создать не успеют и не смогут. Поэтому образуется вакуум власти. В этот вакуум мы, ЛДП, можем войти".*

КАШПИРОВСКОГО – НА ОРБИТУ

— Анатолия Кашпировского вы тоже в партию приняли?

– Пока он с таким заявлением к нам не обращался, но если попросится, отказывать не станем.

— Чем же были вызваны акции в поддержку требований Анатолия Михайловича отправить его в космос на орбитальном корабле?

– Кашпировский – очень хороший психолог, мне он больше нравится, чем Чумак или другие. Я сеансы Кашпировского всегда слушал, хотя у меня нет тех болезней, от которых он лечит. Просто приятный человек, действует успокаивающе. Зря это прекратили показывать по телевидению. Лучше Кашпировский, чем все эти разглагольствующие депутаты и министры, которые довели до ручки великую страну. У меня сразу голова болеть начинает и в животе ноет, когда вижу какого-нибудь Гайдара или Бурбулиса. От Кашпировского же вреда никакого, а польза может быть. Поэтому я увидел акт дискриминации в том, что нашему ученому не дают слетать в космос, а любой иностранец только заикнется, и мы его уже к трапу ракеты на руках тащим. Кашпировский свои

деньги готов был заплатить за полет, а интуристы на наших космических кораблях часто бесплатно путешествуют, Землю в иллюминатор рассматривают. Монгол полетел. Что нам толку с этого? Где этот монгол сегодня? Чеха свозили на орбиту. Уже и страны Чехословакии нет, наших солдат там оккупантами обзывают. Вьетнамцы, кто еще? Значит, им можно, а нашему специалисту, видному ученому нельзя?

— Но это Кашпировский уполномочил вас о нем похлопотать?

– Нет, мы сами проявили инициативу. Мы же следим за событиями вокруг, приходим на помощь даже тогда, когда нас не зовут.

Скажем, США опять угрожают Багдаду войной. Мы выступили с резким осуждением давления на суверенную страну. Это понравилось послу Ирака в Москве.

Против передачи Курил японцам протестовали. В поддержку сербов. Только бы успевать откликаться на события, происходящие в мире, и выдумывать ничего не надо. Стоит мне выйти на улицу, сразу вокруг собирается толпа народу, и тема для разговора находится. У меня по любому поводу собственное суждение имеется.

Из политического доклада председателя: *"Подводные лодки под Мурманском и в Крыму! Это разве возможно было в прежние годы? Это же практически начало войны. Когда подводная лодка или воздушное судно пересекают границу государства – это означает объявление войны. Эта подводная лодка должна быть уничтожена и лежать на дне Баренцева моря. Уничтожена! И после этого нужно было вызвать американского посла в Кремль, положить перед ним обломки подводной лодки и сказать: "Что это такое, господин посол?" И потребовать объяснения у президента Соединенных Штатов... Нас будут уничтожать с запада, с востока, с юга, если Россия снова не превратится в сильное, мощное государство".*

НАМ С "БОГАТЫМИ" НЕ ПО ПУТИ

— Осенью 92-го в Москве побывала знаменитая Марианна — актриса Вероника Кастро. Вы с ней встретиться не пытались?

– Это дикость, варварство! Приезжает какая-то артистка из какой-то Мексики, снявшаяся в каком-то там фильме... И вот телевидение, первый канал, сообщает о каждом ее шаге и вздохе, государственный секретарь в Кремле принимает... Что они делают? Страной занимайтесь! При чем здесь эта актриса, она что ли народ зимой кормить будет? Да у нас самих, если уж на то пошло, таких актрис, как эта, навалом. Хочется с красивой женщиной поговорить, своих зовите, нечего мексиканке хвост заносить. Она и играть-то толком не умеет. Поэтому я с этой Вероникой встречаться не рвался. Если б была возможность, пообщался бы в спокойной обстановке в каком-нибудь культурном центре, но вокруг нее такую свистопляску устроили на уровне главы правительства, что тьфу, даже стыдно.

— А мне кажется, что появись вы на людях в обществе Вероники, только лишние баллы заработали бы. У Марианны в стране ого-го какая армия поклонников, ни один политик популярностью с этой героиней СеНеГальского экрана тягаться не сможет.

– Нет, сейчас это не работает. Люди обозленные, голодные, впереди перспективы еще более путаные и неопределенные, поэтому блистать на экранах или обложках журналов с бутербродами с черной икрой и бокалом шампанского – извините, не на такого нарвались. Я знаю, что делаю. Недавно проезжал мимо мэрии, а там возле входа рабочие рыли канаву. Я остановился, вышел. Рабочие сбежались, стали на жизнь жаловаться. Элементарные продукты питания бешеные деньги стоят. Как можно этим не возмущаться? Естественно, люди волнуются. Хорош бы я был с галстуком-бабочкой и Вероникой Кастро под ручку. Не хочу я таких вариантов. Она крылышками помахала и упорхнула в свою Мексику, я же тут жить остаюсь. Не надо мне шампанского от "Богатых".

— Однако от пива в мюнхенской пивной вы не отказываетесь?

– Понимаете, меня угощали немецкие друзья, пригласившие в свою страну. У них обычай – угощать гостя пивом. Чай и водку там не уважают. Не мог же я встать и потребовать, чтобы мне персонально принесли сто грамм вместо бокала? Пришлось пить пиво.

— Владимир Вольфович, не опасаетесь, что народ от слов "пришлось пить" разъярится не меньше, чем от шампанского Кастро? У нас любителей пива не меньше, чем поклонников Марианны.

– И о пиве никто не узнал бы, если бы не этот журналист с телекамерой. Не придумал ничего умнее, чем снимать на фоне пивных бутылок. А потом сюжет по первому каналу в новостях дня показали. Я же не мог этого предвидеть.

— Бог с ним, с пивом. Тут ведь еще другая параллель просится. У самого тупого и безграмотного с мюнхенскими пивными связаны вполне конкретные ассоциации.

– Это вы насчет Гитлера? В Германии к нему сейчас уже относятся спокойно. И у нас, по-моему, тоже.

— Мне так не кажется. Во всяком случае, в отношении нашей страны.

– Ну, я и имею в виду, что немножко меняется взгляд на эту историческую фигуру. Меня и мое поколение растили на ненависти к Гитлеру и Германии, сегодняшние молодые люди смотрят на все иначе, даже в чем-то симпатизируют идеям национал-социалистов.

— А ваше личное восприятие Адольфа Шикльгрубера тоже изменилось?

– Это политический деятель Германии, которого мы видели немножко в искаженном свете. Конечно, некоторые дела и поступки Гитлера принесли вред Германии. Какие-то ультраради-

кальные заявления сыграли против, а в целом его идеология ничего негативного в себе не содержит.

— Словом, аналогии с пивным путчем и политическим деятелем, начинавшим карьеру в мюнхенской пивной, вас не смущают?

– Я не придаю этому большого значения, не пытаюсь, подобно вам, отыскать здесь скрытый смысл. Ну, и пивная, ну, и Мюнхен. Так что? Почему бы мне пивка не попить?

— Компания у вас за столиком была специфическая — руководство немецкого народного союза.

– Если в Мюнхене у них штаб-квартира, не переносить же мне ее в Москву, чтобы какой-нибудь сильно грамотный зритель или читатель ничего такого не подумал? Хорош бы я был, когда полез бы с предложениями закрыть пивные по всей Германии, чтобы не дразнить страждущего российского мужика. Может, мне надо было еще попросить повесить красные флаги и самому первому закричать: "Да здравствует Тельман!"?

Далось вам это пиво! Вы лучше напишите, что, когда ко мне миллионеры из-за рубежа приезжают, я их чаем пою. Чаем!

Почему вы не расскажете, что я не только по любимым пивным заведениям Гитлера ходил, но в Кенигсберге посетил могилу Канта, могилу русского философа Ильина в Цюрихе. Я был там первым российским гражданином за многие годы. Постоял над могильной плитой, взгрустнулось мне, что некому ухаживать за последним пристанищем великого нашего мыслителя. Этого корреспонденты не замечают!

— Считайте, уже заметили.

– Гуманитарную помощь – пять компьютеров – отдал московским школьникам. Чего пресса молчит?

ИЗ "ТЕНИ" – НА ТРОН?

— Владимир Вольфович, вам ли жаловаться на невнимание? Например, о создании теневого кабинета Жириновского, наверное, все газеты Москвы написали, включая многотиражки.

– И здесь, в моем правительстве, вас что-то смущает? Это обычная жизнь политической партии, находящейся в оппозиции. Мы стремимся играть более активную роль в жизни общества. В наш кабинет входит около двадцати министров, часть из них ведут активную деятельность, другие только числятся, зная, что их услуги могут понадобиться в любой момент. Мы готовимся к тому, чтобы взять на себя ответственность по управлению делами в стране, и сейчас занимаемся формированием структур власти. Один лидер со всем не справится. Из 82 регионов России у нас первички функционируют в 76, информация поступает из всех мест, поэтому мы вполне четко представляем ситуацию в стране.

— Скажите, в вашем теневом кабинете или в ЛДП есть свой Кручина? Какими миллионами вы ворочаете?

– Нет, в кабинете никаких управлений делами не существует – рано. Мы просто пока портфели министров распределили. А в

партии пост Кручины есть, но вот миллионов рублей нет. Появятся свои миллиарды, будут и свои Кручины, заведем. Пока же у нас копейки, которые в правом кармане моего пиджака умещаются. Но у нас будут деньги, не сомневайтесь. Люди, разуверившиеся в деморосах, в Ельцине, к нам потянутся. Устаревшие имена, допустим, группа "Союз", Алкснис, Макашов сегодня прежний рейтинг уже не наберут. Стерлигов тоже повязан с прежним режимом – коммунист, генерал. Кто остается? Я.

Из политического доклада председателя: *"Меня часто спрашивают, каким был бы ваш первый указ, если бы вас выбрали президентом? Я отвечаю: указ, в котором было бы несколько пунктов: 1. Прекращение гражданской войны, включая, если потребуется, и применение вооруженных сил. 2. Восстановление границ Российского государства хотя бы в границах бывшего СССР, по конституции 1977 года...*

Где я сам теперь родился? За границей, получается. Мой родной город – Алма-Ата. Историческое название – Верный. Так назвали его русские, которые его построили. Где были казахи, почему они не построили этот город? И назвали бы сразу по-казахски. Русские построили, это был форпост России в Азии. Русские построили там космодром, почему казахи не построили? Ядерный полигон, большое количество заводов, а казахи занимались скотоводством. Это очень важная отрасль экономики, очень нужная, у них это хорошо получается".

– Владимир Вольфович, во время нашей последней встречи вы предрекали, что Ельцин в кресле президента долго не просидит. Вы остаетесь при своем мнении?

– Первая ласточка была, когда он отложил визит в Японию. Очевидно, что это было сделано по политическим мотивам. Может, он вспомнил, как аргентинское правительство вынуждено было уйти в отставку по требованию народа после того, как Фолклендские острова были отданы Великобритании. Ельцин боится поднимать народную волну. Патриотизм – это штука посерьезнее, чем голод. Люди могут терпеть нищету, но оскорбления народного достоинства не перенесут. У Ельцина хватило ума остановиться. Но это такой человек, который не может не делать ошибок, он обязательно во что-нибудь вляпается. Если раньше его прощали, его рейтинг у людей был очень высок, поэтому даже очевидные глупости сходили без видимых последствий, то теперь ситуация круто изменилась. Кредит веры вычерпан практически до дна. Любой прокол в таком положении может оказаться роковым.

– Поэтому вы все время на подхвате: как только корона слетит с макушки, вы тут же ее подхватите?

– Понимаете, чтобы наша партия стала правящей, нужны парламентские выборы, а их не будет. В ближайшее время, во всяком случае. Конечно, с президентом может всякое случиться, он смертен, как и все мы. Руцкой, который по конституции должен сменить в случае необходимости главу страны, фигура мало подходящая. За ним тянутся те же минусы, что и у Ельцина: бывший коммунист, бывший деморос. Он пока ничего реального не

сделал. Только сидит и усами шевелит. Иногда в телевизоре мелькнет, когда ручку какому-нибудь заморскому гостю жмет. Он отвечает за сельское хозяйство? Но как можно отвечать за то, в чем ничего не понимаешь? Это же не на самолете летать. Так что... Конкурентов у меня нет. Но мы и не торопимся, плод должен созреть. На чем деморосы сейчас проигрывают? Они не ожидали, что 21 августа придут к власти, они думали еще лет 5-10 находиться в оппозиции, бороться с компартией. Неожиданная победа застала их врасплох. Мы не станем повторять их ошибок.

— Значит, ваш поход на Кремль временно откладывается?

– Господи, ну разве в нашей стране можно что-то планировать на длительный срок? Приходите через пару месяцев, поговорим.

Андрей ВАНДЕНКО.

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА ГЕНЕРАЛА КАЛУГИНА

В начале 1992 года на кагэбэшного бунтаря Калугина обвалилась новая "дэза". По ТВ обмолвились о том, что Олег Данилович возглавил якобы некое перспективное СП. Сообщение продублировали в газетах. И не было отбоя от бывших сослуживцев, оставшихся без работы: просили, умоляли пристроить их в (несуществующую!) калугинскую фирму. Давний друг (подводник с Дальнего Востока) так и вовсе без звонка нагрянул в гости к Калугиным: "Хочу сотрудничать с новым СП!"

Неужели опять газетная провокация? Или просто журналистская оплошность?

О ГЕНЕРАЛЬСКИХ ВКУСАХ

— А вам лично доводилось работать в этом направлении? Я имею в виду дезинформацию.

— Я рекомендую взять слушания в Конгрессе США о советской дезинформации. Соединенные Штаты тоже занимались дезинформацией, это естественно. У меня есть книга, которую я в свое время писал как диссертацию, там приводится несколько примеров. Она не опубликована, поскольку засекречена. Я ее закончил еще в 1984 году.

Из интервью 1991 года: *"Я учился в институте иностранных языков, потом два года провел в разведшколе. Оттуда меня направили в США на факультет журналистики Колумбийского университета. А чтобы биография была подходящей — выдали диплом филфака ЛГУ. Так я стал "гражданским лицом". Потом я снова приехал в Штаты в качестве корреспондента Московского радио в Нью-Йорке. В течение четырех лет приходилось вести репортажи из страны. А иначе и быть не могло — лопнула бы "крыша"."*

Из досье газеты "Новый Взгляд": *Позднее, работая скромным пресс-атташе сов. посольства в Вашингтоне, разведчик Калугин ищет*

размашистую возможность (на средства нашего дальнобойного ведомства) давать более шикарные приемы, нежели сам посол. С тех заокеанских пор Олег Данилович очень хорошо разбирается во французских сухих винах (про калифорнийские сорта как-то, давая "Новому Взгляду" интервью, заметил: "Впрочем, лоза там все равно французская"). Знает, как выяснилось, экс-Генерал толк и в еде. Любит рыбу. Предпочитает лососевые сорта. И форель. Причем сам опытный рыбак. И умелый охотник, кстати. Между прочим, "кстати" – его любимое словечко. И – кстати же! – именно в Америке родилась одна из его дочерей. Их у него с Людмилой Викторовной две – Светлана и Юлия. У каждой – по сыну. Старшего из внуков (12 лет) назвали в честь деда. Мальчик очень хорошо и нестандартно рисует. В школе немногие знают, что он внук того самого Калугина. Всему свое время. Зятья у Олега Даниловича, как он сам говорит, разные. Когда экс-Генерал нехотя рассказывал про них в своем ТВ-интервью и сказал мне, что, мол, муж одной из дочерей – токарь, то я подумал, что про второго вдруг проронит: пекарь. Нет, однако, я ошибся. Другой, как оказалось, офицер милиции.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ

– Насчет архивов. Могут быть опубликованы документы, касающиеся южнокорейского "Боинга"?

– Когда Бакатин при мне давал команду передать бумаги японцам, ему сказали, что по просьбе Министерства обороны все передано туда, все теперь там. КГБ к этому имело отношение только в плане сохранения секретов, это же военные операции.

– Кстати, по поводу военных секретов. Что известно о похищении французских документов? Кто прверпул эту грандиозную операцию?

– Воры украли обыкновенные. Похитили несколько ящиков из военного ведомства. И нам передали. Целый грузовик документов. Но я ни разу не слышал, чтобы во Франции по этому поводу кто-нибудь возмущался. По-моему, им неудобно было признать, что их обворовали.

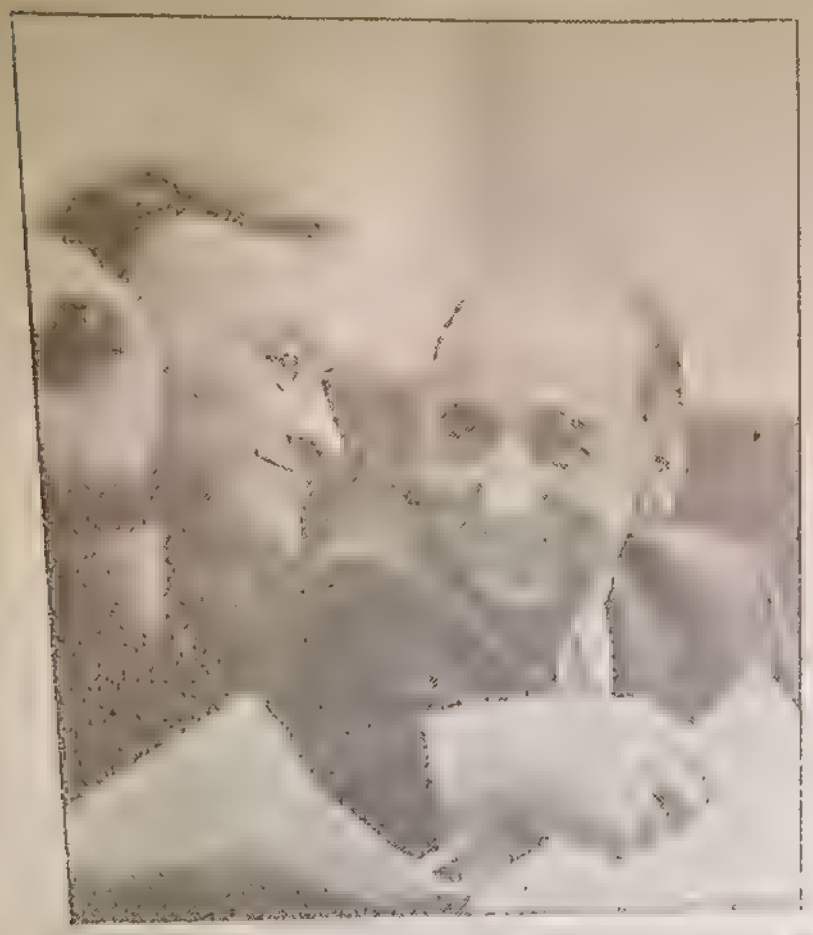
– Откуда именно французские уголовники похитили эти бумаги?

– Это была организация, работавшая на министерство обороны, но представлявшая крупную французскую военную фирму.

– Как сейчас работают службы бывшего КГБ? Они уменьшили свой штат заграничных агентов?

– Еще не уменьшили. Хотя МИД категорически против засилья КГБ в структурах министерства. Впрочем, там тоже "наших" хватает.

Из речи перед избирателями 28 сентября 1990г: *"Шевченко был агентом ЦРУ. В свое время попросил у американцев политическое убежище. Ему пообещали, но сначала попросили поработать. У нас имелась информация о том, что он, возможно, завербован. Разумеется, знал об этом и Андропов. Докладывали Громыко. Но тот не реагировал. Когда же Шевченко сбежал, Громыко сказал: "Шевченко? Кто такой, что-то не припомню..." Тогда мы отыскали фотографию, где*



Андрей Вайденко. Евгения Додонова

★ ★

бы ли запечатлены Громыко и Шевченко со своими женами на пикнике у костра. Этакая идиллия, ну прямо-таки одна семья. Объяснялось всё очень просто. Шевченко поставлял семье Громыко много заграничного барахла."

Ремарка. *По сведениям самого придирчивого чекистоведа Е.Альбац, из 3900 дипломатов союзного МИДа 2200 представляли КГБ и ГРУ.*

— В течение будущих месяцев — по вашим прогнозам — станет ли известно, что в высших эшелонах иностранных правительств были агенты КГБ?

– Практически все самые крупные интересные агенты либо уже умерли, либо давно на пенсии. Более интересно другое: из КГБ сбежали (или работали как агенты ЦРУ, французской разведки, других спецслужб) почти тридцать человек. Разложение полнейшее. Какой нормальный человек будет после этого сотрудничать с советской разведкой? Какие агенты могли остаться на Западе? Они все были либо арестованы, либо сбежали.

— Так ведь эти люди хорошо оплачивались. Соблазн был велик. Но, видимо, у экс-комитета ныне должны быть серьезные финансовые проблемы?

– Да. Нечем платить не только агентам, но и своим собственным офицерам.

— До какого приблизительно года советские секретные службы поддерживали рабочие отношения с арабскими террористическими группировками?

– Никогда мы их не поддерживали! Это тоже форма дезинформации. Но со стороны западных спецслужб. Мы поддерживали национально-освободительное движение во всем мире, да, это правда. Мы обучали представителей этого движения здесь для борьбы с колониальными режимами, в том числе и владению оружием, это правильно. Но мы, естественно, не могли контролировать всех людей, которые, отойдя от национально-освободительных целей, перешли на позиции крайнего правого или левого экстремизма. И могли использовать полученные в СССР опыт и знания, чтобы осуществлять террористические акции. Так что в этом случае косвенно, конечно, мы как-то могли влиять. Но никогда мы не готовили террористов.

— А знаменитый Карлос? Тот хрестоматийный воспитанник ГБ, про которого на Западе снято столько игровых и учебных фильмов, написано столько захватывающих книг и засекреченных диссертаций?

– Он учился в Университете имени Патриса Лумумбы, потом уехал на Запад. Когда он у нас был в 70-80-х годах в Москве (несколько раз), его держали под контролем. Приглашали на беседу, спрашивали, что он хочет здесь. Он сказал, что просто приехал увидеть своих знакомых. Но его постоянно держали под наблюдением, все его связи. Под колпаком, как у нас говорят. Ведь Германия не несет ответственности за советский эксперимент марксизма оттого, что Маркс родился в Германии? Так и мы не отвечаем

да Карлоса, который учился в Университете дружбы народов, а потом стал супер-террористом.

Из интервью 1991 года: *"КГБ всегда помогал партии в решении финансовых вопросов. Начнем с того, что многие компартии мира финансировались именно по нашим каналам. Почти в каждой зарубежной резидентуре был сотрудник КГБ, осуществлявший контакты с руководством местной компартии, передавал им деньги, инструкции. Скажем, Гэсс Холл, будучи генсеком компартии США, жил на содержании Старой площади."*

Из исследования Е.Альбац: *"Документ №1 П 164/15 от 10.1.89. Компартии США передано 2.000.000 3-го января. (Буква "П" перед номером документа означает "Политбюро".) Документ №2 п.6 157/251 от 3.11.87 ОП 0330 от 4.11.87. Г.Холлу сообщено о выделении 500.000 долларов".*

КГБ В КРЕМЛЕ

— Работает ли госбезопасность в Кремле? Говоря о Кремле, я имею в виду не структуры власти, а лишь архитектурные рамки символа отечественного Олимпа.

— Есть комендатура Кремля для этого. "Наружка" туда не проходит, она работает только за пределами. Все, что там, внутри, — это служба охраны (бывшее 9-е управление).

— Как идет подбор сотрудников Кремля? Они все проходят проверку?

— Абсолютно! Это как военный объект высшего назначения. Так было заведено с незапамятных времен.

— Вам самому доводилось бывать в Кремле? Как сотруднику ГБ? Или как депутату?

— С 1965 года бывал в Кремле многократно. Как сотрудник МИД СССР. Я бывал на приемах у Брежнева, туда приезжали президенты, короли. Был я и в числе чекистов, награжденных за участие в антихрущевском перевороте. Я тоже получил орден, хотя никакого участия в путче не принимал (я в то время был в Америке). Наградили группу чекистов: официально — за успехи в работе. Но фактически их награждали за переворот. Октябрь — путч. А их награждали в декабре.

— На приемах вы сразу видите людей из управления охраны?

— Да. Там много народу работает. Не только охрана. Но и те, которые пытаются кое-что подслушать. Особенно когда на приемах много иностранцев. Не секрет, что приемы всегда использовались для передачи информации. Любые приемы: посольские, кремлевские. Поэтому там ходят люди, которые пытаются незаметно подойти к группам беседующих. И посмотреть. Нет ли у них передач из рук в руки. Работа идет. Я никогда не интересовался системой охраны Кремля. Но то, что там охрана лучше, чем где-либо, это несомненно. Подбирают лучших людей и лучшие технические средства.

— Наверное, подобного рода охрана (как кремлевская) существует во всех резиденциях?

– В принципе, конечно. У них, однако, размах ни в какое сравнение с нашим не идет. Вся охрана вашингтонского Белого дома (включая полицию в форме) – 700 человек.

— А у нас?

– У нас в 9-м управлении только 1-й отдел (а там их было около десятка) насчитывал полторы тысячи человек. Только один отдел! (Мне в свое время предлагали его возглавлять, поэтому я знаю). Нигде такого отдела не найдешь. Обычно 20-30 человек.

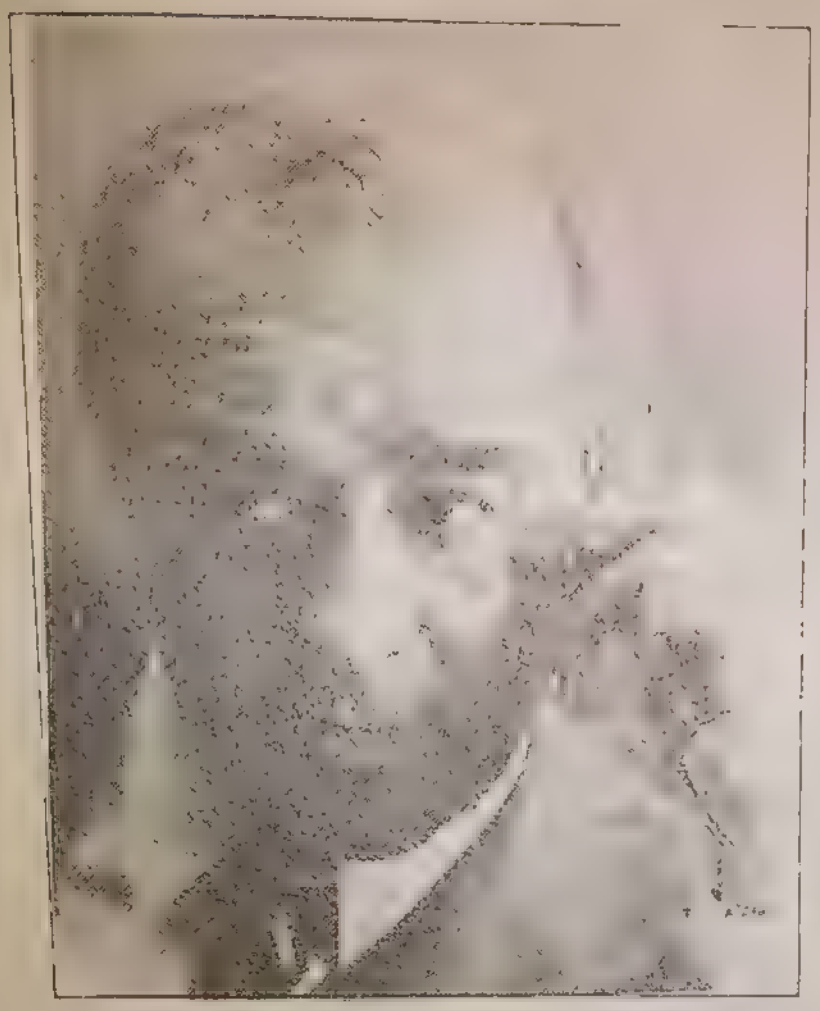
В свое время Калугину много чего предлагали. Злые языки говорят, что недостаточно. Оттого, мол, генерал и подался в "демократы". Не знаю, не знаю. Как бы то ни было, Олег Калугин по-прежнему одна из самых заметных фигур на нынешнем политическом небосклоне. И, на мой взгляд, один из самых благодарных объектов интервью. – Суперконсультант. Думаю, что Выбор дался ему не просто. И был – правилен.

Из досье газеты "Новый Взгляд": *Со своей супругой экс-Генерал познакомился еще в школьные годы. Они вместе катались на велосипедах по родным дворам. Возможно, что именно благодаря мягкому обаянию и удивительно женственному такту Людмилы Калугиной (в девичестве Ивановой) знаменитому ныне разведчику удалось сделать весьма симпатичную диткарьеру. Супруга генерал-майора несколько недоверчиво относится к журналистам, невзирая на то, что именно пресса сделала Олега Даниловича известным и, стало быть, отчасти неуязвимым для своих недругов. Ее кредо: чем меньше знает страна о каких-то личных аспектах биографии ее энергичного мужа, тем спокойнее в семье. Не подозревая, что сама являет самый обезоруживающий аспект жизни генерал-депутата. Прошу прощения, это моя точка зрения. И еще одно. Насчет "аспекта". Людмила Викторовна плавно, но решительно настояла на том, чтобы я весьма серьезно кулировал семейное интервью с Калугиным, которое в свое время готовил для ВИДа. Убеждала: "Никому это не интересно... Разговоры про личное. Тем более в такое трудное время." Уверен, что она ошибалась. Уверен, что еще получу согласие Калугиных на эфир (запись того "домашнего" интервью я не размагнитил). Уверен, что, несмотря на хитрые инсинуации и удачные порой происки завистников, Олегу Калугину удастся сохранить подлинную репутацию мудрого и неподкупного политика. Политика, единственной вины коего (в выплаканных глазах оголодавшей СНГ-общественности, конечно) остается лишь умилительная привязанность экс-разведчика к легким французским винам. Похоже, выбор этот останется первой и последней "ошибкой" знаменитого американиста. Во всяком случае, разборки последних лет доказали, что он за свои слова тщательно отвечает. И ошибок в политической карьере не допускает. Стало быть, кремлевский Олимп все так же близок.*

Евгений ДОДОЛЕВ.

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

КОРОТИЧ ПРЕДВЕЩАЕТ ЧАС ЖЛОБА



Интервью это эксклюзивное. В том смысле, что Виталий Алексеевич ни с кем из газетчиков в тот свой приезд не встречался на предмет беседы. Вскоре после нее легендарный экс-редактор некогда популярного "Огонька" улетел в Америку. "Любить ее запретные плоды." Коротич исправно отканикулярил все душное московское лето в своей недурственной квартире рядом с "Олимпийским" спорткомплексом. Хотя, как говорят, мог бы провести эти горячие дни и в прохладной Швейцарии.

Меня это, впрочем, не удивляет. Гораздо больше я изумился тому, что он приехал в гостиницу "Россия" (где мы "забили стрелку") на метро. Неужели здесь не осталось личной машины после того, как "Огонек" забрал казенную "волжанку"?

ПОКОЛЕНЬЕ ПОДВОРОТЕН

– У меня чисто профессиональное желание общаться с толпой.

А автомобиль у меня есть. Сейчас я захотел купить себе новый автомобиль, обратился к разным деятелям. И вдруг мне предложили целую кучу автомобилей с 50-60 км на спидометре, т.е. пригнанных специально. И фамилии этих людей были депутатскими, министерскими! То есть наши политики покупали машины для того, чтобы продать. Ужасно. Причем маклер мне говорил: "Вы знаете, я вам скажу, чья это машина, вы же понимаете". Вместо старых сытых политбюровских котов пришли голодные, вихрастые, с такими выгнутыми спинами ребята, которые начинают повторять прежние подвиги.

– А вы разве не пользовались привилегиями, депутатствуя?

– Я не пользовался особенно поликлиниками, ни разу не покупал билеты по квитанционным книжкам. Я всегда пытался жить по-настоящему.

— Кстати, как реагируют на Коротича пассажиры муниципального транспорта?

– В метро меня узнают. Я очень боялся этого. Но люди очень доброжелательны, очень хорошо говорят, я не ожидал даже. "Как вы? Какой был журнал, вот бы вы что-нибудь еще писали."

— Вам попадалась заметка "Коротичьи слезы" в "Советской России"?

– Попадалась. Но дело в том, что "Правда", "Советская Россия" – газеты совершенно определенные. "Русское воскресенье" мой домашний адрес напечатало с требованием разобраться со мной. Время от времени я получаю идиотские письма. Но что интересно: я взял и какому-то человеку, приславшему мне немыслимо лютое письмо, написал спокойно, что я обо всем этом думаю. И в ответ получил нормальное письмо очень несчастного одинокого старика.

Но в общем меня поразило **убывание свободы.**

Старая древняя шутка, что между ночью и рассветом есть Час Быка, когда тьма сгущается. Вот сейчас настал Час Жлоба. Два дня назад я поворачивал к дому, там одна сторона Цветного бульвара ремонтируется, стоит несколько домов жилых, остальные разрушены. В подъезде дома стоял человек и пИсал. Спиной ко мне. И стояла женщина на тротуаре и кричала, что ей надо идти. А он так лениво огрызался, причем совершенно трезвым, непьяным голосом. В этом был какой-то символ. И я подумал, что этого надо бояться прежде всего. Человек понял, что ему **ничего не будет.** Он может пИсать в подъезде. Это тоже свобода.

Я вдруг вспомнил многократно цитированные слова о русском бунте, бессмысленном и беспощадном. Это тоже тот Час Жлоба, который наступает. Я вдруг подумал (это совершенно непатриотическая кощунственная мысль): до чего чудовищна песня, любимая нашим народом, про Стеньку Разина, который бросает княжну в набежавшую волну. Это тот же самый Час Жлоба; это я сижу с пьяной ватагой, бросаю бабу "в набежавшую волну", чтобы она потонула, зараза.

Мы говорим о том, что Америка близка нам по духу. Америку создавали добровольно съехавшиеся туда люди со всего мира! Свободные люди. Которые совершенно не ощущали себя ничем угнетенными и ограниченными. Они создали специфическую страну. Но в эту страну приехали и люди, ни один из которых не оказался там добровольно. Черные, негры. И если мы – Америка, то – **негритянская.** Годы ненависти не могли родить свободного человека. Это очень страшно, потому что, реформируя экономику, мы не реформировали морали.

— Коротич предполагает, что России нужна твердая рука. Эта страна без тоталитарного режима, без Сталина не может — считает бывший редактор самого перестроечного журнала?

– С одной стороны, эта мысль не только вам и мне приходит в голову... С другой – я сейчас прочел опять Короленко, который кричит, что "после Октябрьской революции Россия получает со-

циализм без свободы". Понимаете, нужна крепкая рука, которая наводит порядок в экономике. Здравствуй, площадь Тяньаньмэнь. Или это просто свобода. Или свобода в экономике с зажатыми ртами. Тогда это будет Китай со студентами под танками. Или гласность без экономических достижений.

Революция вспыхивает, затем рождается фраза "За что боролись", самоубийства революционеров, как-то незаметно, случайно к власти приходят молотовы, кагановичи, начинается власть клерков, 37-й год, начинается все это.

Поколение людей в это время строит Бог знает что, заключенные долбают кайлами Беломорканал. Преданное поколение. Оно сейчас просит милостыню в подземных переходах. Оно получило свои медали. Затем мое поколение, поколение Целины. Ваше поколение – БАМ и т.п. Каждое поколение получало свою взятку. Я помню, как в 1962 году я стал секретарем Союза писателей Украины, самым молодым в истории членом правления Союза писателей СССР; я был счастлив.

Я очень хочу, чтобы ваше поколение было исключением, но очень боюсь, что предадут и ваше, потому что система осталась, потому что система бросает всех в гонку. Если у древних была метафора: "Сатурн, пожирающий своих детей", то у нас Сатурн, пожирающий своих отцов. Предан Горбачев, сейчас – Ельцин, которого будут размазывать по стене, и выталкивать новых наверх. Да, нужен тоталитарный режим, страшный.

НЕГРЫ И ДЕПУТАТЫ – ДОСТАЛИ!

— А как же ваши Штаты? Как там это слушают?.

– В августе 91-го я кричал в первый день путча: "Как у них трясутся руки! Какая это шпана!". Сейчас трясутся руки у правительства. Я видел это, когда были бунты в Останкине, когда чернь перла на улицу. Я видел, когда сейчас (меня это поразило!) участники грязной войны в Афганистане (нечего ахать, афганцы, да, они обмануты, но не больше, чем строители БАМа и покорители целины) захватывают дом. Они захватывают его не у секретарей обкомов, они захватывают у несчастных теток, которые по 20 лет эту квартиру ждали. Это показывали по программе "Время". И говорят: эти орлы заявили, что будут из пулеметов отстреливаться, они знают, как обороняться. И стоят свердловские женщины так же, как стояли афганские матери недавно вокруг бесчинств этих орлов у себя в горах. Давайте называть вещи своими именами. Что делает правительство? Ничего.

— А Сталин, конечно же, никого не боялся?

– Когда-то черные в Филадельфии захватили несколько домов, установили круговую оборону. Прилетели полицейские вертолеты, сбросили канистры и сожгли несколько многоэтажных домов. Закон в стране есть или его нет.

Однажды ваш и мой любимый герой (по-разному любимый) Гдлян меня использовал. Я на XIX партконференции вылезаю на трибуну, кричу "свободу!", передаю папки (переданные мне Гдляном) Горбачеву. И после этого Гдлян говорит, что Горбачев, Ли-

гачев тоже хорошие штучки, тоже берут. И я понимаю, что в любой державе с законами должны сесть или Гдлян-и-Иванов, или Горбачев-и-Лигачев. В Америке вице-президент никсоновский прекрасно сел. Чудненько пошел под суд. А тут не происходит ничего. Я не говорю: Лигачев – взяточник или оклеветал его Гдлян. Главное – никто никуда не был привлечен! Мне Колбин, председатель всех наших главных партийных контролей, передал документы, что замминистры обороны, генералы армии за счет оборонного бюджета строят себе дачи. Цифры, фамилии. Я долго мучился, потом напечатал. И понял: или я сейчас иду под суд, или генералы стреляются, уходят в отставку. Что меня убило: не произошло ничего. Сейчас я пробую сделать ремонт дачи, ко мне приходят строители и говорят: хорошо, что ты пробуешь сделать, но ты бы видел, какие мы сейчас дачи строим. И опять называют фамилии депутатов, хозяев жизни.

— *Дачи во Флориде?*

– Дачи под Москвой.

Мы сейчас продолжаем управляться энтузиазмом, добрыми намерениями, чем угодно, но не законом. И эта тоска по закону, пожалуй, главное. Когда у "Останкино" били милиционера, совершенно ясно было, что это развлечение было типично наше. Попробовали бы ударить доброго "бобби" в Лондоне или американского полисмена.

И когда в Лос-Анджелесе тысячи людей вышли на улицы, над толпой летало 4 вертолета. Все удивлялись: почему они летают? А они все сняли на видеопленку, и несколько тысяч человек пошли в тюрьму после этих заварух. И черные, и белые, и зеленые кричали, что это расизм. Но... "Видите, у него палка в руке, вот он ее поднял, вот опустил, вот он сейчас сидит в каталажке".

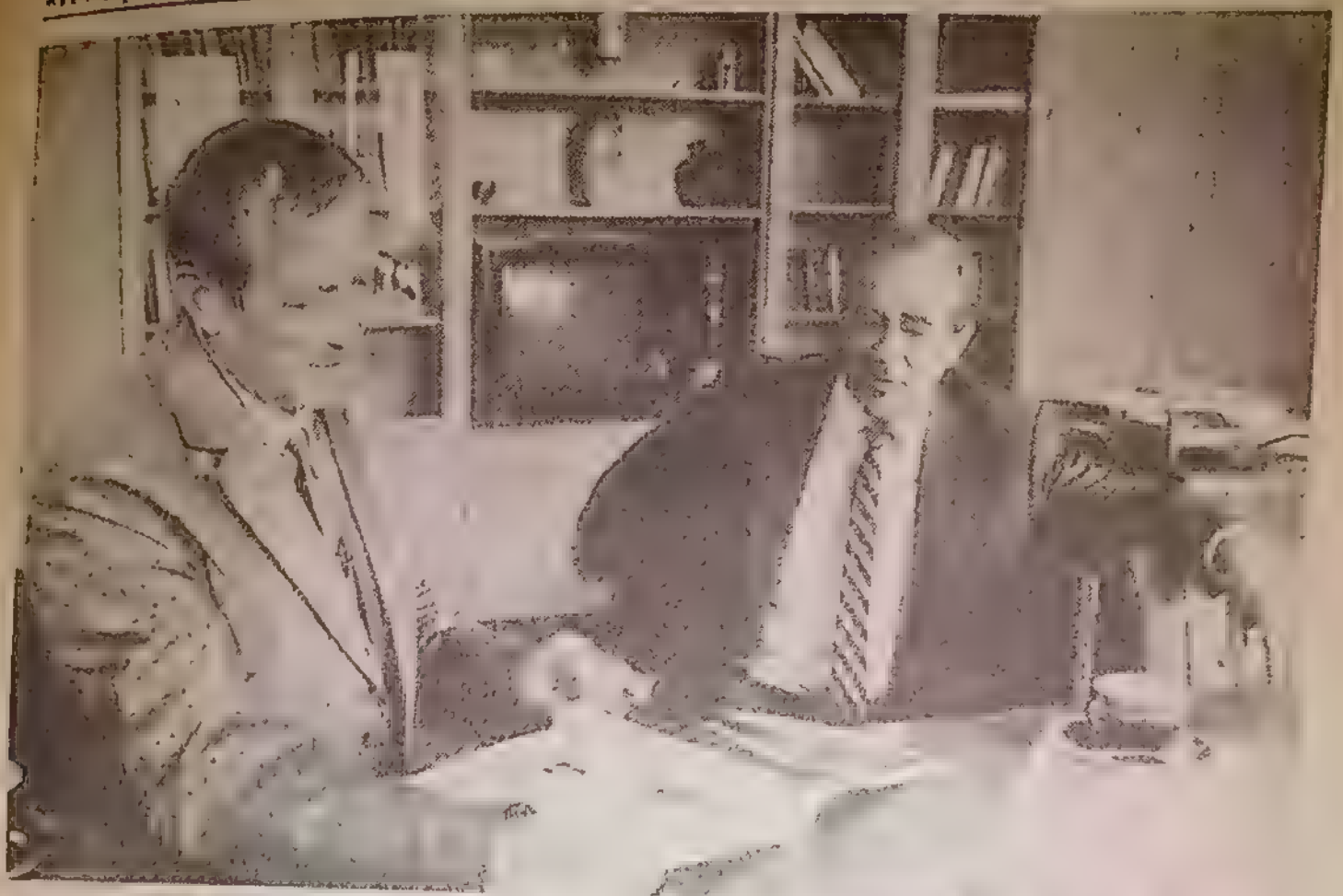
НЕАКТУАЛЬНЫЙ ГКЧП

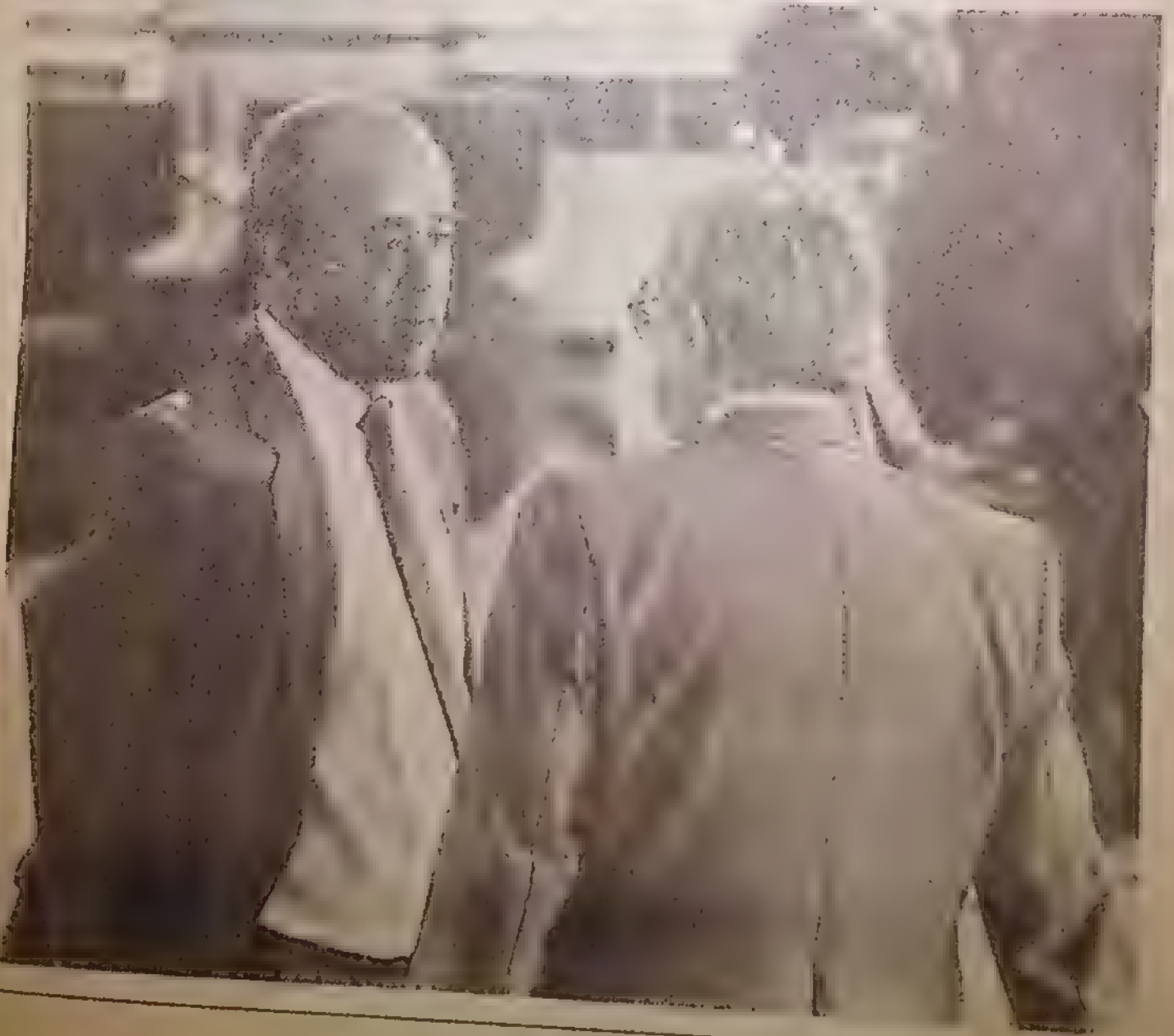
— *Но у предшественников нынешнего режима все получалось в этом же духе. И неплохо получалось.*

– У большевиков была Система Жизни. Это была гадкая система, но действующая.

— *У Тизякова в сейфе нашли проект закона, по которому хулиганов должны были расстреливать прямо на месте преступления без всякого суда. Так что — да здравствует ГКЧП?*

– ГКЧП – это большая для меня мистерия. И я не хочу к этому возвращаться. Я, конечно, никогда не буду приветствовать расстрелов на месте, но подобный период пережила Америка, период Великой депрессии. Гувер, тогдашний президент, выслал на улицы полицию, на радость народа Америки (который голодал, толпами безработные бродили) расстреляли Дилинджера и его людей. Гангстеров расстреливали прямо на улицах в Чикаго. И как ни странно, это способствовало сплочению нации. Америка в 30-е годы родила две вещи. То, что пародийно сегодня делаем мы. Она родила мюзикл, приведя к власти Фреда Эстера и всех своих чечеточников, и охоту на гангстеров. И ничего. Но мне очень не нра-





вится, что один к одному у нас повторяется большевистский опыт в пародийном варианте.

Сейчас празднества у Белого дома напоминают "штурм Зимнего дворца". Что делал Эйзенштейн? Матросов, на воротах разъезжающих, Ленина у Финляндского вокзала на броневике. Ну что, Ельцина на бронетранспортере у Киевского вокзала поставить? Бог знает что. Я очень люблю своего друга Юрия Никулина, который говорит, что он единственный москвич, который 19 августа не был у Белого дома.

Я когда-то интересовался, откуда взялось пресловутое 4-е управление. А оно создавалось, чтобы политкаторжане и герои революции могли там временно подлечиться. Только герои почему-то все быстро умерли, и туда быстро всосались совсем другие люди. Сейчас Синдром Ленинского Бревна расцветает полным ходом. Историю, которая была разыграна в честь годовщины путча, надо было снимать, оставлять себе навсегда. Это фейерверк во время чумы.

"Огонек" должен был устроить большой бал в конце августа 1991 года по случаю перемены моего статуса, в знак нашей вечной любви. И мы (с нашими связями!) начали обзванивать все московские рестораны. Нам везде отвечали: столики заказаны, народ празднует победу над ГКЧП. В конце августа – начале сентября Москва пила. Святое дело, конечно.

— То, что произошло с депутатским корпусом, это метаморфоза? Люди переродились или изначально были такими и ошиблись избиратели?

– Нет, никто ни в ком не ошибся. Видимо, мы с вами слабые люди.

Сейчас на Украине бывшие лидеры всех "Рухов" гнутся. Кравчук им дал должности председателей комитетов, дачи. Они сидят, как мышки под метлой. Тихо-тихо. И если говорить, что было здесь, то прежде всего надо учесть чужой политический опыт. Дело в том, что парламент в период перемен никогда не избирается на 5 лет. Самое большее на 2 года. И второе: недавно американский сенат и конгресс приняли поправку к Конституции. Согласно этой поправке депутаты могут принимать любые себе льготы. Но этот закон вступает в действие после следующих выборов! Это прекрасно. Депутаты не имеют права ничего сделать для себя, они могут назначить огромные зарплаты, но получит их следующий депутатский корпус.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ И НАИВНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

— Значит, вывод все тот же: нужны "чистки" бериевского образца?

– Я думаю, перед бедным Ельциным будет стоять именно эта проблема: или объявить себя диктатором, или уйти в отставку. Потому что с этим депутатским корпусом он не справится. "Ребята" борются сейчас за совсем уже не те идеалы. Это прекрасно, что они борются, среди них много хороших и достойных людей.

но так нельзя. Нельзя строить себе дачи трехэтажные, получать пайки, машины.

И пресса затряслась. Можно ведь не получить дотацию, поссориться с начальством, можно просто подвести себя. Мы ищем новый язык, мы постепенно входим в этот новый поворот, выясняя, что такое свобода, а тем временем кто-то уже знает и писает в подъезде.

Мне очень важно, чтобы не предали ваше поколение. Я наконец устроился, уехал, я зарабатываю деньги, я понял, что моя мама, моя бабушка и много еще людей вокруг меня всякий раз были предаваемы страной. То, что придет сильная рука, – это бесспорно. Думаю, очень скоро. Причем если в союзных республиках, в ближнем зарубежье, где национализм особенно разгулялся, режимы могут быть близкими к фашистским (потому что национализм ни к чему другому привести не может), то Россия породит некоммунистическую систему. Я совершенно в этом не сомневаюсь. Я не вижу другого общественно-политического варианта для России, потому что Россия в общем-то готова только к этому. Украина сейчас постепенно продвигается в том же направлении.

– А как относятся ваши американские коллеги к перемене точек отсчета? Они не понимают страну, которую "аршином общим не измерить"?

– Есть старый анекдот, как человек читал "Московский комсомолец" там, в Америке, читал Солженицына, слушал мои лекции и потом в конце лекции задал вопрос: "Скажите, если все было беззаконно, было так ужасно, почему никто не позвонил в полицию?" Вот этот бред они не могут понять. Я там с Михалковым-Кончаловским детям своим, студентам показал его фильм "Ближний круг". Они не понимают, что такое коммунальная квартира, почему это человек сидит в кухне у плиты и ждет места для своей кастрюли. Есть вещи, которые люди не понимают. Они в чем-то наивны, но это люди, которые уже давно живут по-человечески.

И в этом отношении мы продолжаем оставаться уникальным заповедником, потому что время от времени вспыхивает какой-нибудь чемпион по шахматам, замечательный гуманист Горбачев, нобелевский лауреат Бродский, какой-нибудь беглый еврей с интересными математическими мыслями, который не был нужен нашей стране, а у них получает кафедру.

МАЛЕНЬКИЙ ПРЕСС-ПАРАД

– А что вы читаете из московской периодики?

– Я свел круг своего чтения к "Известиям", "Московской правде" и "Комсомольской правде". "Московская правда" – московские новости, "Известия" – все новости, "Комсомолка" – комментарии к новостям. Я люблю "МК", но я ***вышел из возраста.*** Я его выписываю. Но лексика сегодняшнего "Комсомольца" немного нагловатая. Мальчишеская лексика. Она хороша, но не для разговора со мной. И даже не с вами. Ребята лет 17-18 вот так обмениваются впечатлениями. Всегда должен быть точный посыл. У

"Московского комсомольца" посыл достаточно точен, но, избран эту стилистику, они сужают круг своих читателей. И я думаю, лю дям старше 20 лет их читать будет все труднее и труднее. И целый круг мероприятий, проводимых ими, рассчитан не на этих людей. Прежде всего "МК" рассчитан на человека, который пользуется другими источниками информации. Знать о том, что происходит в стране, России, Москве, где угодно, читая "МК", – нельзя! Это газета, дающая вам определенный психологический настрой. Она скорее сообщит, какая у Буша была любовница, чем какой он подписал декрет вчера. Поэтому я думаю, что газета хороша. Я был бы всегда рад с этой газетой работать и попробовать свое умение на этом читателе.

Мне кажется, очень правы американцы, иронизирующие сегодня над газетой "Коммерсантъ". Они говорят, что это газета, не имеющая аналогов. В Штатах ее называют самой большевистской газетой. Она передает не информацию о бизнесе, а дает информацию о том, что им самим хочется и как им самим хочется. То есть для ребят, интересующихся бизнесом, но не живущих в нем. "Коммерсантъ", мне кажется, будет идти на дно по мере того, как у нас будет определяться круг деловых людей. Настоящих бизнесменов, которым нужны будут бюллетени, сводки. От такой газеты нужна информация. В этом смысле, мне думается, поднялась "Московская правда", она была вообще на дне, хоть редактирует ее человек, который мне глубоко несимпатичен.

Мне жалко "Комсомолку", которая тонет. Мне жалко спортивную прессу, которая погибла сразу вся. Сейчас спортивной газеты, представляющей какой-то интерес, практически нет.

— А как насчет "Огонька"?

– Я бы его делал иначе. Я виноват. Я не вовремя ушел, но я могу сказать одно: сегодня "Огонек" не понял единственного – мы с вами (писатели, журналисты, университетские профессора), мы не пуп этой земли, нам надо четко понять свое место, надо извиниться, снять корону и отойти в сторону. "Огонек" продолжает считать, что вот мы – интеллектуалы, вот мы то-се. На самом деле это не так. Сегодня "Огонек" прежде всего потерял периодичность. Это убийственно для него, это смерть. Потому что, если журнал не приходит каждую неделю, ты от него отвыкаешь. Как в контактах с любимым человеком.

Сегодня надо понять, что есть новые хозяева жизни, нравятся они нам или нет. Раневская сидит, рыдает, приехав из Парижа. А Лопахин рубит Вишневый Сад. Надо делать журнал для Лопахиных, если хочешь иметь массового читателя. "Огонек" четко был ориентирован на либеральную интеллигенцию, и она его очень поддерживала. Сегодня "Огоньку" надо сделать два движения. Во-первых, в сторону новых хозяев жизни. И второе: понять, что Советского Союза нет. Журнал должен быть или российским, или каким-то еще.

ЭХ, ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

– В своем бывшем детище вы разочарованы, а не разочарованы ли вы в своих бывших друзьях? Например, в Говорухине, который сейчас с генералом Стерлиговым?

– Я с Говорухиным начинал делать несколько фильмов, он мне интересен. Но Говорухин – Говорухин. Он всегда тяготел к сильным людям. А он из Одессы приехал, ему трудно, он вошел в страшный клинч с Союзом кинематографистов. Я присутствовал при его просто матерных выяснениях отношений с Климовым, Смирновым. Не случайно с ним рядом сидел тот же Никита Михалков, совершенно другой, элитарный господин, там же, у Стерлигова. Но тоже пришедший туда в силу отторженности от этого клубка змей – Союза кинематографистов.

Говорухин не политический лидер. Он хороший организатор, и, конечно, генерал Стерлигов ближе к тому образу начальника уголовного розыска, которого играл Высоцкий. Решительный человек, который может и убить во имя справедливости. Говорухин сам может иметь право на это. Но мне кажется, что люди, объединяющиеся вокруг тоталитарной идеи, просто преступают одну из великих традиций русского искусства, русской интеллигенции, которая никогда вокруг тоталитарных идей не объединялась и к генералам жандармерии никогда в союзники не шла. Это то, что нельзя, есть какие-то табу.

Мы были министерством иностранных дел, министерством внутренних дел, мы отвечали на письма обкраденных старух, соблазненных девиц, потому что они не верили правительству, законной полиции, они верили нам. И нельзя поэтому отождествлять себя с полицией законной. И в этом отношении Говорухин нарушил негласный запрет, и это ему дорого дастся. И (во-вторых) тоталитарность его взгляда очень четко отразилась в фильме "Россия, которую мы потеряли". Это фильм сталинистов, только снятый с той стороны. Россия, потерянная нами, была страшная, отсталая. Да, в ней было много всего, в ней был Столыпин, в ней были хорошие промышленники, но была страна дикая, темная, неграмотная, и она заслужила революции. Другое дело, что Февральская революция, которая была вариантом спасения, была подавлена октябрьским путчем и пошла наперекосяк.

Мне жалко прекрасного режиссера Никиту Михалкова, который тоже мучим этим. Российская интеллигенция сегодня переживает трагические моменты. Наконец-то литература наша должна стать литературой, а она не может. Сколько уже лет ни одной книги не было, вы читали хоть один роман? Была пара документальных лент. Вот уже лет шесть, а то и больше не было ничего. Литература должна стать литературой, а она не может, она привыкла быть министерством иностранных дел.

– Другой ваш знакомый – Кобзон?

– Иосиф – умный, хороший мужик, он все понимает.

Он находит свое место – изменяется система, изменяется еще что-то, а он поет. Я хорошо помню, как он начинал. Я помню, как они с моим другом, бедным Юрой Гуляевым, веселились, я пом-

пю, как они развлекали друг друга в хоре на сцене, распевая "Широка страна моя родная". То есть какой-то процент политического цинизма в нем был всегда.

Мне очень жалко, что целая куча юбилеев моих друзей прошла незамеченной. Вот мы все собрались на 60-летие Рождественского (никто не поздравил его, в газетах ничего не было, а Роберт – один из порядочных людей этого поколения). Пришли и Евтушенко, и Кобзон, – самые разные люди, мы сидели и говорили о том, что не всем стыдно, не все были такими-сякими. Иосиф соблюдает политический политес. Он мне в этом отношении нравится и даже удивляет своим умением не исчезнуть. Куда-то проваливается Лев Лещенко, где-то в ресторане в Париже оказывается без контракта и с голым задом на льду Эдуард Хиль. Эдита Пьеха где-то теряется между столиками, а Кобзон, как та девушка из анекдота, – раз спел в ресторане, раз во Дворце съездов, раз в Кремле, раз на Красной площади, раз вообще на Брайтон-Бич.

Он для меня остается явлением во многом коммерческим. И в то же самое время не стыдным. Я купил в Америке три кассеты Вертинского. Расчищены записи, звучит совершенно как современная запись. И я думаю, что когда-нибудь озвученный Кобзон будет звучать, как одно из отражений эпохи. Он мне нравится, он не сволочь. Он очень хороший друг.

У Рождественского год назад обнаружили опухоль в мозгу, многие друзья исчезли (это всегда так). Роберту сделали операцию, добыли опухоль, он по сути на спине. Мне сказала жена Роберта: "Ты знаешь, кто приходил все время, ненавязчиво, но предлагал деньги, лекарства, предлагал свои зарубежные контакты, которые у него безграничны? Кобзон".

"ВОЗВРАЩЕНЬЯ МИГ ЖЕЛАННЫЙ"

— У Глазунова есть такой тезис: если бы он уехал в эпном году за границу, то сейчас бы вернулся как мессия. "Со мной бы, как с Шемякиным, носились". Он не уехал, а в своем отечестве пророков нет. Что ждет Коротича, вернувшегося через несколько лет замaтеревшего американца?

– Нет, я вернусь, я подписал пока контракт только до конца этого учебного года, отказался подписать контракт до 1994 года. Я вернусь и останусь здесь. Что будет? Если будет нормальная страна, то мне предложат кафедру в МГУ. Я возьму, мне сейчас ужасно интересно поработать преподавателем.

— Ницшм русским профессором?

– Я буду богатым американским. Я наконец понял, что такое были русские интеллигенты. Я понял, кто такие были Тургенев или Некрасов, которые писали трогательные истории про Бежин луг или Арину – мать солдатскую и проигрывали крестьян в карты или ехали к Полине Виардо. Я понял, что такое жить, не думая о своем тыле. Не думая о том, что ты завтра будешь есть, когда тебе управляющий присылает деньги и ты начинаешь писать о крестьянах. Я понимаю Толстого, жившего в Ясной Поляне. Если говорить серьезно, то я понимаю русскую дворянскую интел-

лигенцию, создавшую российскую культуру и не думавшую часто, кроме картежника Достоевского, о своих каждодневных заботах. Если все будет хорошо, у меня будет достаточно денег, чтобы спокойно жить... Вот тогда, как это бывает во многих странах, я спокойно могу прочесть курс лекций, не особенно думая о гонораре за него. У нас сегодня пропала философия рантье, а ведь многие писатели не служили, они жили в своих поместьях, и даже Владимир Ильич, как теперь стало известно, судился с крестьянами. Не те покосы! (Семья за счет имения поддерживала его революционную деятельность, переводя ему денежки на учебу и на жизнь). Если будет плохо, я вернусь сюда, я встречусь с проклятиями, с разговорами. И совершенно естественной завистью, которая была бы, наверное, и во мне, если бы я жил здесь, считал колечки колбасы до завтрашнего завтрака, а мой сосед приехал бы и жил хорошо.

Я вообще думаю, что будет безнравственно, если разница в жизни между Россией и миром не изменится. Мы можем жить на уровне мира, жить очень хорошо.

У меня много есть мыслей, я написал какую-то книжку, я хотел бы быть полезен. А на самом деле я приезжаю сюда, звенят медали, готовится фейерверк, все не так, и у меня в подъезде кто-то писает.

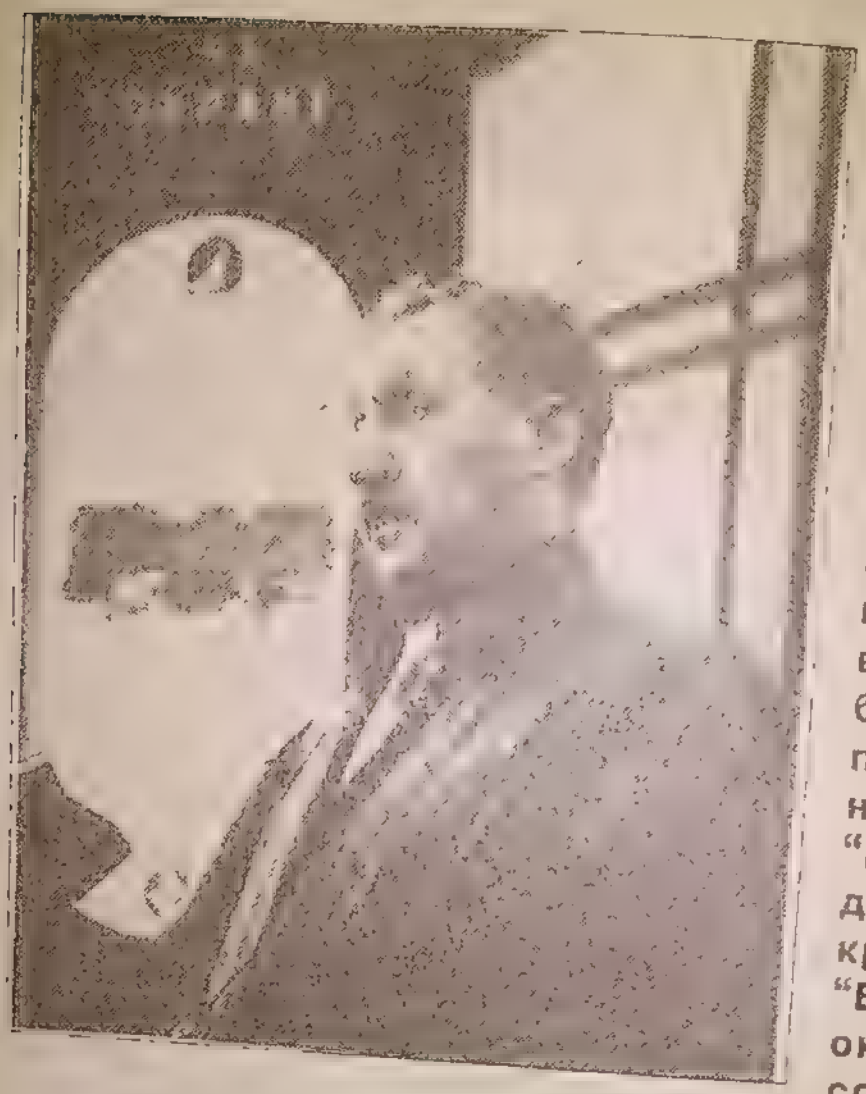
И мне ужасно обидно.

Виталий Алексеевич шагал по чистым, солнечным улицам симпатичного города Бостон. Где в подъездах отливают лишь негры. А мы упражняемся в искусстве переступать через лужи. Естественно, создатель перестроечного "Огонька", журнала, который вошел в нашу историю как флагман Разоблачения – не мог произнести "России нужен Сталин". Но есть выражение "читать между строк". Я читаю. Я перечитываю текст этой беседы. И еще раз. Про преданные поколения. Костя Кинчев пел: "Мое поколение чувствует боль, но снова ставит себя под плеть". Мы с Кинчевым ровесники.

Евгений ДОДОЛЕВ.

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

ПОРТРЕТ МАКАШОВА НА СЛУЧАЙНОМ ФОНЕ



Специально место для съемки мы с фотокорреспондентом Алексеем Азаровым не выбирали. Все получилось само собой. Альберт Макашов, которого я долго "пас" в Самаре, наконец выбрался по делам в Москву. Встречу назначил почему-то перед памятником Циолковскому возле метро "ВДНХ". На беду, пошел дождь. В поисках укрытия мы набрели на кинотеатр "Космос", где и демонстрировался криминальный боевик "Волкодав". То, что афиша оказалась за спиной, совпадение. Проявив пленку, мы хотели заретушировать надпись, но потом, прослушав начало диалога с генералом, решили, что этого делать не надо.

– Небось какого-нибудь монстра из меня лепить будете? Мне ничего не страшно. Меня ведь даже как-то с Пиночетом сравнили. Кстати, вы знаете, что рейтинг этого человека в Чили настолько высок, что простой люд до сих пор не дает освободить Пиночета с поста главнокомандующего сухопутными войсками. Выясняется, между прочим, что Пиночет на стадионы не только социалистов кидал, но и воришек, проституток, журналистов.

– Короче, сравнение с Пиночетом вы считаете чуть ли не лестным для себя?

– Я этого не говорил. И вообще я ни в каких сравнениях не нуждаюсь. Я – Макашов.

ЛЖЕДМИТРИЙ

— Имя у вас какое-то не совсем обычное.

– 1938 год. Мода на все германское. Земский врач Наталья Васильевна, воспитывавшая мою мать, прочитала роман Жорж Санд "Консуэло", одного из персонажей которого и звали Альбертом. Как потом рассказывала мне сама Наталья Васильевна, она и порекомендовала маме это имя. Тогда вообще в чести были Ро-

берты, Альфреды. Спасибо, что Адольфом не назвали. Пришлось бы менять.

— И все-таки: как вас в детстве величали — Аликом или Бертиком?

– Я с раннего возраста был серьезным, поэтому ко мне обращались строго как к Альберту Макашову. Правда, когда меня крестили, то нарекли Дмитрием. Мать у меня из староверов, а 12 июня – это день Дмитрия Салунского. В честь этого святого меня и назвали. Поэтому жена, когда хочет меня поддразнить или рассердить, то говорит: "Ты не Альберт, ты у меня Митя". И на родине матери в селе Красный Лох старые люди по-прежнему зовут меня Дмитрием Макашовым.

— Получается, вы Лжедмитрий?

– Ну, стариков, которые помнят мое христианское имя, остается все меньше и меньше.

— А дома — мать, отец?

– Я очень рано ушел из дома, в 12 лет поступил в суворовское училище, там уже называли тем именем, которое значится в документах. Да разве столь уж существенно, как меня звать? Главное, что Мамлюком я не стал. Тот готов был воевать за всякого, кто ему платит, я же, несмотря на нищенское генеральское жалование, продолжаю оставаться верен и присяге, и Родине. Это относится, кстати, к большинству офицеров и генералов.

— Давайте о верности присяге поговорим чуть позже, а пока вернемся в 49-й год, когда вы покинули дом.

– Вообще-то я мечтал стать военным моряком, но начальник Ленинградского нахимовского училища, куда я обратился, ответил, что иногородних на учебу не берет. В итоге я подал документы в Воронежское суворовское. Позже, уже генералом, изучая в академии Генштаба 30-й проект подводных лодок, увидел, что там почти постоянно приходится перемещаться на карачках, и порадовался. Как в анекдоте: у подводника спрашивают, что это за шкаф, а он отвечает, что это не шкаф, а каюта командира. Слава богу, что я не попал в подводники!

— В вашей семье есть профессиональные военные?

– Оба моих родителя из казачьего рода, отец начинал службу в кавалерии, потом перешел в механизированные войска. Вместе с отцом мотались и мы по гарнизонам. Войну отец закончил старшим лейтенантом, такая вот карьера. Воевал, как и все, имеет, в частности, медаль "За оборону Москвы". Был сверхсрочником. Отец и сейчас жив, а мать умерла.

— Вы находитесь в запасе?

– Я считаю себя мобилизованным. Поэтому и не бросаю свою деятельность, что вижу ее необходимость для страны, для армии. Не в запасе я, а в опале. Я очередной генерал, не угодивший властям, такое в России не раз уже случалось. Когда политиканы ведут борьбу за власть, страдают в первую очередь честные люди, те, кто работает не на себя, а на государство, защищает его.

— Словом, вы не считаете свою карьеру законченной?

– Конечно, нет. Мне еще до официальной пенсии семь лет. Да, я знаю, что не угодил трем президентам – Горбачеву, Ельцину и Бушу, вероятно, еще и папе римскому. Для меня не новость, что все делается согласованно, по указке из-за океана.

— Вы это серьезно?

– А что, разве я похож на шутника? Безусловно, все назначения в нашем командовании согласовываются и утверждаются в Белом доме, Лэнгли и Пентагоне. Мною невозможно манипулировать и управлять, поэтому решили просто убрать, чтобы не мешал осуществлению планов по развалу нашей страны. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Как-то все-таки с трудом верится.

– А я повторяю: кандидатуры высшего командования и генералитета проходят проверку в ЦРУ, там дают добро Москве.

— В натуре?

– Господи, я серьезный человек! Мне приходилось слышать, как людей снимали с должностей, оперируя информацией, полученной из ЦРУ.

— Шапошников, получается, удобен американцам?

– Абсолютно точно. Человек, изменивший присяге и своему знамени и не стесняющийся вслух об этом заявлять, является предателем. Он уже потенциально готов к получению своих тридцати сребреников.

— И Лебедя тоже назначили по указке ЦРУ?

– А вы знаете, что генерал Лебедь публично отрекся от звания защитника Белого дома? Это примерно такая же сплетня, как распущенная 20 августа 1991 года радиостанцией "Эхо Москвы" информация о том, что генерал Макашов вместе с двумя дивизиями перешел на сторону Ельцина. Так и из Лебедя хотели сделать защитника Белого дома. Понимаете, и на старуху бывает проруха. И у ЦРУ случаются проколы. Поэтому наличие честных, независимых генералов для них как кость в горле, вот и тужатся нас скомпрометировать любыми способами. Когда не получается, сильно бесятся. Ничего-ничего, им даже полезно.

— Как бы там ни было, но сейчас вы вне армии и вынуждены существовать на пенсию. Вам ее хватает на жизнь?

– Покажите мне человека, которому хватало бы денег, которые он получает. На мою пенсию не разгуляешься. Из-за этого я в Москве бываю реже, чем хотелось бы, и с командировками приходится себя ограничивать.

— Значит, командировки кто-то все-таки оплачивает?

– Моя собственная жена. Из моей собственной пенсии спонсирует.

— Кто ваша супруга по профессии?

– Офицерская жена. В свое время я сорвал ее с институтской скамьи, мы немало с ней попутешествовали, в основном по заграницам – Азербайджан, Армения, Грузия, Украина. Правда, дважды служил в Германии. В Восточной. Жена работала медсестрой, но сейчас у нас пять внуков, за детворой надо следить.

– Раз ваш спонсор — жена, следовательно, финансами в доме распоряжается она?

– Говорят, я идеальный муж: приношу всю получку и всю уношу. Шутка.

А вообще, конечно, в нашей семье все хозяйство на жене. Я слышал, что некоторые мужья пытаются сами все контролировать и всем заниматься, но мне неясно, когда же они делают свое основное дело. Мужчина должен быть в авангарде, а семья – это тыл. Пока он у меня крепкий.

– Свою первую любовь вы помните?

– Естественно, помню. Извольте, если это вам интересно. С прошествием времени я понимаю, что идеализировал свою первую девушку. Мы с ней познакомились, когда я был уже курсантом военного училища в Воронеже. Вероятно, моя первая любовь позволила мне иметь крепкое здоровье, поскольку я не гулял на стороне, а посвящал себя избраннице и спорту.

– Не понял, любовь вы сравниваете с физической закалкой?

– Конечно, это ведь требовало силы. Но потом Никита Хрущев постарался, и началось шельмование армии, моя пассия, очевидно, посчитала профессию офицера непрестижной и бесперспективной, потому что резко перекинулась от меня к гражданским ухажерам. Когда же узнала, что мой диплом ничем не хуже любого вузовского, снова стала строить мне глазки, но было поздно, я уже стал ученый.

– А в суворовском училище, значит, вы не влюблялись?

– Нет, там я знал только два места – стадион и библиотека.

"ГОЛУБАЯ ТЕМА"

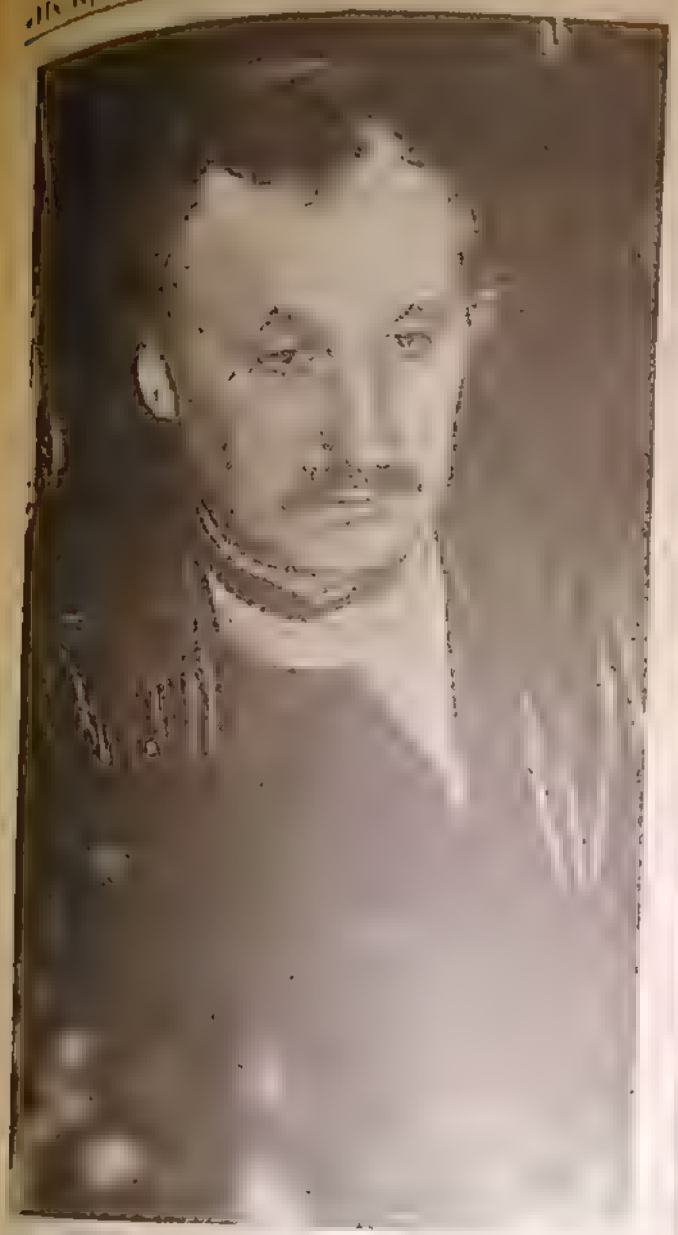
– С неуставными отношениями в армейской среде вам часто сталкиваться приходилось?

– Когда я начинал службу, никакой дедовщины и в помине не было. Это все возникло в 70-е годы. Стали брать в армию бывших осужденных. Такова одна причина. Вторая заключается в том, что произошло расслоение нашего общества на бедных и богатых. Представители последних и в армии пытались претендовать на какие-то исключительные условия. Впрочем, сказанное не означает, что я ратую за профессиональную армию. Приведу пример. Когда я служил в Германии, то командовал 20-й армией, расквартированной вокруг Берлина. Каждое утро мне на стол клали разведсводку о происшествиях в американской, английской и французской зонах. Поверьте, там творилось такое, что нашим отечественным "дедам" даже и не снилось. А ведь это были профи. Так что причина не в этом.

Кстати, сегодня о дедовщине и пишут-то мало. Еще бы: армия у нас теперь демократическая и пресса демократическая. Знамена, где написано "За нашу Советскую Родину!", правда, пока заменить не успели. Ну да ничего.

– Вопрос о неуставных взаимоотношениях я ведь вам умышленно задал. Речь-то не только о мордобое в казармах,

Андрей Вандеко, Евгений Долотов



но и о гомосексуализме в среде военнослужащих. Как вы смотрите на эту проблему?

– Слушайте, дурацкий вопрос для мужчины. Если ваше издание имеет к этому склонность... Или вы лично... Когда о таком спрашивают, сразу начинаешь нехорошо думать о том, кого подобные вещи интересуют.

Любопытный поворот – начинали с рассказов о моей первой любви...

Впрочем, вы меня в тупик не загоните, я прямо скажу: мне 54 года и я – мужчина. Мне достаточно женского пола, конкретно – моей жены, чтобы я такую чушь не слушал или не отвечал на подобный вопрос.

– Я не хотел обидеть или усомниться в вас, Альберт Михайлович. Собственно, меня интересовал всего лишь ваш взгляд на сию проблему.

– Это ненормальность, чушь собачья! Я начинал командиром взвода и дослужился до командующего войсками округа и не вижу в гомосексуализме проблемы. В армию специально берут с 18 лет и держат два года – в это время дается по-настоящему большая нагрузка на организм и, поверьте, в тех войсках, где по-настоящему служат, занимаются боевой подготовкой, не до этого, не до глупостей.

– Словом, вам ни с чем подобным сталкиваться не приходилось?

– Бывало. С представителями южных республик, где даже законом запрещено скотоложство. Но это единичные случаи. И как бы ни пытались сегодня сказать, что Макашов плохо командовал, мой округ по основным показателям оставался в золотой середине, даже когда я попал в опалу. Если бы не тенденциозность, то мы бы шли в числе лучших. Так что гомосексуалисты картины нам не могли испортить.

– Но как вы поступали, прослышав о "голубых" в ваших частях?

– Я никак не поступал. Для этого есть прокуратура. А у меня существует правило: держись подальше от военторга, женсовета и прокуратуры, если хочешь спать спокойно. Поэтому я и стал генералом. Я всегда служил, а не прислуживал и не занимался сплетнями и интригами.

– И все же выскажите свое отношение еще и к адюльтерам.

– Наверное, ничто человеческое мне не чуждо. Но я за домострой. Если же семья не создается, лучше сразу развестись. Я всегда так говорил своим офицерам. В прежние времена парторганизация пыталась вмешиваться в чужую личную жизнь. Но я решительно пресекал эти поползновения. То, что касается двоих, не предназначено для посторонних глаз и ушей. Бред был, когда мужа или жену пытались удержать с помощью партвзысканий.

– Но в вашей семье такой проблемы не возникало?

– Иначе я бы не имел сегодня жену, троих детей и пятерых внуков. С Людмилой Максимовной мы женаты 27 лет. Старший

сын – капитан, одна дочь замужем тоже за капитаном, начальником штаба артдивизиона, младшая дочь вышла за лейтенанта.

– Крепнет династия?

– Закономерный исход. Дети выросли в военных городках, понятно, что их знакомства, сферы интересов простираются в этой плоскости.

– Вы в выбор не вмешивались?

– Попытки повлиять, конечно, были.

ОДИН ГЕНЕРАЛ ЛУЧШЕ ДВУХ

– Когда вы отправлялись в поход за президентским званием, вы чудили или же по-настоящему рассчитывали на победу?

– Неужели я напоминаю чудака? Да, меня все прочили в диктаторы и приписывали мне то, что сегодня проявилось у нынешних властей. Это отмена выборов, назначение своих наместников, запрет вольнодумия... Я предвидел все это раньше многих, поэтому и вступил в президентскую борьбу, сказав себе: если не я, то кто же? Я пронес свой крест, хотя на меня и навесили всех собак, каких только можно. Но даром мои выступления не прошли. Сегодня ко мне все чаще подходят совершенно незнакомые люди и говорят: генерал, ты был прав.

– Вы утверждаете, что не нуждаетесь в славе, популярности, но разве ваша поездка в воюющее Приднестровье не была продиктована желанием напомнить о себе?

– Да что вы! Это была работа. У меня оперативно-стратегическое образование, если бы туда не поехали генералы, которым это положено по должности и присяге, русским людям пришлось бы плохо. Там ведь и земля, кстати, российская, за нее еще Суворов воевал. Так что в Приднестровье я добросовестно тянул свою лямку, как и предыдущие 35 лет. Пробыл в окопах, в штабах, занимался военным делом – не политикой.

– Это была ваша личная инициатива, либо вас кто-то туда командировал?

– Я человек, трудно поддающийся чужому влиянию, всегда делаю то, что решил самостоятельно. Даже прежний министр обороны Язов это признавал. Я уж не говорю про политиков типа Горбачева, которые на меня абсолютно не имели воздействия.

– В каком же качестве вы находились в Приднестровье? Наблюдателя, консультанта?

– Мне все время говорили "советник", а я поправлял – "советчик". Я работал по всем вопросам, включая оперативно-тактические, инженерные. Считаю, что моя поездка заставила руководство России повернуться лицом к патриотическому движению. Там, кажется, понимали, что нельзя бросать русских, проживающих за пределами России, в беде. Народ этого не простит. И если уж так говорить, я уверен, что, имей эти люди возможность участвовать в выборах нового президента, они бы все проголосовали за Макашова.

— Генерал Лебедь никаких постов в 14-й армии вам не давал?

– Я командовал округом – это фронт, а 14-я армия – это одна пятьдесят седьмая мотострелковой дивизии. Но дело даже не в этом. Просто один генерал лучше, чем два. Лебедь на своем месте.

— А иностранным армиям вы свои заслуги не предлагали? Скажем, Саддаму, Фиделю Кастро?

– Нет. У меня есть свое государство – Советский Союз, ему я присягал.

— Значит, вы инициативы не проявляли, но может, вас звали за рубеж?

– Я понимаю ваш вопрос. Вы хотите услышать, не воевал ли генерал Макашов у Саддама Хусейна. Предупреждаю: я уже выиграл один судебный процесс, когда придурок из местных самарских демократов пытался обвинить меня в том, что я захватывал Кувейт. Пришлось ему всенародно извиняться.

— Пока вас опять не призвали под ружье, вряд ли вы сидите без дела?

– Я глава Думы Всенародного Вече, член Думы Русского Национального Собора, член ЦК Российской коммунистической рабочей партии, ну есть еще десятка два различных должностей и званий.

— У вас офис или же работаете дома?

– Двери моей квартиры в Самаре не закрываются.

— Площадь позволяет принимать гостей?

– 76 квадратных метров на пять человек. Квартира командующего войсками округа.

— Видел на фотографии вашу дачу, скромненько выглядит.

– Конечно, скромненько. Подземных гаражей у нас не было и нет. Как и бриллиантов. Хотя я не буду говорить, что живу бедно. Я дважды служил в Германии и, как большинство наших офицеров, самое ценное привез из-за границы.

— Но эта дача построена вами как командующим округом?

– Я в своей жизни не построил ни одной дачи. Та, в которой я сейчас живу, построена в 1938 году – моя ровесница. Ко мне приезжала в свое время комиссия от бывшего министра финансов Валентина Павлова проверять, что же там за дача у этого неугомонного генерала? Инспектор-ревизор был разочарован: где второй этаж, где бассейн? Командующие округом, говорит, так не живут. Но я же живу, отвечаю.

У меня три папки документов об этой даче, не подкопаетесь.

— Да разве я копаюсь? Так, интересуюсь. Вы, скажем, дачку приватизировали?

– Неправильно. Не приватизировал, а выкупил на основании приказа министра. На это есть согласие офицерского собрания. Я и другим дал садовые участки. На бывшем стрельбище.

— И во сколько же стала вам эта дача?

– Около 19 тысяч. Старыми деньгами, павловками. Вас, наверное, и машина интересует? Да, моя жена ездит в белой "Волге" на рынок. Но это не служебный транспорт, а тот автомобиль, который я купил, когда служил еще в Германии.

Я и сам за рулем сижу. Недавно на родине жены в Полтавской области был. 1700 км в один конец через пять областей. Генерал-полковник за рулем. И ничего. У меня ведь стаж большой, я начинал ездить в 1956 году, на американском "додже". Сегодня вожу практически все типы боевых машин, могу стрелять из всех видов оружия.

– Новые власти в Самаре вас никак притеснить не пытаются?

– Это трудно сделать. Я не езжу на красный свет – ни в политике, ни в жизни. Не пью, курить бросил после ранения, когда был еще капитаном.

ПО КЛИЧКЕ СУХОВИНОВ

– Что за ранение?

– Обычная армейская история. Случай. И пуля бывает случайной, и взрыв случайным...

– Вы совсем не пьете?

– По праздникам могу. Но я знаю и силу, и слабость спиртного, поэтому контроль над собой никогда не теряю. По крайней мере, с моста меня после этого не сбрасывают.

– Какие напитки предпочитаете?

– С возрастом перешел на русскую водку. На коньяк денег не хватает, а хорошие вина из продажи исчезли. Хотя в двух академиях – Фрунзе и Генштаба – у меня даже была кличка Суховинов. Любил вино. Прекрасная вещь.

– Вы небрежно проишлись насчет моста. У вас есть основания так говорить?

– Вы же знаете, что нашего президента в свое время сбрасывали с моста.

– Да, но там речь не шла о выпивке.

– По-вашему, не шла? Об этом весь народ знает, все тогда говорили. Одни вы, журналисты, не знаете, хотите от меня услышать? Спросите у своего соседа по квартире, если он рабочий, то прямо скажет, что Борис Николаевич был в стельку пьян. В таком состоянии его и измутузили. С человеком трезвым так обращаться-ся не станут.

– Когда вы впервые встретились с Ельциным?

– На пленумах ЦК. Командующим округами отводили места на галерке, и оттуда мы взирали на зал. И после приходилось общаться. Но я слишком много знаю по свердловским делам Ельцина, чтобы говорить сейчас.

– Отчего же?

– Это будет пересказ с чужих слов. Таких вещей я не люблю. Коль вам нужны факты, поезжайте в Свердловск, я подскажу, к кому обратиться.

Если же говорить о своем ощущении от этого человека, то для меня очевидно: это диктатор. Он не принесет счастья России. На смену его антинародной власти придут люди, болеющие за державу.

— В чем же, по-вашему, проявляется диктат Ельцина?

– Пожалуйста. Выборы отменены, даже выбывших народных депутатов России не переизбирают. Конституция попирается. Этого недостаточно? Не сомневайтесь. Этот человек себя еще покажет.

...А теперь можно я вам вопрос задам? Меня это просто интересует. Вы всем идиотские вопросы про гомиков задаете?

— Нет, не всем. По ситуации.

– За что же мне такая честь? Это возмутительно! Каждый уважающий себя мужчина может подумать черт знает что! Все вы что-то пытаетесь выкопать. Один яркий представитель демократической прессы с явно выраженными национальными чертами и произношением как-то спросил меня: "Генерал Эйзенхауэр сказал, что из горящего дома он вынес бы устав пехоты армии США. А какую книгу спасали бы вы?" Я ответил, что вынес бы "Историю государства Российского". А журналист стал допытываться, какой том и прочее. Мне это надоело, и я врезал: "Вы, наверное, спасали бы Талмуд с пояснениями". После этого писака заткнулся.

— Разве неестественно ожидать от генерала любви к уставу караульно-постовой службы?

– Я много занимался военной историей, поэтому выше всего ставлю романы Валентина Пикуля. Из классики генерал обожает, как ни странно, Шекспира. Слог нравится, актуальность. Повторяю: я получил классическое образование. Нас учили не чему-нибудь и как-нибудь. С тройками даже не пускали в увольнения.

— А почему вы говорите о себе в третьем лице: "генерал обожает"?

– Армейская привычка.

— Возвращаясь к Талмуду и писаке. Надо понимать, вы не питаете глубокой симпатии к представителям этой ярко выраженной национальности?

– Горбачев русский, но он хуже любого сиониста. Людей я оцениваю не по форме носа, а по пользе или вреду, приносимым моему Отечеству. А среди евреев у меня даже есть друзья. Однако, хочу сказать, никакие постановления ООН понятия сионизм не отменят. Сионизм существует. Это несет вред нашему государству. Если вы меня спросите, верю ли я в "Протоколы сионских мудрецов", я отвечу вам вопросом: а почему все происходит именно так, как там описано?

— Альберт Михайлович, напоследок скажите: вы спите нормально, дурные видения не мучают?

– Вы же видите, я даже не похудел. Пусть мои враги худеют.

Андрей ВАНДЕНКО.

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

СЕКУНДОМЕР НЕВЗОРОВ

Этакая интеллигентская проверка на вшивость: скажи мне, как ты относишься к Невзорову, и я скажу, кто ты. Истинные демократы при упоминании этого имени кривят губы в презрительной усмешке: а, "Наш", как же, как же... Ими напрочь забыто – так удобнее? – что в ту пору, когда большинство этих самых рьяных ежемесячно и добросовестно платили оброк великому мздоимцу по имени КПСС, Александр Глебович вовсю махался с тогдашней ленинградской верхушкой: валил Соловьева, щекотал нервы Гидаспову, до предынфарктного состояния доводил Ходырева.

Истинные патриоты в лице Алксниса, Умалатовой и др., и пр. о Невзорове могут говорить только в возвышенных тонах, из всех знаков препинания предпочитая восклицания. И эти рьяные упускают из виду, что сегодняшний страстный борец за единую и неделимую энное время тому назад неслабо потрудился, чтобы публичными пощечинами скомпрометировать прежних держателей престола и привести к власти тех, кто сегодня эту самую единую и неделимую успешно ухайдакивает.

Отношение к Невзорову определяется политической конъюнктурой. При этом и одна, и другая сторона профессиональные качества Секундомера в расчет как бы не берут, они остаются за рамками разговора. Главное, что он – "наш" или – соответственно – "не наш". По негласной шкале ценностей: если Марианна из "Богатых" – для плебса, Святослав Бэлза из "Музыки в эфире" – для эстетствующих, то Александр Невзоров – для политически зацикленных. До бесспорного, на мой взгляд, факта, что Александр Глебович – репортер от Бога, кажется, всем дела нет. Справедливости ради надо сказать, что и сам Невзоров давно уже не дает возможности воспринимать себя, так сказать, в чистом виде. Впрочем, что до меня, так это не только не снижает, а напротив – лишь подогревает интерес к фигуре главного "Нашего".

...Я вполне отдаю себе отчет, чего стоят все теоретизирования, не подкрепленные словами Александра Глебовича. Поэтому – к делу.
Вжик-вжик-вжик, свистят они, как пули у виска...
Наш разговор проходил в штаб-квартире "Секунд" на Чапыгина, 6. Перед беседой Невзоров довольно обстоятельно просмотрел несколько номеров "Нового Взгляда", специально захваченных мною из Москвы. Затем последовал неутешительный вывод: "Паршивенькая газетенка!"

ОТ ЕБЕЛДОСОВ СЛЫШУ

— Объясните для начала, чем вам не угодила наша газета.

– Такая ебелдосовская газетка, чё говорить-то. ("Ебелдос" – не ругательство, а один из неологизмов, широко употребляемых Александром Глебовичем. Эта аббревиатура состоит из начальных букв слов "Ельцин, Белый Дом, Свобода". Еще есть "забелдос" – "защитник Белого дома и свободы", "собздик" – "Собчак – защитник демократии и конституции" и т.д. – А.В.). Но, кстати, то, что вы печатаете интервью с Алкснисом, Умалатовой, Крючковой, Язовом, делает вам честь, показывает, что вы хорошо нос по ветру держите. Туша идеологии, которую на протяжении последних пяти-шести лет жрала демократическая пресса, обглодана, остался только скелетированный труп. Крупные издания догрызают последние косточки этого трупа, а под их, извините, жопами переминаются с ноги на ногу десятки более мелких газетенок, перебивающихся крохами с барского стола. Сейчас и этих крох не перепадает, поэтому они постепенно переходят на испражнения ведущих информационных агентств. Под жопами этих мелких еще десятки листовок и всяких листков. И все питаются дерьмом друг друга. Поэтому от этих, с позволения сказать, средств массовой информации так и смердит. Идеологический пирог демократии сожран, так как все демократические ценности и святыни разоблачены и дискредитированы. Поэтому для самых шустрых сегодня информационным товаром становятся Язов, Макашов, Крючков. Те люди, которые в жестокой ситуации сохранили трезвый рассудок. Поэтому ничего удивительного, что ваша газета – такая же проститутская, как и все прочие – обратилась к этой теме. "Новый Взгляд", может быть, наиболее умная из всех проститутских газет, потому что остальные издания типа "Известий" и других откровенно оккупационных листков все еще пытаются прокормиться с трупа демократии, отрывая от него ссохшиеся остатки мяса и сухожилия.

Да, мозги у руководства вашей газеты есть, но меня-то вам все равно не провести.

— Во время путча вы, кажется, были в Англии...

– Фигня! Во время путча я был здесь и делал все, чтобы путч победил. Но, во-первых, давайте, ребята, расставим акценты. Был бы путч, если бы какой-нибудь капитан Резинкин приставил Гор-

бачеву к пятну на лысине пистолет Макарова и сказал: "Вся власть военным!" Это был бы путч, дорогой мой... Как вас зовут?

– Андрей Евгеньевич.

– Дорогой мой Андрей Евгеньевич. А 19-21 августа 1991 года была попытка законного правительства навести в стране законный порядок и предотвратить убийства, бандитизм, грязь, кровь, нищету, словом, ту мерзость, которую мы сегодня имеем. Так вот. В те дни я был здесь, периодически позванивая в Москву моему уважаемому приятелю Анатолию Ивановичу Лукьянову и Владимиру Александровичу Крючкову и удивляясь, почему они так нерешительно действуют.

Из брошюры Ивана Иванова "Александр Невзоров", вышедшей в 1992 году в издательстве "Палея": *"До сих пор неизвестно, какое именно участие принимал Невзоров в ГКЧП. Пожалуй, только ему, искренне и глубоко верующему человеку, могла прийти в голову мысль рекомендовать объявить ЧП в день Преображения 19 августа...*

Шеф КГБ Крючков регулярно высылал в Ленинград к Невзорову полковника с самыми секретными информациями КГБ...

Один из адъютантов Крючкова утверждал, что в дни "путча" Невзоров, названивая из Ленинграда, требовал к телефону Крючкова чуть ли не ежечасно. Известно, что Невзорову принадлежит и остроумный план захвата Белого дома. Невзоров предложил собрать 50 сотрудников КГБ у Белого дома, а под одежду им "зарядить" использующиеся в кино имитаторы "попаданий", когда якобы "выдираются" куски ткани из одежды, льется похожая на кровь краска. Главное – это "замешать" сотрудников КГБ в толпе возле Белого дома и пустить взвод автоматчиков, которые бы открыли огонь холостыми. "Заряженные" чекисты привели бы в действие имитаторы – и никаких сомнений, что, увидев "кровь" и "раны", даже самые стойкие из демократов Глеб Якунин и Юрий Черниченко бросились бы врассыпную...

Крючков отверг предложение Невзорова, назвал его слишком сложным."

– Я не вижу у вас вертушки, как вы звонили в Кремль и на Лубянку?

– Вертушка перед вами. Вы, очевидно, привыкли видеть ее с гербом на диске. У меня без этого, зато соединяет надежно. К тому же могу сказать, что, когда я звонил даже двадцать пятому секретарю Лукьянова, мне немедленно давали Анатолия Ивановича.

Об этом обо всем в течение пяти часов допрашивал меня очень аккуратный мальчик из прокуратуры России. Сидел на вашем месте.

– Не уловил, что за ассоциация?

– Просто вспомнил. Но то разбирательство не повлекло для меня никаких оргвыводов. К сожалению, я не успел принять активных действий в ГКЧП. Поэтому, как говорится, нет состава.

– После путча у вас отобрали личное оружие, выданное по персональному распоряжению Пуго.

– Думаю, что если я задамся целью это личное оружие вернуть, то сделаю это. Конечно, отобрав пистолет, меня ткнули мордой об стол. Это было унижение, они знают, как меня унизить. Ничего, мы тоже знаем. Уверен, за отобранное у меня личное оружие товарищи, которые это делали, дорого поплатятся. А мне мой пистолет сюда, в эту комнатенку, откуда его забирали, привезут те же семь мальчиков в бронежилетах, которые явились меня тогда брать. Я вам обещаю, что это будет.

МНОГОЧЛЕН

— Что вы считаете самой большой своей журналистской удачей?

– Да у нас каждую неделю удача. Но самое главное – это "Наши". Фильм, сделанный в Литве.

— Кстати, о Литве. Ваш дед...

– Все в крови утопил.

— Разрешите вопрос закончить. Ваш дед возглавлял после войны отдел по борьбе с бандитизмом...

— Какой, блядь, отдел? Дед командовал Управлением НКВД по борьбе со всей этой лесной нечистью и прочей тварью – оуновцами, власовцами. Дедушка там расшелся, да.

— Впечатление, что у вас особое отношение к этому краю. Вы словно взялись продолжить дело деда. Как в сказке о Кибальчише: "То, что отцы не достроили, мы достроим".

– Я вам отвечу коротко: все еще впереди.В отношении же "Наших" скажу, что заранее я ничего не планировал. Родилось само собой, когда я увидел мужественных ребят, занявших круговую оборону. Творчество трудно планировать. Что чувствовал Желакявичус, когда снимал "Никто не хотел умирать", по сути, один из вариантов "Наших"?

Я выступил на защиту мужиков, которые увидели, что здание, в котором они живут, дало трещину. Они бросились ее заделывать, а в них стали плевать. Вот и вся идеология "Наших".

— С удачами разобрались. А неудачи у вас случаются?

– Конечно. Но это не касается зрителя. Наши неудачи на оперативном уровне, когда бывают провалы съемочных или разведывательных операций. Но у нас настолько мощный информационный аппарат, такие крепкие съемочные бригады, что проколы крайне редки.

— Ну а поконкретнее?

– Что, сами не можете привести примерчик? Ага!

Эфир – штука ответственная, поэтому я выпускаю на экран либо удачу, либо, как минимум, то, что терпимо.

— Я задавал этот вопрос вашему напарнику Сергею Гуляеву, потому это не будет выглядеть разговором за его спиной: вы специально подобрали дублером человека, который является как бы ухудшенной вашей копией? Сергей подражает вам в манере говорить, в одежде. Это оборачивается только против него.

– Вопрос нечестный.

— Почему? Я беседовал с Сергеем, и он признал, что пальма первенства, бесспорно, у вас, что себя он тоже воспринимает как ослабленный невзоровский вариант.

– Понимаю, но все равно плохо, что вы Сергею об этом сказали, заставили его признаваться. Его самолюбие надо щадить. Но... Но! По сравнению с этим мальчиком, кстати, майором Советской Армии, афганцем, пробывшим два года на войне, все это ваше московское сборище Ростовых каких-то, Гурновых – профнепригодная блатная малина. У этих людей ничего нет за душой, ничего нет в сердце. Завтра придут к власти красно-коричневые, и вся эта тварь из "Останкина" станет говорить противоположное тому, что вещает сейчас. Голову на отсечение даю. А этот мальчик, Сережа, имеет человеческую сущность. То, что он не такой профессионал, как я... Так равных мне я вообще не знаю. Поэтому поиски подобного мне заранее были бы обречены на провал.

— Но, скажем, Вадим Медведев не был похож на вас, было в нем своеобразие.

– Во-первых, где-то за год до своего панического ухода Вадик тоже стал носить кожанку, подражая мне. К сожалению, он заразился и моим ритмом речи. А то, что он делал очень плохие материалы, очевидно. Гуляев – человек, мужик. Этим он ценен. Да, недоработки есть колоссальнейшие, его слишком долго разлагала армия. Ничего, мы поправим.

— Вы недавно учредили знак "За правду и мужество", которым предполагаете награждать наиболее смелых, по вашему пониманию, журналистов. Кандидатуры уже есть?

– Знак имеет три степени. Первая для тех, кто сознательно шел на смерть, чтобы снять происходящее вокруг. Причем не тогда, когда вокруг стреляют вообще, а конкретно в тебя, ты это знаешь, но продолжаешь работать. Я, например, такого знака не стою. Все бои, в которых я участвовал, все самые крутые и опасные съемки – еще не та степень опасности, убивали не меня конкретно. На эту награду претендуют два югославских журналиста, сербских, естественно, не хорватские фашисты, а наши братья сербы. И еще один кандидат – мальчик, который погиб в Бендерах, оператор местного телевидения. Он знал, что в него целятся, но камеру из рук не выпустил, высунулся из-за дерева и получил пулю в мозги.

— А операторы Юриса Подниекса, снимавшие штурм здания МВД Латвии в январе 91-го года? Оба они тогда погибли. Да и сам Подниекс — чем не кандидат?

– Подниекс? Это тот, который "спасение утопающих – дело рук самих утопающих"? Парень, который утонул? Какой тут героизм, плавал-плавал с аквалангом и утоп.

— Не нужно так о мертвом. Да я и в виду имел не саму смерть Юриса, а сделанное им при жизни.

– А я не знаю, что он сделал. Я видел плохой фильм "Легко ли быть молодым?", потом видел еще какую-то столь же несостоятельную муру, даже названия не помню. Опасных съемок у него тут не было.

ИСТОР
ГОСУДАР
РОССИИ

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

— А погибшие операторы? Куда еще опасней?

– Я мог бы рассмотреть этот вопрос, если бы мне представили видеоматериал, а его, насколько я знаю, практически нет. Смертельную опасность надо доказать, заключение наша комиссия дает. Необходимо документальное подтверждение.

— А у югославов и приднестровца, значит, материал был?

– Да. Тут и удача нужна, для получения знака. Можно и на риск идти, и жизни лишиться, а работу не сделать. Просто за смерть мы знаки не даем.

— Пока ожидал аудиенции с вами, старательно выписал ваши титулы: Академик международной Славянской Академии Наук, член редколлегии газеты "День", Член Думы Русского Национального Собора, Член Думы Всенародного Вече, Почетный Боец Рижского ОМОНа, рядовой батальона "Днестр". Половина званий вообще с большой буквы. Вам так уж дороги эти регалии?

– Все по-разному. Ни одно из этих наименований при всем моем уважении к наименователям не может равняться с фамилией НЕВЗОРОВ. Посему эти титулы я волен употреблять или нет. Я себе имя уже создал. Но если командир рижского ОМОНа за все, что я сделал с отрядом и для отряда, решает посвятить меня в почетные бойцы, я говорю: "Спасибо, Чеслав Млынник!" Если в тот момент, когда передачу пытались прикрыть и вся эта ебелдовская пресса подняла вой против меня, собираются академики славянской АН и принимают меня в свои ряды, то низкий им поклон за мужество и за поддержку. Конечно, я не могу принимать участие ни в каких думах, я репортер, у меня ежедневная сложная работа. Но мне приятно быть рядовым "Днестра", и, уверен, молдавские опоновцы не считают мое пребывание в батальоне символическим. Они меня надолго запомнили, а некоторые навсегда.

— Что вы хотите этим сказать?

– А ничего. Сами догадывайтесь.

Из брошюры И.Иванова: *"Другом Александра Глебовича в Риге был Млынник, отчаянный забияка и политик, командир двух сотен молодчиков в черных беретах – Рижского ОМОНа. Единственный, кто не дрогнул, когда наступил час переворота, был Млынник. Согласно плану заговорщиков он занял с боем ряд министерств, взял в плен министра внутренних дел Вазниса. Но армейские и КГБшные чины дрогнули. В бой оказался втянутым только Млынник с омоновцами. Есть свидетели, которые видели в ту ночь и Невзорова в Риге... В ту ночь Млынник и Невзоров быстро сообразили, что их предали, и решили прорываться с боем... Ситуация была напряженная. Вокруг уже валялись убитые и раненые, стояли толпы националистов с оружием в руках...*

Во время следующего приезда в Ригу два друга – Млынник и Невзоров – попали в засаду, их машину расстреляли, забросали гранатами и сожгли. Сами герои почти полчаса одни вели бой с численно превосходящими силами противника."

ДЕМОКРАТИЯ ЦВЕТА ДЕРЬМА

Андрей Ванденко, Евгений Додолев

— О дочке Полине задавать вопросы разрешается?

– Что о ней говорить? Ребенок как ребенок, мы с ней регулярно общаемся, катаемся на лошади. Слушайте, оставьте в покое мою личную жизнь! Прелестная дочь, восхитительная, мною горячо любимая. Все.

— Я мог бы напомнить, что вы в репортажах достаете своих героев до самых печенок. Так что терпите.

– С какой стати я терпеть буду? Я просто не стану вам отвечать, если не сочту это нужным.

–Впрочем, готов пока сменить тему. На Ленинградском телевидении вы появились, кажется, весной 86-го, а когда к вам пришла всесоюзная известность, когда, скажем, вы впервые оказались в "Останкине"?

– Первый выход в эфир Центрального телевидения я сейчас и не вспомню, а что касается самого "Останкина", то его порог я впервые перешагнул, а точнее меня перенесли через него на руках, кажется, 12 июня 1992 года. Приятнейшая, доложу я вам, была атмосфера. Народ ритуровал это самое ваше "Останкино".

— Красно-коричневые — эта цветовая гамма какие ассоциации у вас вызывает?

– Это демократия. Красное – за пролитую ими кровь. Коричневое – за удивительное сходство с дерьмом.

— Оставшись без личного оружия, как вы сейчас решаете проблему своей безопасности?

– Легко.

— А если более развернутый ответ?

– Очень легко. Не надеетесь же вы, что я вам все секреты выдам?

— Я просто не полагал, что это такая тайна. Какие издания вы читаете?

– Журнал "Коневодство и конный спорт", периодически прочитываю газету "День".

— Давайте продолжим экспресс-опрос в телетайпном стиле. Любите ли вы деньги?

– Я вообще не знаю, что это такое.

— Но вам приходится их тратить?

– Нет, практически нет. Я сам не знаю, каким образом я существую. Знаю только, что я в полседьмого на работе и уезжаю отсюда в полночь. Отдаю деньги заплатить за квартиру. Завтраки, обеды и ужины мне приносят прямо сюда из столовой.

— А любимое блюдо есть?

– Нет, ем, что дадут. В ресторан я никогда не хожу.

— Но сигареты, смотрю, предпочитаете американские — "Мальборо"?

– Да нет... Мы тут, честно говоря, даже думали какую-нибудь акцию безобразную затеять против сигарет "Мальборо" из протеста, что они своими ларьками испохабили город.

— Если вы сейчас скажете, что у вас и пороков нет...

– Ну почему? Я недостаточно часто бываю на исповеди и к причастию тоже хожу достаточно редко.

— А что-то любимое у вас есть?

– Да, оружие, лошади.

— А из людей, скажем, актеры, режиссеры?

– Только Михаил Михайлович Ермолов, главный режиссер НТК "600".

— Вы упомянули оружие. Откуда эта страсть? Некоторые склонны объяснять ее тем, что вы не служили в армии и не успели наиграться этими железными игрушками.

– Те люди, которые знают истинную причину моей страсти к оружию, точнее сказать, которые знали, остались по другую сторону Кошницкого разъезда...

— Опять вы намекаете.

– Ничего я не намекаю и расшифровывать ничего не буду, и так достаточно сказал.

— Мы от анкеты "Нового Взгляда" отвлеклись. Я не понял, есть у вас хобби?

– Вы что думаете, я придуриваюсь? Я ухожу из дома рано утром и возвращаюсь поздно ночью.

— А кто же за вашим котом смотрит?

– Я вынужден был его отдать, он все зассал. К тому же некогда было его кормить.

— Какая кличка у кота была? Небось Борис Николаевич или Михаил Сергеевич?

– Чести для них много будет. Батый звали. Роскошнейший персидский кот.

ВИКОНТУ ОТ ГРАФА

— Что, кстати, вы думаете о Ельцине и Горбачеве?

– Удивляюсь, почему Горбачев еще на свободе. Ельцину удивляюсь по другой причине. Он может имитировать личность. Это самая опасная его черта. Тут ему, конечно, помогают консультанты и делают это с толком. Но однозначный вывод сделать не берусь, поскольку никогда лично не общался с этим человеком. Что касается телевпечатления, то, как профессионал, понимаю, как мало истинного дает экран.

— Но вам интересно было бы побеседовать с этими людьми?

– Конечно, но ведь ни один из них не пошел на контакт. Хотя я вызывал на теледебаты в прямом эфире. Они ведь понимают, какие вопросы я буду задавать. Но если не я, то кто-то другой задаст неприятные вопросы. Не в интервью, так на следствии. Горбачеву уж точно. Его ждет "вышка".

А в общем-то и тот, и другой являют собой персонажи тьмы и зла, а мне гораздо приятнее общаться с цветом нации, теми, кто представляет ее лучшую сторону.

— Фигура Иосифа Виссарионовича вас занимает?

– Да, и меня охватывает чувство, что всех нас провели. Уже ясно, что все эти так называемые массовые репрессии на 95 про-

центов – миф. Факт, что Сталин выиграл войну, никто не оспаривает. То же, что он укокошил много родни профессиональных революционеров из числа тех, кто создал нам это удовольствие под названием Октябрьская революция, я не могу объяснить только паранойей или жаждой крови. Вероятно, были основания убрать всех своих приятелей и их жен. Он хорошо знал эту публику. Личность Сталина не представляется мне более мрачной, чем фигуры Калигулы или Тиберия. Этот по крайней мере созидал государство, те же только трахались по углам с прислугой, играли на театре и разваливали Римскую империю.

Сталинские мифы отнюдь еще не развеяны, правда окутана мраком.

— И в Ленине вы видите загадку?

– Хорошо о нем говорить не могу, а плохо...: Пусть лежит. У меня живых врагов достаточно. Но если изволите, пожалуйста: по-моему, Ленин – классный авантюрист, классный интриган, классный политик. Правда, безмерно жестокий, хотя и не такой, как эта ваша трепещущая интеллигенция типа Сахарова.

— Цель оправдывает средства — это ваш девиз?

– В общем-то да, но все зависит от конкретной ситуации, величины цели.

— Но если будет гореть дом с людьми, вы станете снимать или пойдете спасать?

– Я принадлежу к тому редкому числу репортеров, кто пойдет спасать. Но с камерой.

Из брошюры И.Иванова: *"Обороноспособность СССР была под угрозой. Семипалатинский полигон спешно закрывали. Считалось, что недра от подземных ядерных взрывов хранят и аккумулируют мощные дозы радиации. Приехав в Семипалатинск, Невзоров собрал группу из шести добровольцев, которые решили проникнуть под землю, пройти трехкилометровый тоннель и дойти до эпицентра подземного ядерного взрыва в огромной полости горы Дегелен. На добровольцах не было никакого специального защитного снаряжения. Невзоров первым прополз заваленный обломками расплавленного бетона тоннель, первым вошел в полость горы. Несмотря на то, что бомба взорвалась три года назад, стены были еще горячими от колоссальной температуры взрыва, который буквально все выжег в горе. Невзоров хотел доказать безопасность подземных взрывов — и самоотверженно поставил на себе эксперимент."*

— Сколько сейчас в России, по-вашему, "наших"?

– Сколько и всегда. Просто образовалась небольшая прослойка людей, которым выгоден нынешний бардак, и они пытаются диктовать свою волю всем. Не получится. Все эти ельцины, гайдары, барбалисы...

— Простите, Бурбулис.

– Да я не знаю и знать не хочу этих фамилий! Не надо только рассказывать, что они хотят блага народу. Это же смешно, не будем морочить друг другу голову.

— Вы так легко обо всем судите.

Я же профессионал, ребята. У меня неприязнь к демократам родилась просто как у человека, который много лет подряд делал уголовную хронику. Это же наша клиентура. Да. Я не политик, я сейчас просто оказался в этой роли, но мне от смены власти или переворота ничего не надо. Я никогда не войду ни в какое правительство. Максимум выгоды, которую я могу получить от какого-нибудь государственного переворота, это пяток монтажных, три десятка видеокамер и еще чего-нибудь в этом духе. Это все, что могу прихватить при приходе "наших". Больше мне ничего не требуется.

— В НТК у вас репутация диктатора. Так проще жить?

– Мне сложнее изображать из себя балерину, я такой, какой есть. Это не диктат. Есть твердая дисциплина, без которой невозможно на производстве, а у нас самый настоящий конвейер. Мы не обычная редакция, мы кончик большой политической силы. Так сложилась ситуация. Поэтому требования у меня к людям очень высокие.

— Но инакомыслящих вы не терпите?

– А у меня нет никаких взглядов. У нас иконописная мастерская, можно так сказать. Большое заблуждение, будто Рублев писал иконы. Существовал Строгановский лицевой подлинник, вот такая толстенная книга, где на пятистах листах были нанесены контуры всех икон и всех библейских сюжетов. Это было канонизировано. Иконописец брал и только раскрашивал заготовку. Так и у нас, отсебятины не требуется.

— Сложная аналогия.

– Простая. Мы пользуемся естественными взглядами, когда не нужно изобретать велосипед. Красть плохо, предавать плохо, святые святы, а подонкам – бой. Вот наши истины. Все.

— Я слышал, как вас за глаза коллеги называли Графом...

– Секундочку! Людмила Александровна, зайдите! (Я попытался выключить диктофон, но Невзоров остановил мое движение. В комнату вбежала пресс-секретарь "Секунд" Щукина. – А.В.) Люся, распоряжение по редакции: нашего гостя именовать отныне исключительно виконтом. Понятно? (Щукина молча ретировалась. – А.В.)

— Спасибо, граф.

– Пожалуйста, виконт! Никакой я не граф, просто ляпают языками, но я наведу порядок, благодарен, что подсказали. Я уже несколько раз запрещал.

Именовали меня так с молодости за смазливую рожу, которая сейчас, к счастью, растолстела. Но я вам клянусь, что я не имею ко всем этим кличкам никакого отношения и это не поощряю.

— Назовите образ любимой женщины?

– Это Вера из гончаровского "Обрыва". Пожалуй, всё. А из живых, реальных мне больше нравятся крупные блондинки колхозного типа.

— Вы смерти боитесь?

– Нет, не боюсь. (Сам не боюсь и другим не даю.) А чего бояться-то? Я у себя ни дня не держал бы того, кто отказался бы снимать сюжет из-за страха за свою шкуру.

— Многие ваши недруги прочат вам плохой конец. Они подразумевают нечто определенное. А что означает плохой конец в вашем понимании?

– Буду считать, что жизнь не удалась, если окажусь в кресле министра печати.

— А вершина карьеры, по-вашему?

– Ее я уже достиг.

Андрей ВАНДЕНКО, виконт.

P.S. Я умышленно никак не комментирую слова Александра Глебовича, равно как и литературный опыт Ивана Ивановича Иванова. Полагаю, каждый в состоянии самостоятельно сделать вывод из прочитанного.

УМАЛАТОВА. БЛОНДИНКА ЗА УГЛОМ

Мы договорились встретиться у входа в столь полюбившуюся народным депутатам СССР гостиницу "Москва". Придя к назначенному времени, я Сажи не обнаружил. Покрутившись в вестибюле еще с полчаса, совсем уже было собрался уходить, как узнал в блондинке, заворачивающей за угол здания, Умалатову. Догнал ее только в метро. Сажи уверяла, что пришла вовремя, но сейчас ну никак не может больше задерживаться – неотложные дела государственной важности. О государственной важности сказано не было, это я от себя добавил – уж больно вид у Сажи был серьезный и целеустремленный. Не станет же такая женщина суетиться и спешить из-за каких-то там мелких личных забот?

Словом, условились о новой аудиенции. Через день. Все у того же злосчастного входа в "Москву" и в то же время. Помните, как в старинной песенке: "Так, значит, завтра – на том же месте в тот же час"? Как в песне и получилось. Встреча не состоялась. Короче, разговор по телефону у нас получился на повышенных тонах. Я наезжал, отбивался от наездов, чувствуя, как на другом конце провода искрит Сажи.

Выговорившись и сойдясь на том, что в очередной раз друг друга неправильно поняли, решили попытаться вновь. Непреклонная Умалатова, само собой, и теперь выбрала "Москву"...

Получилось. Я приехал загодя, и Сажи не припозднилась. Поздоровавшись, она обронила: "Я еще ни к одному мужчине трижды на свидание не ездила". Рассудив, что сказанное вряд ли можно считать комплиментом в свой адрес, предпочел промолчать, гадая, где же то место, которое кажется Умалатовой наиболее удобным для интервьюирования. Мы поднялись в лифте на третий этаж и устроились в холле под удивленными

взглядами дежурных, узнавших мою спутницу. Стоило ли так сюда стремиться? Не считая сделанный выбор единственно верным, я не удержался от вопроса:

– Вы так старательно оберегаете свой дом от посторонних, что предпочитаете встречаться в гостиницах?

– Нет, совсем не поэтому. Просто у нас сейчас гости, стоит такой бедлам, что даже здесь спокойнее и тише.

"ИЗ КВАРТИРЫ НЕ УЙДУ!"

— А я уж грешным делом подумал, что вы забаррикадировались и никого из чужих не пускаете. Вы ведь по-прежнему живете в доме депутатов Верховного Совета СССР?

– Да, я занимаю служебную жилплощадь в доме на Рублевском шоссе. В доме, который является собственностью всего Советского Союза. Сегодня Россия претендует на все, что принадлежало СССР, поэтому и нам постоянно намекают, что надо выселяться, но до того, чтобы забаррикадироваться в квартирах, еще не дошло. Хотя давление усиливается. Сначала хотели нас выкинуть на улицу зимой 1992 года. Не вышло. Теперь новые сроки называют. Недавно получили повестки с угрозой: если по-хорошему не освободим квартиры, то власти вынуждены будут обратиться в суд. Повестка подписана какой-то администрацией жилого фонда. Кто стоит за этой администрацией, я наверняка не знаю, но догадаться могу.

Речь не идет о том, чтобы воевать с ними за эту квартиру из-за того, что мне некуда идти. Уверяю вас, у меня столько друзей и сторонников, готовых предоставить крышу над головой, что отбоя от предложений нет. Напрасно тешат себя иллюзиями те, кто рассчитывает, отняв у нас квартиры, избавиться от нас самих.

Поэтому вопрос в ином. Надо говорить о законности. И я стану добиваться ее, пока буду дышать. Выехать из этой квартиры для меня означает признать их победу и свое поражение. Я не сдамся! Они совершают сговор, идут против Конституции, против закона, против народа, против страны. Пусть знают Ельцин, его правительство, его Верховный Совет, что союзные депутаты этот беспредел терпеть не станут и квартиры на Рублевском шоссе без боя не отдадут!

— Сажи, вы сразу такую высокую ноту задали: сговор, бой и тэ дэ. А может, все прозаичнее: из Москвы уезжать ой как неохота... Да и квартирки, поди, не самые плохонькие, бывал я на Рублевке, знаю.

– У меня три комнаты. Но они не мои. Повторяю, это служебное помещение.

— Однако это не помешало некоторым вашим коллегам приватизировать это самое служебное помещение, выкупить по смехотворным ценам мебель, бытовую технику, ковры, посуду...

– Может быть. Не знаю. Я ничего подобного не делала и делать не собиралась. Это государственное и должно таковым оставаться. Прописки, например, в Москве у меня никогда не было, и

я не пыталась ее приобрести, зная, что придет время, и я обязана буду уступить квартиру другим.

— И когда же, по-вашему, оно придет, это время?

– Когда восстановится закон. То, что руководители трех республик объявили о похоронах Советского Союза, забыв, что не-действующей Конституцию СССР может объявить только съезд народных депутатов нашей страны, говорит об их юридическом невежестве. Но мы не обязаны подчиняться их злой воле. Советский Союз жив, съезд народных депутатов никто не распускал. Есть итоги референдума, которые однозначно свидетельствуют, что народ за сохранение Советского Союза как единого целого. Да – обновленному Союзу!

Полномочий народных депутатов никто не отменял, избиратели нас не лишали мандатов доверия. Та троица своим беловежским сговором сделала Конституцию СССР вечной, а народных депутатов Советского Союза – пожизненными.

— Другими словами, мандат народного доверия, как вы выразились, теперь с вами до гробовой доски?

– Конечно! Пока новые выборы не пройдут, я остаюсь народным избранником.

— Извините, что я опять о своем, но применительно к квартире. Получается, что, следуя этой логике, вы теперь имеете право ею пожизненно владеть?

– Не собираюсь я ею владеть пожизненно, я просто привела факт беззакония.

— И все-таки...

– Пока я буду воевать, бороться за справедливость, уступать не намерена. Из квартиры не уйду. Ни за что! Не ради себя. Мне ничего не нужно. Многие удивляются моей позиции, говорят: чего тебе в жизни не хватает? А я отвечаю: мне не хватает справедливости, честности, порядочности.

Да, я могла бы окунуться в семью, у меня хороший муж, замечательная дочка... Вы представляете, сколько я приношу им неудобств и нервных переживаний своим поведением? Они пытаются к этому привыкнуть, но это невозможно. Как и я не могу выйти из борьбы. Это моя жизнь.

— Муж живет с вами?

– Недавно приехал. Саид был в длительной командировке в Китае. Ездил по направлению нашего грозненского завода "Красный молот". Он у меня инженер-механик, классный специалист.

Так вот повторю: я не ради себя стараюсь. Иногда какая-нибудь встречная старушка скажет: вся из себя, чего тебе еще надо? А я ей в ответ: мне ничего не надо, я хочу, чтобы у вас все было. Мне не приносит радость личное благополучие, когда кругом обездоленные, нищие, униженные, обманутые. Ложь ведь продолжается, но не все люди это осознают. Я не хочу жить в стране, которую стремятся превратить в сырьевой придаток или колонию, я этого не позволю, буду бороться, сколько станет сил. Пусть! Уже были попытки кого-то подсылать ко мне, что-то там делать со мной. Пусть хоть убьют, идея моя будет жить!

"МЕНЯ ХОТЕЛИ УБРАТЬ"

— Против вас предпринималось что-то серьезное?

– Я не могу посвятить вас во все подробности, боюсь подвести человека, который мне доверился. У него было задание убрать меня. Он этого делать не стал, но сказал: найдется другой, кто сделает.

— Этот человек вам представился, сказал, кто ему дал задание?

– Нет, конечно. Я и не расспрашивала. Сначала приняла все это за шутку. А потом он поминутно описал мне мой день, с кем я встречалась, о чем говорила. Это было перед съездом в Воронове, я тогда действительно вела конспиративный образ жизни, но оказывается, каждый мой шаг контролировался.

— Вы испугались?

– Я смеялась. Даже тот мужчина мне сказал: "Вы бесстрашная женщина, но вам надо бы поберечься, слишком уж вы беспечно гуляете. Если кто-то решит сделать плохое, это не составит ему труда". Я все же не удержалась и спросила, кто же его уполномочил следить за мной. Мужчина только усмехнулся: "Они напрямую не выходят..."

— Но вы что-то предполагаете?

– Зачем вы задаете мне такой провокационный вопрос? Вы же сами знаете ответ. Кто-то в этом заинтересован. Но пока жива, я не сойду с дистанции, стану сражаться за лучшую долю для моего народа.

— Сажи, муж ваш единомышленник?

– Он всегда так говорит: я в политику не вмешиваюсь. Саид был противником того, чтобы и я этим занималась. Иногда он предлагает: давай уедем, начнем работать, все построим заново. Впрочем, Саид понимает, что никуда я от этого уже не уеду.

— Он к вам в Москву приехал погостить или навсегда?

– Мне хотелось бы, чтобы он остался. Семья – это убежище. Но... Посмотрим. Пока никаких усилий мы не предпринимали. Ведь, если оставаться, надо искать работу, а хоть муж и квалифицированный специалист, но прописки-то нет. Заколдованный круг.

— А дочь?

– Сейчас она со мной. В 1992 году закончила школу, пыталась поступить в юридический заочный институт, но срезалась на вступительных экзаменах. Пробовала и в МГУ, но и там неудачно.

— У дочери ваша фамилия? Может, в этом причина провалов на экзаменах, как вы полагаете?

– Не хочу даже думать об этом. Я всегда до последнего старалась верить в справедливость и честность. Да, Илона закончила школу с медалью, но за сочинение в институте получила двойку. Что ж... Ничего страшного.

— А как у вас с учебой? Вы ведь занимаетесь в том институте, куда поступала дочь?

– Уже не занимаюсь. Меня отчислили со второго курса. За пропуски и "хвосты". Я полгода не посещала лекций.

– Восстанавливаться будете?

– Не сейчас, дел других много, не до учебы.

– Вы где-то работаете?

– Нет, с ноября 91-го года нигде. Я же была членом Верховного Совета СССР в ту пору, когда Горбачев под диктовку Ельцина занялся развалом Советского Союза, когда он сидел на сессии и трясся от всего, как дрожащий лист. Я была этому очевидцем. Я сказала тогда: считаю унизительным для себя быть членом Верховного Совета страны, которой правит Горбачев. Я вышла из парламента, но депутатских полномочий, конечно, не сложила.

– Столько времени вы без работы...

– Муж от меня пока еще не отказался, кормит. Ругается иногда, но терпит. Да, я иждивенка. Безусловно, я могла бы получать какие-то деньги, будучи председателем президиума съезда народных депутатов Советского Союза, но это ведь народные рубли, у меня рука не поднимается их взять. Из принципиальных соображений. Я их не беру. Мне предлагали много мест, в том числе и в иностранных фирмах, готовы были платить только за то, чтобы я числилась, но я отказывалась. Не хочу связывать себе руки. Для того, чтобы действовать, человек должен быть свободен.

– Значит, председателем президиума съезда вы являетесь на общественных началах?

– Так проще. У нас и денег-то совсем мало. Раньше у нас была штаб-квартира, мы снимали здесь, в гостинице, номер, потом заломили такие цены, что... Но даже и за бешеные деньги нас сюда не хотели поселять, потребовалось вмешательство российских депутатов – Саенко, Бабурина, Павлова, Исакова. Арендовали офис. Сейчас мы временно без помещения, но думаю, все наладится.

– Скольких народных депутатов Союза объединяете вы?

– 438 депутатов присутствовало на VI съезде в Воронове. Это, кстати, удивительная для меня цифра! Когда я вносила на IV съезде предложение об отставке Горбачева, за него проголосовало 426 человек. Теперь повторилось почти то же число. Но сторонников наших из числа народных избранников наверняка больше. Когда мы затевали проведение чрезвычайного съезда, звонками, телеграммами подтвердили свое намерение участвовать в работе форума 1470 депутатов. Мы вели регистрацию. Причем делали это совершенно посторонние люди, не заинтересованные в фальсификации или подтасовке. Да, многие депутаты хотели приехать, но потом начался страшный прессинг. Наши противники увидели, что отступать я не собираюсь, съезд проведу, и решили сорвать его изнутри. Телефон мой прослушивался, фамилии тех, кто намеревался ехать на съезд, были известны, и на людей стали давить. Хасбулатов провел даже специальное заседание Президиума Верховного Совета России. Перепугались господа. И угрозы депутатам пошли прямые, говорили, что работы лишат, предлагали о семье позаботиться. Некоторые депутаты дрогнули, но я

их за это не осуждаю. Разные люди есть, нельзя от всех требовать мужества и самопожертвования. Но связь мы не теряем, все решения, которые принимаем на президиуме, доводим до сведения депутатов, хоть это и очень дорого, по рассылаем материалы, документы. Союзников у нас становится все больше и больше, их число будет расти и дальше. По-другому и быть не может.

"ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА НАМИ!"

— Вы пытаетесь второй раз войти в ту же реку?

– Нет, прошлого не вернуть. Но мы войдем в новую реку. Обязательно! У меня нет ни малейшего сомнения в том, что последнее слово нами еще не сказано... На днях я встретила на улице женщину, она стала кричать, что ждет не-дождется, когда надо мной будет трибунал. Не дождется! Последнее слово будет за нами не в суде, а если и в суде, то это станут слова не обвиняемых, а обвинителей. О, нам есть что сказать!

— Резкие выпады против себя вы часто ощущаете?

– Редко, крайне редко. Ко мне всю жизнь очень хорошо все относились.

— Сажи, вы ведь депутат с большим стажем?

– Да, меня в пятый раз избирают. Когда мне было 18 лет, меня выдвинули в районный Совет, потом дважды выбирали в Верховный Совет Чечено-Ингушетии, я была членом президиума парламента нашей республики. Два раза меня выбирали в Верховный Совет СССР. Лет девятнадцать, наверное, уже депутатствую.

— Это стало вашей второй профессией?

– Нет. С основной работы я ушла только в мае 89-го. До того я была бригадиром комплексной бригады, у меня в подчинении было пятьдесят мужчин. Я обыкновенная электросварщица, 25 лет протрудилась на одном заводе, мне исполнилось всего 16 лет, когда я пришла туда.

— И быстренько угодили в депутаты — комсомолка, активистка, красавица. Может, еще и спортсменка?

– Напрасно иронизируете. Молодые и красивые тоже, наверное, надоедают. Один раз можно выбрать за то, что молодая, другой раз – за красоту. Но я ведь по пятому кругу пошла... Мне просто повезло, что я работала с прекрасными людьми, которые оказывали мне свое доверие. У меня в жизни ни с кем конфликтов, расхождений не было. Я всегда старалась объединить, сделать другим хорошее. Может, и нескромно об этом говорить, но когда, например, мне как бригадиру выделялась какая-то премия, я отдавала ее бригаде. 40 рублей, 50... Тогда это деньги были. Начальник ругался: зачем ты свое отдаешь? А я иначе не могла. В этом месяце одним помогу, в следующем – другим. У меня даже отпетые,бездельники начинали хорошо трудиться.

— Извините, Сажи, но может, за эту вашу покладистость, умение ладить с людьми вас и выбирали в депутаты? Руководство вы устраивали: товарищ проверенный, фортель не выкинет. В последний раз вас ведь вообще выбры-

ли депутатом от КПСС. В эту сотню избранных, как я по-
нимаю, случайные люди не могли попасть. Тем удивительнее ваше антигорбачевское заявление на IV съезде. До того ведь, кажется, вы себя революционными речами не проявили?

– Я самостоятельный человек, во мне долго зрело решение, наконец я отважилась громко сказать свое мнение с трибуны. Потом распускали слухи, что меня кто-то науськивал, подбивал выступить против Горбачева. Ничего подобного. Те, кто меня знает, подтвердят: нельзя заставить меня сделать что-то против моей воли. Я всегда говорю то, что думаю. В Горбачеве я разобралась давно. Не стану уверять, что я ясновидящая или предсказательница, но чего стоит этот человек, я поняла быстро. Мы еще с мужем спорили, Саиду очень нравился Горбачев. Но меня не проймешь демагогией, я сразу почувствовала неладное, когда увидела, что Горбачев в своих речах не говорит о дисциплине, порядке. Эге, думаю, тут дела не будет! Так и оказалось. В нем с самого начала была заложена разрушительная сила, уже в конце 85-го года я говорила, что такой курс приведет к развалу.

— Лично вы с Михаилом Сергеевичем встречались?

– Ни разу.

— Даже став депутатом от КПСС, вы не проходили собеседований, консультаций у генсека?

– Что вы! Нас только на пленумы ЦК приглашали.

— А с Ельциным вы знакомы?

– К нему я никогда никаких симпатий не испытывала. Даже внешний вид его меня раздражал. Эти страшные диктаторские замашки, этот человек стремился к единовластию. Ему надо всех размести, уничтожить, чтобы воцариться самому. Я это на расстоянии чувствовала. Когда, случалось, он шел мне навстречу, я старалась свернуть куда-нибудь, чтобы не сталкиваться. Хотя, подходя ко мне, Ельцин подавал руку, здоровался, я отвечала, но мне это было неприятно. Бывает такая антипатия, которую и словами трудно передать.

— Сажи, что вы думаете по поводу чеченской мафии, вокруг которой столько разговоров?

– Преступность не имеет национальности. Можно говорить о чеченской, русской, узбекской мафии, но уголовники не признают родства крови, для них нет ничего святого.

— Но вам соплеменники не предлагали здесь, в Москве, свои услуги — наблюдение, охрану и т.д.?

– Как правило, эти люди на меня не выходят. Однажды была какая-то попытка приставить ко мне телохранителей, это как раз после съезда в Воронове, когда сыпались угрозы, но я от охраны отказалась быстро. Я хочу чувствовать себя свободной. Я не нуждаюсь ни в чьих деньгах, ни в чьей помощи.

— Вы союзница Дудаева?

– Когда хотели ввести чрезвычайное положение в Чечне, я не Дудаева защитила, а свой народ, тех мальчиков, которых намеревались бросить в кровавую мясорубку для удовлетворения амбиций Хасбулатова, Руцкого, Ельцина. Я знала, что может

быть страшная кровь, море горькой крови. Я отдаю себе отчет, что Дудаев и его власть не принесут счастья республике и ее народу, но и допустить насильственного свержения Дудаева я не могла. Как я могу быть за Дудаева или против? Они же все, словно бройлеры из инкубатора, наши правители. Похожи друг на друга и заняты одним – развалом нашей великой страны.

Дудаев – зависимый человек, стоящие за его спиной диктуют ему линию поведения. Это беда Джохара. Я не нахожу ему оправдания.

— Сажи, давайте подбросим пищи вашим недругам. Скажите, за два с половиной года последнего депутатства вы много раз ездили за границу?

– По линии Верховного Совета ни разу. Таких, как я, не пускали. Единственный раз вместе с представителями группы "Союз" я ездила в Ирак, чтобы собственными глазами убедиться, что там происходит.

"НАМИ РУКОВОДИЛИ ПРЕДАТЕЛИ"

— Вы ездили поддержать Саддама Хусейна?

– Я просто знала, что в газетах пишут и по телевидению показывают ложь. Нас долго не хотели пускать, точнее, выпускать из Союза. И все же мы прорвались. Это было в марте 91-го, уже после войны. Я увидела, что американцы бомбили мирные объекты. Первое, что они сделали, это с лица земли стерли поселок, где работали советские специалисты. Наши друзья американцы, так желающие нам добра! В Багдаде разрушили красивейшие памятники архитектуры, которые, конечно, не могли иметь никакого военного значения. Цель была другая – унизить, оскорбить народ. Американцы разбомбили комбинат детского питания, крупнейший в Ираке. Это чтобы возмутились матери, когда их дети будут умирать от голода, чтобы женщины прокляли Саддама. Но этого не случилось, иракский народ оказался крепким орешком. Вернувшись в Союз, я рассказала обо всем увиденном. Поэтому, конечно, меня больше никуда не пускали. Я бы везде говорила правду, не поливала Родину помоями, не зарабатывала бы доллары у наших врагов...

Еще раз в Ираке я побывала осенью 92-го.

Ужасно, когда наверху находятся трусы и предатели. Переводчик Саддама Хусейна во время первой поездки сказал нам: "Мы никогда не забудем, как после начала американской бомбардировки Багдада Горбачев позвонил Саддаму и дрожащим голосом умолял не наносить ответного удара. Саддам не стал слушать, бросил трубку". Стыдно за таких руководителей, как наши.

Запад умело вычленил слабое звено, сделал ставку на людей типа Горбачева, Ельцина, Бурбулиса, доверив им развал СССР. Но пусть они за рубежом не радуются. Государство – это надстройка, существует союз народов. Мы все равно будем вместе.

— Вы коммунист?

– Да, я не вышла из членов партии, не бросила партийный билет, когда это стало выгодно. У меня жизненный принцип: пре-

давший единожды предаст вновь. Поэтому я никогда не стану предателем из-за личных выгод. Для меня сегодня очевидно, что наши руководители не были коммунистами, они были предателями. Не уподобляться же мне им, в самом деле?

— Какие чувства вы испытываете к ГКЧПистам?

– Хорошие. Они желали блага стране, но их подвела нерешительность. О планах ГКЧП наверняка знал Горбачев, не было никакого заточения в Форосе, он в своей обычной манере хотел пересидеть трудный момент. Не исключаю, все знал и Ельцин и блестяще разыграл свою козырную карту. Впрочем, и Горбачев не остался внакладе. Сегодня он разъезжает по всему миру, собирает дань за проделанную работу.

— Сажи, вчера вы отмечали день рождения. Много было гостей?

– Я специально никого не зову, приходят только близкие люди. Был случайно оказавшийся в Москве заместитель генерального директора моего завода из Грозного. Как видите, старые товарищи от меня не отворачиваются. А вообще я не люблю день рождения и Новый год.

— Почему?

– Становишься старше, что-то уходит из жизни, а так хочется остаться молодой!

— Какие же праздники вы любите?

– Первое мая. Я человек труда, потому в этом нет ничего странного. Еще любила 7 ноября.

— А как вы отдыхаете?

– Сложный вопрос. Я с 89-го года не была в отпуске. Сколько раз порывалась уехать куда-нибудь, но обязательно находятся неотложные дела. До отдыха ли сегодня?

— Поликлиника 4-го управления, или как оно сейчас называется, вас обслуживает?

– Меня давно открепили. Заболела тут недавно, позвонила врачу, которая меня раньше наблюдала, та говорит: приходите, конечно, посмотрю. А охранник у входа в поликлинику не пустил.... Пришлось заниматься самолечением, ничего, жива-здорова, хотя еще покашливаю...

— Вы пользуетесь депутатским удостоверением? По нему в Кремль ходите?

– Если уж в поликлинику не дали больному человеку зайти, то в Кремль и подавно с таким мандатом не пустят. Нам с января 92-го даже на Калинина, 27, где раньше работали комитеты и комиссии Верховного Совета, ходу нет. Они считают этот мандат недействительным, а я другого мнения. Все еще вернется на круги своя.

— Вы помните, когда впервые в Кремль попали?

– Это было на XXVI съезде КПСС, делегатом которого я была. Врезалось в память, какие дифирамбы пел Горбачев "дорогому Леониду Ильичу".

— Тогда делегатам что-то дарили?

– Дипломат, мыло, какие-то духи и набор ручек. Дипломат я отдала золовке, он такой был аккуратный, бордовый, сестра мужа с ним пять лет в институте проучилась.

– А депутатские наборы практиковались?

– По-моему, все ограничивалось папками, ручками, блокнотами, мелочевкой всякой.

– Вопрос с пропиской мы с вами уже обсуждали. Осталось выяснить с гражданством. Чечня, кажется, вводит свое. Примете?

– А почему я должна его брать? Я гражданин Советского Союза.

– Но если Дудаев поставит условие?

– Пусть он себе условия ставит! Что, он мне давал жизнь, чтобы сейчас диктовать? Пусть в своей семье командует. Это и к Ельцину относится и ко всем остальным. Только народ может ставить условия.

– А вдруг получится, как с удостоверением народного депутата СССР, и паспорт Советского Союза будет иметь примерно такие же полномочия, как проездной билет за прошлый месяц?

– Ну и пусть! Свою краснокожую паспортину на дудаевскую или ельцинскую бумажку не обменяю никогда. У меня свои принципы в этой жизни. Если бы все было сделано на законных основаниях, против народа я не пошла бы. А против этой банды иду и буду идти. Они государственные преступники и ответят за содеянное.

За себя не опасаюсь ни грамма, я уже вам говорила. У меня телефон с ушами, за мной, наверное, следят, что ж, они показывают свою слабость. Я не собираюсь из себя героиню строить. Это только Ельцин у нас все рассказывал, как на него покушались. Покушались, покушались, а добить не смогли. Смех! Мне не нужно набирать политические очки, я за славой главного патриота не гонюсь. Меня дело беспокоит, я всецело занята подготовкой второго этапа чрезвычайного съезда.

– И тогда вы сложите свои полномочия председателя президиума и передадите их — кому?

– Слагать с себя я ничего не собираюсь. Состоится съезд, и там мы определимся, что дальше делать. Это будет уже не съезд ради съезда, как в Воронове, когда нам важен был политический акт. На этот раз мы изберем правительство, главу государства. Все будет по закону.

...Закончив разговор, мы спустились в вестибюль, где нас уже ожидал Саид Умалатов. Оказывается, Сажи и ему назначила здесь встречу. Господи, что же за место-то такое? От Саида я и узнал, что названа новая дата выселения с Рублевского шоссе. От новости Сажи посуровела, но проговорила: "Пусть попробуют сунуться!"

Действительно, в день, когда истек срок ультиматума, у Умалатовой отключили телефон. Пришлось Сажи обращаться за

поддержкой к сочувствующим ей народным депутатам России. Телефон включили. Пока. Борьба за справедливость продолжается.

Андрей ВАНДЕНКО.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. КУЛЬТ ЛИЧНОСТЕЙ

Все материалы, собранные под этой обложкой, готовились для еженедельника "Новый Взгляд", где я и мой соавтор работаем (соответственно) главным редактором и ответственным секретарем.

Без ложной скромности мы готовы продекларировать: наша редакция стала первооткрывателем (если хотите, первопочатником) многих рубрик, отечественной прессе не имманентных. Отчасти они представлены и в этом сборнике.

Для "Нового Взгляда" главное – личность, а каково кредо этой самой личности, нас не особенно волнует. Зато читатели могут, допустим, узнать, какие напитки предпочитает мятежный генерал Олег Калугин, или детально познакомиться с меломанскими наклонностями неутомимого борца за коммунизм Егора Лигачева (ведь митинговые амплуа этих персонажей монументальны и никого уже не удивляют).

Мы намерены и впредь исповедовать культ личностей.

Феномен личности состоит как бы из трех аспектов:

– личность как таковая, то есть совокупность характерологических черт плюс система нравственных понятий, в рамках которых данная личность существует;

– результат общественной деятельности данной личности, будь то подметенная улица или написанный роман;

– биография, то есть история жизни данной личности, что есть едва ли не самое интересное; человек рождается с некоторой заданностью будущего: у него родители, которых он не выбирал, определенная социальная среда, в которой он растет, эпоха, в которую он попал. Все остальное в его жизни является плодом его собственной интеллектуально-эмоциональной деятельности.

Создание собственной биографии (в которую каждый день ты вносишь какие-то ощущения и события, но ничего не можешь вычеркнуть) и есть в каком-то смысле самый интересный продукт человеческого существования. От того, насколько человеку удается жить в рамках собственной системы координат, насколько эта система является его личным творчеством, насколько ему удается быть цельным и последовательным, зависит эстетика, гармония его жизни, если... Если рассматривать биографию как некую историю, которую человек пишет всю свою жизнь. И которую, как произведение, можно будет полностью оценить, лишь учитывая момент и обстоятельства смерти. Ведь в жизни не бывает случайных обстоятельств. Не каждого убивает маньяк на улице и не каждый находит счастливый билет.

Обстоятельства могут притягиваться или отталкиваться самой личностью.

Бывает, что человек не произвел на свет ничего интересного, кроме собственной биографии. К сожалению, такие люди, как правило, не становятся известными другим. В лидеры выбиваются

тс, у кого есть "талант", то есть исключительные способности в науках, искусстве, спорте. Или умение (что есть отдельный дар) выбиваться в лидеры без перечисленных способностей. Лидер оказывается в центре внимания социума, который начинает интересоваться обстоятельствами его биографии.

Нежелание попасть в раздел "бульвара" тождественно желанию переписать свою биографию. Если ты ею доволен, почему не показать ее людям? Если нет, значит, ты не соответствуешь собственному идеалу поведения. Или же держишь окружающих за дураков, которым можно (вместо себя реального) показать себя придуманного. Впрочем, желание переписать биографию естественно в стране, где так легко переписывается история, где гайдары всегда шагают впереди, а слово "правда" ассоциируется с не самой честной из газет.

Социум (любой) стремится раздавить индивидуальность. Но страна, пережившая 70 восхитительных лет коммунистической идеологии, самой упрямой и непримиримой к индивидуальности, должна вместе с каждым своим гражданином стремиться к осознанию тезиса: среднего статистического не существует. Все и вся суть отклонения от некой нормы, которой нет. Любой человек – уникальное явление природы. И интересен сам по себе. Он есть живая информация о том, как устроен мир. Каждый должен быть философом.

Нападки на "выпячивание личности" могут исходить лишь от тех, кто, в силу чувства малоценности, себя таковою не считает. Ибо отношение к себе и к миру – зеркально.

"В мои лета не должно сметь свое суждение иметь". В этой стране нет и никогда не было истинного культа личности. Все нетривиальное, оригинальное, самобытное в ней не приветствовалось. И не приветствуется.

Взять хотя бы русский язык. Тот факт, что, например, две девочки одеты в разного цвета платья, выражается в русском языке противительным союзом "а". "Катя была в красном платье, а Маша – в синем". В подавляющем большинстве европейских языков эта мысль передается с помощью соединительного союза "и". По мнению лингвистов, суть – в идее единообразия, все должны быть в одинаковых платьицах. Та девочка, которая надела синее платье, нарушила негласное правило, противопоставила себя той, которая была в красном... А ведь язык – это основа менталитета.

Чтобы белорус Игорь Шафаревич, еврей Василий Белов, бурят Валентин Распутин, татарин Станислав Куняев и пр. писательская руссогвардия не заподозрила меня в славянофобстве, поясню: русских считаю круче европейцев. Последние реализуют в основном созидательные ценности, а русские – ценности переживания, чтобы затем, когда наступит долгожданный апокалипсис, реализовать ценности отношения.

(Созидательные ценности суть радости труда, творчества и т.д. Переживания – красивый пейзаж, хмельные радости общения, сладкие прелести любви... словом, по мне, так настоящая Жизнь! И, наконец, ценности отношения. Это умение философ-

ски относиться к самым чудовищным и непредсказуемым ударам капризной судьбы. Западный человек тупо въебывает от зари до зари в странной погоне за жирным горизонтом очередной имущественной планки. Дом с бассейном, новая модель авто, часы "Карщепитовского компота. И так же невкусны. Наши люди злобно живут в полный рост. Вгрызаясь в стены. "В поисках новых и ласковых рук". Будучи **вместе**. И, как верно замечал Виктор Цой, не зная: в каком именно месте. Чувствуя. Но не зная. Умения тихо любить и яростно ненавидеть не купить ни за какие стерлинги. Меряй их хоть фунтами гуманитарной помощи, хоть строками напыщенных деклараций. А где же чувства?.. Бездуховность, блин.)

Если верить знатоку русской души Грибоедову, от "ума" может быть только "горе". В данном случае под словом "ум" понимается способность иметь собственное нетривиальное суждение и брать на себя смелость его высказывать. Только место, занимаемое в Системе, дает человеку право иметь и высказывать свое мнение. Если сам по себе человек, каким бы он ни был разумным, этого права не имеет...

Многие телезрители, комментируя новостийные программы, часто с раздражением отмечают, что их "не интересуют комментарии: сами разберемся. Кто они такие, чтобы нас учить!" Казалось бы, выслушай профессионала. Не хочешь, не соглашайся. В данном случае раздражает тот факт, что "какой-нибудь Фляровский" имеет возможность на всю страну высказать свое отношение к происходящему. В то время, как полуголодное большинство населения вынуждено ограничивать себя в самовыражении поднадоевшей семьей или узким кругом друзей.

Как только человек входит в Систему (например, приходит на работу), он вынужден – руки по швам! – выслушивать начальство. И молча выполнять нелепые порой распоряжения. Огромное количество умных людей, рождаемых в самых низах системы, гибнет попусту, не сумев привлечь должного внимания. Этим легко объясняется то, что вокруг происходит столько административных глупостей, очевидных с точки зрения элементарного здравого смысла.

Забавная традиция России. Суть которой: не принимать ничего неординарного, индивидуального, отмеченного интеллектом. И она, эта традиция, никогда не привлекала особого внимания. Хотя в результате приводит к таким, казалось бы, не связанным между собой явлениям, как потрясающая серость народных депутатов и полное отсутствие заметных ТВ-персонажей. Поэтому когда в контексте российской действительности употребляют слово "звезда", путаются два понятия – известность и популярность. Известный человек – тот, которого большинство социума знает (по имени или в лицо). А популярный – тот, который нравится, вызывает желание подражать, портрет которого поклонникам хочется повесить в квартире. Короче, популярен тот, кто вызывает вкусную эмоцию.

Когда говорят о западных звездах и их имиджах, имеется в виду, что они как целостный образ нравятся своим поклонникам (насколько они соответствуют своим имиджам, в данном случае не имеет значения). И их приятно видеть, в каком бы контексте они ни появились. Так мудрые кинопродюсеры охотно вкладывают огромные деньги в уже раскрученных звезд, зная по многолетнему опыту Голливуда, что даже если фильм получится откровенно неудачным, коммерческий успех ленты тем не менее будет обеспечен. За счет личного обаяния того или иного актера-звезды. А его профессиональный уровень и драматическое дарование не играют особой роли.

Если же брать наших ведущих актеров и актрис... Видно, что среди них много очень хороших, грамотных профессионалов. Они могут исполнить самые различные роли. Но в них нет звездности, они не несут в мир самих себя. Плечистая Мадонна, девица с банальнейшей внешностью самоуверенной продавщицы овощного магазина, взяв себя на плаках всего земного шара за интересное место, покорила закомплексованных зрителей своей наглой раскованностью. Может быть, и псевдораскованностью, но не в этом суть. Она навязывает себя миру. Многим это нравится, кому-то – нет. Но она – звезда. Наташа [illegible] пытается делать те же телодвижения, но это не [illegible] она другая, Бог весть какая. И в результате лишь [illegible], хотя спору нет, в какой-то малой группе и популярная

Норма Джин (известная как Мэрилин Монро) – тоже ослепительная звезда. Мы видим ее в фильмах такой, какая она есть. И ее никак не назовешь актрисой уровня Сары Бернар.

У нас, безусловно, как и в других пределах, рождаются яркие, выразительные, отмеченные личным обаянием личности. Но они почему-то не попадают в Систему. Их не видно нигде: ни в кино, ни в политике, ни на телевидении. А это уже порок системы.

Кто есть наши ТВ-звезды?

Немигающе хищная птица Миткова (полностью, вплоть до прически и манеры одеваться повторяющая Нонну Бодрову или Азу Лихитченко) смотрит в объектив, словно ворон на падаль. Она поначалу просто была помоложе (факт сам по себе необычный для респектабельного ТВ), чем и привлекла внимание. Кроме того, Татьяна улыбалась. А для новостийной программы это было почти так же круто, как снять штаны на улице Горького (ныне – Тверская). Особенно в ту пору, когда ТВ делалось всего лишь для дюжины зрителей. (Имею в виду членов Политбюро.)

Ведущие программы "Вести" – милые, разумные профессионалы. Лишь Александр Гурнов позволяет себе острить, что необычно для строгой новостийной программы. Он же, кстати, некогда заметил: "Комплекс телезвезды может развиться у юного, на которого известность свалилась внезапно. А если все это нарастало постепенно, и вдруг ты сам с удивлением обнаруживаешь, что тебя знает вся страна, то никакого комплекса нет". Помню, когда чисто случайно оказался с Гурновым за одним новогодним столом в Загорске, он всех доставал объяснениями, что вот, мол, он вчера

сбрил усы и поэтому его привечают меньше, чем Сашу Любимова. Который выпивал-закусывал за этим же столом. Это я к вопросу о комплексах.

Мягкий обтекаемый Дмитрий Крылов – мягок и обтекаем.

Жеманно-манерный Владимир Кириллович Молчанов прослыл самым интеллигентным ведущим. Видимо, лишь потому, что интеллигентных людей не показывают по телевизору (за исключением разве что академика Лихачева).

Потому что интеллигент – это своего рода легенда, истерзанная, как жвачка в зубах ребенка. Интеллигенция. Все об этом явлении слышали. Но никто толком не видел. Так и Мадонна похожа на Мэрилин Монро для тех, кто толком не видел последней, А Владимир Познер в этой системе координат не уступает своим американским коллегам.

У нас, любите от себя, одна звезда телеэкрана – Александр Невзоров. Одни любят, другие ненавидят или презирают. Равнодушных нет. Его знает вся страна. Поклонники готовы за него погибнуть, недруги когда-нибудь [illegible] попытаются убить. Это Любовь. Он такой [illegible], поэтому вся телевизионная общественность к нему [illegible] настроена. Лишь немногие журналисты готовы признать, что Невзоров хороший репортер.

Отсутствие [illegible] закономерно, если вспомнить давнишнее интервью нашего [illegible] главы Российской телерадиокомпании Лысенко, в котором он рассказывает о своей карьере на ТВ (о том, как журналистов снимали с эфира, если они попадали в кадр вместе с интервьюируемым: ибо журналист есть никто, его дело держать микрофон и задавать привычные и банальные вопросы). Все выходящее за рамки стандарта наказывалось. Естественно, что при таком постоянном давлении атрофируется способность быть самим собой. Настолько сливаешься с обоями, что на всю жизнь остаешься замурованным в стене.

Таким образом выходит, что человек получает возможность выражать себя лишь заняв соответствующее место в системе. Но занять его он может лишь будучи долгие годы Молчалиным. Беда лишь в том, что способность быть оригинальным, каким каждый из нас задуман природой, – этот, увы, хрупкий цветок не выносит, как правило, уже даже средней школы. Завянет – второй раз не распустится. И, наконец, памятуя о том, что читателей так же, как и зрителей, раздражают комментарии, признаюсь: все вышеизложенное спорно. И выше изложено лишь потому, что является информацией к размышлению.

Евгений ДОДОЛЕВ.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Алкеше. Полковник, о котором пишут 3
2. Бонзэр. Дама, курящая "Космос" 15
3. Дмитрий Васильев: Что-то с "Памятью" моей стало 26
4. Сокол Жириновский 40
5. Последняя ошибка генерала Калугина 52
6. Коротич предвещает Час Жлоба 59
7. Портрет Макашова на случайном фоне 70
8. Секундомер Невзоров 81
9. Умалатова. Блондинка 94
Послесловие. Культ Личности 106

Редактор Кашляева С.И.

Фото: Азаров А.Б., Акульшин А.М.,
Кочетов А.В., Мащиков В.Б.

Корректоры: Белова С.А., Кутина И.А.

© Компьютерная верстка: Алейников А.Ф.

© Оформление: Алейников А.Ф., Пардаев Ш.А.

ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК "НОВЫЙ ВЗГЛЯД" – И ВЫ УЗНАЕТЕ ТО, ЧЕГО КРОМЕ НАС ВАМ НЕ РАССКАЖЕТ НИКТО.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Нетрадиционный взгляд на известное, эксклюзивная информация о неизвестном – каждую субботу тиражом 1.097.000 экземпляров. Газета распространяется во всех странах СНГ.

Справки по тел.: 298-0979, 259-4019.

По вопросам размещения рекламы в нашем еженедельнике обращайтесь в Издательский Дом "Новый Взгляд"

по тел.: 290-4390, 202-1641.

Факс 202-1856.

Издательский Дом "Новый Взгляд" представляет девять эксклюзивных бесед. Прочитав книгу, вы получите ответы на многие вопросы, касающиеся малоизвестных фактов из жизни людей популярных, узнаваемых и скандально знаменитых.

Вы узнаете, кто любимая женщина Александра Невзорова и куда Сажи Умалатова приглашает на свидание малознакомых мужчин, когда и как генерал Олег Калугин познакомился со своей женой и где Виталий Коротич строит себе дачу, отчего лидер "Памяти" скрывает свою настоящую фамилию и как Елена Боннэр по блату ездила за границу, кто двойник Жириновского и кому Владимир Вольфович подарил свой выходной костюм, что Альберт Махашов думает о гомосексуалистах и где Виктор Алкснис хранит значок народного депутата СССР...

Книга построена в форме диалогов, что дает возможность каждому из читателей составить собственное мнение о собеседнике в зависимости от степени его откровенности.

В сборнике представлены действительно интимные беседы с теми, кого перестройка вывела на новый уровень узнаваемости и неоднозначной славы. Причем "новый" в данном случае не всегда означает нечто лестное.

Герои "кремлевских" бесед выстроены в алфавитном порядке. Чтоб никому не было обидно... Ну и читатели, надеемся, в обиде не останутся.

Издательский Дом "Новый Взгляд" представляет девять эксклюзивных бесед. Прочитав книгу, вы получите ответы на многие вопросы, касающиеся малоизвестных фактов из жизни людей популярных, узнаваемых и скандально знаменитых.

Вы узнаете, кто любимая женщина Александра Невзорова и куда Сажи Умалатова приглашает на свидание малознакомых мужчин, когда и как генерал Олег Калугин познакомился со своей женой и где Виталий Коротич строит себе дачу, отчего лидер "Памяти" скрывает свою настоящую фамилию и как Елена Боннэр по блату ездила за границу, кто двойник Жириновского и кому Владимир Вольфович подарил свой выходной костюм, что Альберт Макашов думает о гомосексуалистах и где Виктор Алксенис хранит значок народного депутата СССР...

Книга построена в форме диалогов, что дает возможность каждому из читателей составить собственное мнение о собеседнике в зависимости от степени его от-